

СЛОВО И КУЛЬТУРА БЕЗ ГРАНИЦ АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сборник статей

НАУЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

**Слово и культура без границ:
аксиологический аспект**

Размещено на сайте 24.04.2026 г.
Объём 5,19 Мб
Формат 70×108/16. Усл. п. л. 22,23. Уч.-изд. л. 13,65.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН.
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89.
E-mail: riohist@yandex.ru.
Тел.: 8 (423) 226-14-02.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Дальневосточное отделение Российской академии наук
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Центр истории культуры и межкультурных коммуникаций
Дальневосточный федеральный университет
Восточный институт (Школа)
Кафедра русского языка как иностранного
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва
(Республика Казахстан)
Хулунбуирский университет
(КНР, АРВМ)
Ассоциация преподавателей русского языка и литературы
Азиатско-Тихоокеанская ассоциация преподавателей русского языка и литературы
Научно-методический центр по проблемам изучения, популяризации русского языка
и укрепления межнационального согласия «ДАР»

СЛОВО И КУЛЬТУРА БЕЗ ГРАНИЦ

Аксиологический аспект

Сборник статей

Владивосток
ИИАЭ ДВО РАН
2026

УДК 81(082)
ББК 81я43

Слово и культура без границ: аксиологический аспект: сборник статей / отв. ред. О.П. Кормазина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2026. 254 с.
ISBN 978-5-6049785-8-0

Сборник статей подготовлен на основе материалов III Международной научно-практической конференции «Слово и культура без границ: аксиологический аспект», посвящённой 80-летию Великой Победы. Основное внимание сосредоточено на решении актуальных для современной гуманитарной науки задач: исследовании художественной литературы в аксиологическом аспекте, изучении фольклора как сокровищницы национальных ценностей, осмыслении духовно-ценностных ориентиров в культуре народов мира с позиции взаимодействия традиций и новаций, анализе проявлений культурных аспектов в различных дискурсивных сферах, рассмотрении строя языка сквозь призму культурных ценностей, поиске решений актуальных проблем преподавания русского языка в условиях многоязычия. Отдельно выделяется тема Великой Отечественной войны и Великой Победы в разноаспектных аксиологических исследованиях.

Издание представляет интерес как для филологов, культурологов, этнологов и специалистов в других гуманитарных областях знаний, так и для всех, кто неравнодушен к проблемам сохранения и развития языка и культуры.

Ключевые слова: словесное искусство, культура, аксиология, художественная литература, фольклор, национальные ценности, духовно-ценностные ориентиры, традиции и новации, дискурс, строй языка, преподавание русского языка как иностранного.

Ответственный редактор

канд. филол. наук *О.П. Кормазина*.

Рецензенты:

канд. филол. наук *Н.В. Михайлюкова*,
канд. ист. наук *Г.А. Андриец*.

Рекомендовано к изданию учёным советом Восточного института (Школы) Дальневосточного федерального университета; учёным советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

ISBN 978-5-6049785-8-0

© Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Кормазина О.П., Цай Синьлин.</i> Концепт «Война» как единица когнитивного уровня языковой личности жительницы Приморья старшего поколения	9
<i>Набиуллина Г.М.</i> Аксиологический аспект башкирской военной прозы	17
<i>Петрова Т.И.</i> Письма фронтовика-дальневосточника как объект лингвистического исследования	24
<i>Старцев А.Ф.</i> Участие коренных малочисленных народов Приамурья и Приморья в Великой Отечественной войне (1941—1945)	33
<i>Цыбенков Б.Д.</i> Сталинградская битва в описании офицера, бурятского писателя Цокто Номтоева	42

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

<i>Бабенко А.С.</i> Репрезентация концепта «Дальний Восток» в повести Р.И. Фраермана «Никичен»	50
<i>Гриценко Ю.А.</i> Педагогический потенциал технологии буктрейлера в формировании ценностных ориентаций младших подростков средствами художественной литературы	58
<i>Исаков А.В.</i> Национально-ценностная перспектива исторической памяти в пьесе Э. Мижита «Кто ты, Субэдей-багатур?»	66
<i>Лэй Шуан, Бай Дунпэн.</i> О духовном содержании и современной ценности стихов Су Ши	71
<i>Рудникова Е.В.</i> Мемуары русских эмигрантов в Новой Зеландии	80
<i>Уайсбаева А.Г.</i> Гендерные роли семьи в античной литературе	89

ФОЛЬКЛОР КАК СОКРОВИЩНИЦА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

<i>Досмурзинов Р.К.</i> «Жиделі Байсын» — благодатная земля в казахской мифологии и фольклоре	97
<i>Зарецкая С.А.</i> Русские кумулятивные сказки как отражение народных ценностей (на примере постановки сказки «Репка» на факультете русского языка Тамканского университета)	99
<i>Тихоновецкая И.П.</i> Воспитание через слово: роль пословиц в анализе литературных произведений с использованием текстографических шаблонов технологии «Текстографика» в начальной школе ...	105
<i>Цыбикова Б.-Х.Б.</i> Основные сюжеты легенд бурят Внутренней Монголии Китая	115
<i>Шукина А.В.</i> Женщина-богатырь в русских былинах и её роль в изучении национальной культуры	124

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

<i>Бай Дунпэн, Алексеева Г.В.</i> Сохранение и инновационное развитие традиционной хайнаньской парчи Лицзинь	133
<i>Бочкарёв А.А.</i> Ценности семьи и родительства в позднесоветском кинематографе	144
<i>Коноваленко И.В.</i> «Учёба» как культурная ценность у китайских студентов	153
<i>Ни Ж.В.</i> Фрейм «Преподаватель/선생님» в языковой картине мира корейцев и русских	157
<i>Огородняя О.В.</i> Русская картина мира как пространство для изучения национального исторического концепта «Царь»	167

КУЛЬТУРА И ДИСКУРС

<i>Курмачева Е.О.</i> Категория оценки как одна из отличительных черт профессионального дискурса	176
<i>Ли Цзин.</i> Языковые средства презентации образа высшего учебного заведения в социальных сетях: региональный аспект	185
<i>Менжулина Д.Е.</i> Метафорическое структурирование представлений о человеке в публичном диалоге	194
<i>Михеева И.В.</i> Лингвокреативный потенциал телескопии и его реализация во франкоязычном песенном дискурсе	201
<i>Роднова М.А.</i> Репрезентация оценки в гипержанре «интеллект-шоу» (на примере речевого жанра «сообщение»)	208
<i>Фёдоров Д.Р.</i> Нейролингвистические фреймы в биоэтическом дискурсе ...	214

СТРОЙ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

<i>Лю Ян.</i> К «расшифровке» культурных кодов: из истории фразеологизма <i>бабье лето</i>	219
<i>Содномтүнрэв Бархас.</i> Некоторые проблемы в переводе русских фразеологизмов на монгольский язык	224
<i>Чжан Шэннань.</i> Этимологические исследования лексики в русской и китайской лингвистике (на материале этимологических словарей)	229

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

<i>Батраева О.М.</i> Мультиформатная практика как средство формирования профессиональных компетенций магистрантов-филологов (из опыта работы)	234
<i>Воронова Л.В.</i> Русский язык как средство социокультурной адаптации и интеграции мигрантов и детей с миграционной историей в принимающее сообщество: из опыта реализации проекта АНО «ДАР» «Научим по-русски»	241
<i>Корчевская Г.П.</i> Лингвокультурологический анализ как средство формирования лингвокультурной компетенции (на материале текста песни С. Чигракова «Еду, еду»)	246
<i>Сироткина Т.А.</i> Диктанты на региональном материале как средство языковой и социокультурной адаптации детей-инофонов	252

ПРЕДИСЛОВИЕ

22—23 апреля 2025 г. кафедрой русского языка как иностранного Восточного института (Школы) ДВФУ и Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН при участии и информационной поддержке Дальневосточного отделения Российской академии наук, Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Республика Казахстан), Хулунбуирского университета (Автономная Республика Внутренняя Монголия, КНР), Ассоциации преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ», Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы «АТАПРЯЛ» и Научно-методического центра по проблемам изучения, популяризации русского языка и укрепления международного согласия «ДАР» была организована III Международная научно-практическая конференция «Слово и культура без границ: аксиологический аспект», посвящённая 80-летию Великой Победы.

Сборник статей, сформированный на основе материалов конференции, подготовлен в рамках сотрудничества вузовской и академической науки Дальневосточным федеральным университетом (г. Владивосток) и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Тематика конференции уже традиционно вызвала большой отклик у российских и зарубежных участников. Данное издание включает работы научных сотрудников и преподавателей высших учебных заведений и средних школ, а также аспирантов и магистрантов из Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Тайваня, Монгольской Народной Республики.

Содержание сборника отражает широкий диапазон научных исследований, подтверждающих актуальность темы состоявшейся конференции. Особенно значимым представляется первый раздел — «Тема Великой Отечественной войны и Великой Победы в аксиологических исследованиях». Приведённые в нём статьи, выполненные на разнообразном материале, включающем архивные источники, тексты художественных произведений, устные рассказы-воспоминания, эго-документы (фронтовые письма), указывают на неиссякаемый интерес учёных к данной теме, что особенно ценно в год 80-летия Великой Победы.

Второй раздел — «Художественная литература в аксиологическом аспекте» — демонстрирует широкий диапазон исследований художественной литературы, от античной до современной. Отмечается национальная специфика литературных произведений, их концептуальное содержание, а также богатый педагогический потенциал, в том числе предполагающий привлечение современных технологий.

В третьем разделе — «Фольклор как сокровищница национальных ценностей» — приведены статьи, посвящённые выявлению

национального своеобразия богатейшего фольклорного материала — сказок, былин, мифов и легенд, пословиц и поговорок. Сквозь призму аксиологии авторы рассматривают специфику русского, казахского, бурятского фольклора; как и в предыдущем разделе, отмечается его воспитательная и обучающая ценность.

Четвёртый раздел — «Духовно-ценностные ориентиры в культуре народов мира: взаимодействие традиций и новаций» — посвящён изучению ценностных доминант в национальном, в том числе языковом, сознании различных народов. Авторами описана специфика репрезентации национальных культур посредством таких единиц, как концепты и фреймы; рассмотрена проблема сохранения и развития объектов нематериального культурного наследия.

В пятом разделе представлены работы, отражающие взаимопроникновение двух сложных и многогранных феноменов — «Культура и дискурс». Авторы обращают внимание на проявление аксиологической специфики в различных дискурсивных сферах: публичной, педагогической, биоэтической, песенной, а также в интернет-дискурсе и дискурсе массмедиа.

В шестой раздел — «Строй языка сквозь призму культурных ценностей» — включены статьи, являющиеся результатом исследований языковых единиц на лексическом уровне: авторами проанализирована специфика русских фразеологизмов, в том числе с позиции проблемы их перевода и изучения в иноязычной аудитории, рассмотрена история выявления и систематизации заимствованной лексики.

Наконец, в последнем, седьмом разделе сборника — «Актуальные проблемы преподавания русского языка в условиях многоязычия» — представлены современные тенденции в теории и практике РКИ. Авторы описывают актуальные методики обучения, направленные на формирование коммуникативной, лингвокультурной, социокультурной и профессиональной компетенций студентов, а также мигрантов и детей с миграционной историей.

Столь широкий круг направлений исследований ещё раз подтверждает значимость заявленной темы — «Слово и культура без границ». Представленные в сборнике статьи помогают осмыслить ценность словесного искусства и культуры народов России и мира для современников и грядущих поколений в мировом культурном пространстве, осознать высокую востребованность русского языка мировым сообществом.

Ответственный редактор
О.П. Кормазина

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В АКЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 81-25

**Кормазина Ольга Петровна,
Цай Синьлин**

Дальневосточный федеральный университет
kormazina.op@dvfu.ru; tcai.si@dvfu.ru

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» КАК ЕДИНИЦА КОГНИТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ ПРИМОРЬЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу концепта «Война» как значимой единицы когнитивного уровня отдельной языковой личности — Анны Александровны (1931 г.р.), старожила пос. Реттиховка Черниговского района Приморского края. Рассмотрены ключевые ассоциации, связанные в сознании информанта с темой войны; выявлены основные оценочные значения. Сделан вывод о том, что данный концепт является для исследуемой языковой личности одним из базовых, определяющим её систему ценностей и модели поведения в различных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, концепт «Война», рассказ-воспоминание, дальневосточный региолект

**Kormazina O.P.,
Cai Xinling**

Far Eastern Federal University

The Concept of “War” as a Unit of the Cognitive Level of the Linguistic Personality of an Older Resident of Primorye

The article deals with the analysis of the concept of “war” as a significant unit of the cognitive level of the individual linguistic personality — Anna Alexandrovna (born in 1931), an old-timer of the village of Rettikhovka (Chernigovskiy district, Primorskiy Krai). The key

associations connected in the informant's consciousness with the theme of war are considered; the main evaluative meanings are identified. It is concluded that this concept is one of the basic ones for the studied linguistic personality, determining its system of values and models of behavior in various life situations.

Keywords: linguopersonology, linguistic personality, concept, story-remembrance, Far Eastern regiolect

Одним из активно разрабатываемых направлений в русле современной антропоцентрической парадигмы является лингвистическая персонология, ключевым понятием которой выступает *языковая личность*. В настоящее время существует множество подходов к осмыслению данного феномена; в нашем исследовании мы опираемся на трактовку, предложенную Е.В. Иванцовой, определявшей языковую личность как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отражённую в созданных ею текстах» [Иванцова 2002, с. 10].

Ключевые задачи лингвоперсонологии заключаются, с одной стороны, в исследовании речи представителей отдельных социальных групп, а с другой — в изучении «идиоречи» конкретных носителей языка. Значимый вклад в развитие второго из указанных направлений внесён отечественными диалектологами, в частности представителями Томской диалектологической школы [Иванцова 2002; Гынгазова 2002; Казакова 2007; и мн. др.]. Опираясь на результаты их научной работы, мы пришли к выводу, что объектом исследования в данном случае может быть не только носитель диалекта, но и, шире, носитель *региолекта*, т.е. житель определённого региона, специфика языкового существования которого непосредственно обусловлена особенностями данной территории — историческими, природно-географическими, хозяйственными и т.д.

Объектом нашего исследования выступает конкретная языковая личность — Анна Александровна, коренная жительница пос. Реттиховка Черниговского района Приморского края, 1931 г.р. Анна Александровна — представительница третьего поколения жителей села, куда ещё в 1910 г. переселилась из Украины семья её бабушки. Материалом для анализа послужили расшифрованные аудиозаписи её рассказов-воспоминаний, сделанные в период с 2013 по 2025 г.

Устоявшийся подход к описанию языковой личности, предложенный Ю.Н. Карауловым, обычно включает характеристику трёх уровней её организации — вербально-семантического,

когнитивного и прагматического [Караулов 1997, с. 672]. На данном этапе исследования нас интересует когнитивный уровень анализируемой языковой личности, отражающий специфику её картины мира; единицами данного уровня являются понятия, идеи, концепты.

Анне Александровне было 10 лет, когда началась Великая Отечественная война. Данный период является одним из центральных воспоминаний нашей рассказчицы, определившим её мировоззрение, жизненные установки и систему ценностей. Исходя из этого считаем целесообразным рассмотреть специфику репрезентации концепта «Война» в её языковом сознании. Опираясь на концепцию З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2007, с. 75], остановимся на специфике репрезентации двух составляющих структуры концепта — информационном содержании и интерпретационном поле.

Как показали наши наблюдения, **информационное содержание** концепта «Война» в рассказах-воспоминаниях Анны Александровны представлено слабо. Чаще всего упоминаются конкретные даты — начала или окончания войны, продолжительность военных действий. При этом данная информация является для рассказчицы своеобразным «временным ориентиром» при описании событий собственной жизни, жизни близких людей или жизни села, например:

Тётъ Нине было/ пятнадцать лет/ вот она в двадцать шестом [у]о́ду родíлась/ в июне/ а-а/ в сорок первом началась война...;

Война кончилась девятого мая/ а в начале ав[у]уста/ значить/ стали воевать с Японией.../ Када кончилась война/ закрыли леспромхоз...;

И када кончилась война все[у]о двадцать дней шла/ и/ када войска назад/ значить/ это/ и вот этот дядя Ваня Курбанов заехал/ убежал/ на минутку...

Единичными являются случаи упоминания конкретных эпизодов в ходе войны — в частности, перебрасывание на Дальний Восток войск перед началом войны с Японией. При этом мы видим не историческое изложение фактов, а их личное восприятие, причём достаточно эмоциональное. Так, рассказчица вспоминает, как летом 1945 г. 5-я армия была переброшена на Дальний Восток, в то время как «японцы стояли на границе»:

...А японцы стоят на [у]ранице падлы и/ никуда/ ни туда ни сюда/ ну вы ж уже начинайте войну/ они всю войну простояли на [у]ранице/ ну в смысле шо немцы за.../ займут Москву/ так они отсюда пойдут да разделят Россию/ ну// Та война кончилась/ а тут значит это.../ Пятая армия

вся оттуда двинулась сюда/ солдат/ солдат/ и кавалерия/ и лошади/ и пушки/ и тут [у]отовились к войне...

Более ярко в рассказах Анны Александровны раскрывается **интерпретационное поле** концепта «Война». Исходя из результатов первых наблюдений, мы выделили три ключевые тематические группы, ассоциирующиеся в воспоминаниях рассказчицы с войной: 1) «Голод»; 2) «Жизнь членов семьи»; 3) «Пленные японцы». Рассмотрим их подробнее.

Тема **«Голод»** раскрывается в первую очередь посредством описания Анной Александровной собственного физического состояния в голодные военные годы. Например:

...начáлся [у]олод// Особенно/ особенно сорок четвёртый// Помню.../ я [у]олодная/ сижу/ ни[у]де ничего нет/ ни[у]де ничего...;

...уже де-то три или четыре дня не ела// ...Сижу помню на коридоре и чё-то [у]лянула/ а у меня руки то-о-олстые! Опухли//

На этом фоне отдельными яркими воспоминаниями предстают эпизоды с едой, интерпретируемые рассказчицей как спасение от голодной смерти:

...Я помню пошла под речку/ и смотрю шо-то зеленеет/ ...шо вроде как крапива/ и шо-то каких-то корней я набрала// Эти корни.../ значить туды/ в ведёрный чу[у]ун/ затопила плиту/ налила воды.../ Сижу и ем это// ...Дак я/ раза два/ вот шо я не не умерла с [у]олоду/ вот это этих помой наелась;

А потом/ значить/ я помню/ у соседей/ шо-то появилась кака-то/ женщина/ майор// ...Стоит эта тётя/ и подаёт мне чё-то// Я подошла значить/ вижу шо хлеб! Бутерброд// Я значить/ схватила этот хлеб/ а[у]а/ как/ када я его про[у]лотила я не помню.../ В общем неделю [она кормила]// Это мно[у]о значит...;

В детсадике.../ тётка Мазуренчиха варила суп там какой// И я помню раз подползла до забора/ «тётка Мазуренчиха!»// Та подошла/ «цэ ты? Пидожды».../ И шо-то налила и видать по[у]уще/ и мне сунула туда/ под забор/ я значить дальше это/ съела/ под забор// Я/ была очень бла[у]одарна...

Так, первый пример представляет собой фрагмент воспоминания о том, как рассказчица ранней весной варила суп из ростков и корней крапивы; второй пример — воспоминание о том, как женщина-майор несколько дней кормила её бутербродами; третий пример описывает, как повариха в детском саду кормила её супом, передавая еду под забором. Сама Анна Александровна высоко оценивает значимость этих событий, подчёркивает свою благодарность кормившим её женщинам.

Примечательно, что избавление от голода ассоциируется в рассказах Анны Александровны с двумя образами — отца и Сталина. Вернувшийся с войны отец начал охотиться, обеспечил семью едой; Сталин «накормил страну хлебом»:

*Уже потом/ осенью/ уже **пришёл папа...**/ Пошёл на охоту/ мы худющие/ када папа пришёл/ мама [у]говорит/ «Лександр/ нарно поумирают дети/ чахоткой заболелют смотри какие худые!»// Папа [у]говорит/ «нычѐ Паша/ **я их подниму**».../ Накопал барсуко[w]// Мы ели;*

*...Хлеба уже было вдоволь// **Сталин нас накормил хлебом/ сразу после войны**// Вот его ру[у]ают щас.../ Вот ты знаешь как быстро после войны хлеба мы ели вдоволь//*

Большой объём ассоциативных связей имеет концепт «Война» с темой «**Жизнь членов семьи**». Война сказалась на судьбе родителей Анны Александровны, её братьев и сестёр.

Прежде всего, воспоминания о военном времени связаны с фактом отсутствия дома отца — его, имевшего травму ноги, в начале войны не забрали на фронт, но в 1942 г. всё же призвали на службу, он стал кочегаром и затем поваром полевой кухни и вернулся домой только после завершения войны с Японией в сентябре 1945 г.:

*...Сразу папу забраковали.../ а-а/ **в сорок втором [у]оду всё равно забрали/ шо он с[у]одится/ и-и папа/ был/ коче[у]аром/ в военной столовой/ стал поваром**// Стал поваром/ был вот на фронте/ не с [у]ерманией/ а он служил на Хасане/ папа/ и-и/ полевая кухня// А война-то с Японией шла всего двадцать дней/ и папа значить вот [у]отовил.../ считай он участник войны/ он тут же/ тут же бой идёт/ всё/ и тут же папа кормит этих/ о//*

Трагические события войны стали переломным моментом и в жизни матери Анны Александровны:

*Мама.../ сестра по[у]ибла/ маму/ **парализовало...**/ Она после похорон целый месяц рыдала/ сильно рыдала/ а потом она сле[у]ла/ в Манзо[w]ке [в больнице] она полгода пролежала.../ И вот уже к концу войны/ девятого мая день Победы/ к середине мая она поднялась и уже стала похаживать.../ Када война с японцами началась/ она уже работать пошла...*

При этом рассказчица отмечает, что ещё до болезни мать всё время проводила на работе в колхозе, вследствие чего Анне Александровне самой пришлось взять на себя роль матери для троих младших сестёр:

Маму.../ с темна до темна [у]оняли в колхоз на работу// Она вставала собиралась ещё по тёмному и приходила уже по тёмному// Уже Таня Майя Валя спали/ я уже управлялась;

*Када началась война/ осталась Таня семилетняя/ Майя трёх-
летняя/ и Валя четырёхмесячная// И я десятилетняя.../ Я была
им мама все четыре года...*

Тяжёлые эмоции вызывают у рассказчицы воспоминания о войне в контексте судеб её четверых старших братьев и сестёр. Старшего брата Борю начало войны застало во время службы в армии, всего за несколько месяцев до демобилизации, и ему пришлось служить ещё много лет: *Боря в сентябре должен был демобилизоваться/ а в июне война/ и он служил всю войну/ и потом ещё после.../ И всего Боря служил десять лет//*

Самой благополучной Анна Александровна считает судьбу старшей сестры Лизы — она была женой офицера и поэтому жила намного лучше остальных: *Ну Лизына/ конечно/ судьба её/ вот это счастье шо она уже была замужем/ муж офицер.../ А Миша/ муж её/ он не служил/ он всю войну учил молодых офицера[w]/ во-от/ а-а/ с Японией он воевал// Прожила она с Мишей/ как/ у бо[у]а за дверьми/ она не так жила как мы все//*

Брат Петя, тринадцатилетний подросток, в начале войны был отправлен в ФЗО, где учился на слесаря и затем всю войну работал: *Петю забрали в ФЗО/ тринадцатилетнего/ он по-моему тоже де-то/ около [у]оду/ учился/ и сразу поставили за станок//*

Особенно трагична история сестры Нины, которую в 15 лет взяли в железнодорожное училище и затем поставили работать кочегаром на паровозах. В 16 лет она вышла замуж, а в 17 лет погибла, попав под поезд. На момент гибели она ждала ребёнка: *По-моему [у]од Нина училась// И сразу её в Сибирцево поставили коче[у]аром// Папа служил/ на Хасане/ вот она изредка на Хасан.../ вот она и по[у]ибла из-за этого Хасана/ шоб к папе поехать поисть.../ В сорок четвёртом [у]оду/ её убило/ поездом/ она под поезд попала// Нина уже была беременная месяца три наверно;*

Вот Сибирцево/ в Манзо[w]ке/ там кладбища не было/ а сибирцевское кладбище было в Монастырище.../ И таким образом её похоронили там как сироточку/ и ей бы в июне месяце исполнилось бы восемнадцать лет/ всего восемнадцать лет/ и стоко вот она уже увидела [у]оря/ всего этого//

Из приведённых фрагментов отчётливо видно, что образ войны, представленный через описание судеб самых близких людей, воспринимается рассказчицей как огромное горе, трагедия. Война лишила детей и подростков детства:

Военное время/ мы считай почти шо и выросли вот на этих/ на военищине/ на/ на-а/ на этих пушках пулемётах/ на войне// Вот это вот так// У нас детства не было/ какое у меня детство/ [у]олод/ холод...

Поэтому главным счастьем в жизни Анна Александровна считает то, что её дети и внуки не узнали ужасов войны:
Ну слава бо[у] шо вот это вот/ мно[у]о лет вот прожили/ мои дети/ без войны//

Наконец, яркие воспоминания о времени завершения войны и о первых послевоенных годах проявляются в теме «**Пленные японцы**»:

А када/ значить/ война на́чалась с Японией/ ну и прошло наверно/ м-м/ ты знаешь прям буквально несколько дней/ ...[у]лядь/ оттуда/ пленных везут// Так/ знаешь/ нарно человек/ ну сто/ может даже больше// Мама значить тада/ дверь открыла/ «дети дети/ пленных везут! Японцев»// А[у]а// А вели с само[у]о ж с Черни[у]о[w]ки/ конво́иры с автоматами наши/ и дети/ человек восемьят.../ Мы идём/ тоже ведём пленных// А конво́иры нас не про[у]оняют/ ничё/ у[у]у// Ну/ японцы здесь были/ де-то/ до сорок девято[у]о [у]ода/ всё/ какие они мастеровые!

Данные воспоминания частично затрагивают информационное содержание концепта «Война» (появление в Приморье лагерей для пленных японцев, сроки их пребывания на территории края), но в большей степени всё же раскрывают его интерпретационную зону. Так, в рассказах Анны Александровны японцы не предстают врагами, она вспоминает о личных контактах с ними, даже спустя много лет называет их имена, даёт высокую оценку их работе: японец Мацү Мацуи сшил ей красивое пальто, художник Эйтао Хиросава нарисовал портреты членов семьи, Фуко Ока помогал штукатурить дом:

Мне шили/ с папиной железнодородо́жной шинели перешили пальто/ японец/ э-э/ Мацү Мацуи/ такое пальто пошил/ красиво все подо[у]нал;

Художник/ рисовал нас/ художник/ Эйтао Хиросава/ звали// От [у]де-то есть опять же фото[у]графия/ я/ Лиза/ Миша/ а[у]а/ ещё [х]то-то/ мы сидим/ а Петьки не было/ только Петькин портрет / этот который японец рисовал;

Фуко Ока// М-м/ ну работали мы с ним ночью/ мама/ поставит кровать/ и спит тут/ а[у]а/ а мы/ с Фуко Окой щекатурим/ я ему [у]лину подаю и поём «Катюшу»!

Со временем, по воспоминаниям Анны Александровны, японцы стали практически «своими» в селе, молодёжь с ними сдружилась:

...Мы/ вся молодежь реттихо[w]ская/ солдаты/ о/ и-и/ японцы/ военнопленные/ уже без этих/ без конво́иро[w]// без ниче[у]о/ тушили/ лес/ и-и/ шобы/ шоб пасека не с[у]орела.../

*И пели! Я помню идём/ девчата/ хлопцы/ наши/ и японцы/
и-и поём все «Катюшу»// «Выходила на бере[у] Катюша»//
Они уже среди нас;*

*Как-то вроде/ видишь/ прошла вся обида/ всё это/ и де-то
вот уже к пятидесятым [у]одам мы уже с ними стали
как.../ подружались//*

Негативное восприятие войны проявляется и в воспоминании о чувстве жалости, которые вызывали у рассказчицы пленные японцы:

*Был Кано/ молоденький/ м-м/ дрова всё возил.../ Мне его
чё-то и жалко стало/ думаю ну он же тоже/ молоденький
парень/ послали е[у]о на войну/ пошёл//*

Таким образом, проанализировав фрагменты воспоминаний Анны Александровны о войне, мы можем сделать следующие выводы. Концепт «Война» в сознании рассказчицы репрезентируется в первую очередь за счёт осмысления событий, имевших непосредственное отношение к её жизни и жизни членов её семьи. Война — это голод и холод, тяжёлая работа, отсутствие нормального детства и, самое страшное, потеря близких. При этом личный контакт с бывшими врагами — пленными японцами — убеждает рассказчицу в том, что и они, по сути, являются такими же жертвами этого страшного события. Поэтому самым большим счастьем для рассказчицы навсегда остаётся жизнь без войны; радость от того, что её дети и внуки не знают тягот военного времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гынгазова Л.Г. Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 136—146.
2. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 312 с.
3. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехнич. ун-та, 2007. 200 с.
4. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 671—672.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.

Набиуллина Гульнур Мирзаевна

Уфимский федеральный
исследовательский центр РАН
gulnurnabiullina@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БАШКИРСКОЙ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ

Исследование посвящено актуальной задаче — выявлению истоков героизма советского солдата на материале башкирской литературы. Великая Отечественная война изменила психологию и мировоззрение советских людей, аксиологические установки: общечеловеческие ценности, такие как нравственность, любовь к ближнему и Отечеству, терпимость, взаимопомощь, храбрость, непоколебимость, щедрость, великодушные, милосердие, сострадание, определили характерные черты произведений. Стремление башкирских авторов к воплощению славных страниц истории народа проявилось в идейно-тематической содержательности и духовной наполненности прозы, в которой эмоциональность героя выдвигается на первый план.

Ключевые слова: башкирская проза, писатели-фронтовики, гуманизм, аксиологический подход, патриотизм

Nabiullina G.M.

Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences

The Axiological Aspect of Bashkir Military Prose

The study is devoted to the urgent task of identifying the origins of the heroism of the Soviet soldier based on the material of Bashkir literature. The Great Patriotic War changed the psychology and worldview of Soviet people, axiological attitudes: universal values such as morality, love for one's neighbor and Fatherland, tolerance, mutual assistance, courage, steadfastness, generosity, generosity, mercy, compassion, determined the characteristic features of the works. The desire of Bashkir authors to embody the glorious pages of the history of the people was manifested in the ideological and thematic content and spiritual fullness of the prose, in which the emotionality of the hero is brought to the fore.

Keywords: Bashkir prose, front-line writers, humanism, axiological approach, patriotism

В последнее десятилетие XX в. учёный мир стал свидетелем появления исследований, анализирующих аксиологический подход. Интерес к данному аспекту, фундамент которого в литературоведении заложен М.М. Бахтиным, вполне закономерен. И это вызывает необходимость в углублённом осмыслении аксиологии как актуального направления научного исследования. Имеющийся ряд работ Л.Н. Столовича, А.Е. Кунильского, И.А. Есаулова, Т.Б. Любимовой, Ю.Б. Борева, А.В. Гульги, В.А. Свительского пополнился трудами Э.Л. Афанасьева, А.П. Власкина, Т.С. Власкиной, Р.А. Гальцевой, О.В. Зырянова, И.А. Есаулова, Т.А. Касаткиной, В.А. Котельникова, Р.А. Кудрявцевой, В.Б. Петрова, Е.В. Поповой, И. Роднянской, В.А. Свительского, К.К. Султанова, Н.П. Теретьевой, Л.Ю. Фуксона, В.Е. Хализева.

Во второй половине XX в. и первой половине XXI в. появились фундаментальные исследования по истории и теории башкирской прозы, написаны работы по отдельным жанрам, монографические труды о творчестве ведущих башкирских писателей. Многотомное издание «Башкирское народное творчество», 7-томная «История башкирской литературы» стали значительными достижениями национального литературоведения. Появление монографических трудов о путях развития литературных видов и жанров дало возможность приступить к исследованию аксиологического характера нравственных аспектов художественной литературы, опираясь на теорию ценности.

Уделяя внимание центру аксиосферы, «миру ценностей» [Хализев 2004, с. 31], и анализируя башкирскую военную прозу, мы обратили внимание на произведения писателей-фронтовиков, обогащённые автобиографическими элементами, переживаниями и любовью к своему Отечеству.

Истоки бессмертного подвига советского народа раскрыты в произведениях о Великой Отечественной войне, где проявилась преданность Родине в суровых условиях. Новые темы и образы, основанные на реальных фактах, возникли благодаря живым связям с жизнью народа, сама война вызвала подъём советской многонациональной литературы. Писатели и поэты вместе народом приняли историческую миссию, стали на защиту Отечества с глубоко патриотическими произведениями. Сплочённость и характер патриотизма, воля к победе советских людей обобщены в произведениях писателей-фронтовиков, таких как Ю. Бондарев, В. Быков, А. Ананьев, В. Карпов, В. Богомоллов, М. Карим, И. Гиззатуллин, Х. Гиляжев, Ш. Биккул, Д. Исламов, Г. Ибрагимов, И. Абдуллин и др., за годы войны выросших в творческом плане.

Башкирская литература героически прошла в составе советской литературы это испытание. Из числа шестидесяти добровольно ушедших на фронт башкирских писателей и поэтов погибли молодые поэты: М. Хай, М. Харис, Х. Кунакбай, Н. Кариш, С. Мифтахов, Г. Юсупов, Т. Мурат, Б. Мукамай, М. Абдуллин, А. Шакири [Набиуллина 2016, с. 537]. В творчестве писателей С. Кудаша, Р. Нигмати, Б. Бикбая, С. Агиша, Г. Гумара прославлены труженики тыла, те, кто своим трудом приближал победу. Героический пафос произведений, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, донёс патриотические чувства советского человека до XXI в.

Бессмертные подвиги советских воинов, боевой дух работников тыла, братская дружба и героическое прошлое народов многонациональной страны, вера в несокрушимую силу Родины, ненависть к врагам были обобщены в конкретных образах. Появились новые сюжеты, достоверные темы, живые образы в произведениях «Высота тридцати», «Байгужа Саитгалин» К. Даяна, «Политрук Лавров», «Настя» Б. Дима, «Родина зовёт», «Любовь бессмертна», «Сержант Галин» Х. Карима, «Фашист — не человек», «Не сдаваться врагу», «Они оправдали доверие Родины» А. Карная, «Солдат» А. Чаньша, «Зубей Утягулов» Ж. Киекбаева, «Арслан» Б. Бикбая; в книгах «В степях Дона» (1942) Кудаша, «Для фронта» (1943) Агиша, «Башкиры» (1943), «Джигиты» (1944) Мэргэна. В рассказах «Всадник Илмурза», «Мои три месяца» С. Агиша преобладала документальная основа, «путевые записки С. Кудаша, С. Агиша» [Буляков 1993, с. 19] отражали фронтовые будни башкирских конников.

Вера в нравственность и гуманизм воспитала у советских писателей глубинное чувство патриотизма, которое помогло им не падать духом в тяжёлое время и творить во благо своего Отечества, высокое состояние их духа породило высокое искусство. Лучшие черты эпических героев, таких как Урал-батыр, Идель-батыр, Заятуляк, Хаубан, «которые мечтал видеть народ в своих защитниках, — героизм, самоотверженность, справедливость, щедрость» [Хусаинов 1998, с. 373] были отражены в подвигах советских солдат.

Произведения и судьба писателей были достойными примерами в воспитании гражданина страны. Творчество известного писателя-фронтовика Ибрагима Гиззатуллина — «башкирского Корчагина» — хорошо знакомо не только башкирским читателям; герои его произведений обладают большой силой воли и мужеством. Постигание свойств их характера важно потому, что оно даёт ключ к пониманию судьбы самого писателя,

факты личной биографии имели решающее значение для дальнейшего творчества И. Гиззатуллина.

В 1941 г. ему пришлось пережить событие, которое перевернуло всю его жизнь: 23 октября вражеская пуля, тяжело ранив 23-летнего молодого парня в 23 местах, приковала его к постели. Без посторонней помощи Ибрагим не мог даже двигаться, но и в таком состоянии он не пал духом. Появление в жизни молодого парня учительницы по имени Зулейха сыграло важную роль в его дальнейшей творческой судьбе, помогло укреплению боевого духа И. Гиззатуллина. 48 лет совместной жизни Зулейха каждый день самоотверженно ухаживала за супругом, она стала ему и опорой, и матерью его пятерых детей, и медсестрой, и секретарём. Используя левую руку, пальцы которой с трудом шевелились, И. Гиззатуллин написал книги «Перед дорогой» (1967), «Тропинки жизни» (1969), «Сад влюблённых» (1972), «Второй гром» (1974), «Вторая высота» (1981), «30 лет после смерти» (1986). Его проза требует более пристального изучения как образец подлинного искусства, родившегося в муках и переживаниях самого автора.

И. Гиззатуллин, оставшись прикованным к постели, оптимистически смотрел на мир, его жизненный подвиг порождает чувства преклонения перед героическими деяниями солдат. Подвиг Зулейхи Тахауны, которая была не только женой и матерью, но и всю жизнь работала в школе, вела общественную жизнь, заслуживает увековеченья. Характер советского человека, подвиг и чувства патриотизма, старание и неустанный труд, любовь к ближним раскрывается в соответствии с религиозным учением, в котором человеческая жизнь предстаёт разделённой на два начала, где смерть (война) противопоставляется жизни (миру). Судьба Ибрагима и Зулейхи Гиззатуллиных — это не только история одной башкирской семьи, а судьба нашего народа.

Великая Отечественная война поменяла психологию мировоззрения советских людей и аксиологические установки: начиная с рассказов Г. Гумера (1942) до повести «Урал течёт, извиваясь» (1981) М. Хайдарова такие общечеловеческие ценности, как нравственность, любовь к ближнему и Отечеству, терпимость, взаимопомощь, храбрость, непоколебимость, щедрость, великодушные, милосердие, сострадательность, определили характерные черты произведений военных лет. Стремление башкирских авторов к воплощению славных страниц истории народа проявилось в идейно-тематической содержательности и духовной наполненности прозы, в которых эмоциональность героя выдвигалась на первый план.

В изучении истории войны исследователи сделали большой шаг вперёд, в этом есть заслуга советских писателей-воинов, которые не стали пассивно ожидать беду, а штыком и пером приближали победу. Ответвлением темы Великой Отечественной войны является дружба между народами, проживающими на территории СССР, которая очевидна и в творческом плане, и в жизни. Когда М. Карим из-за полученных в августе 1942 г. под Орлом военных ран и «осколка мины в теле», которые спустя несколько лет «напоминали о себе» (об этом говорят дневник поэта, повесть «Долгое-долгое детство», знаменитое стихотворение «Три дня подряд идёт снег»), находился в госпитале, он обрёл друга — познакомился с молодым аварским поэтом Р. Гамзатовым.

В древних мифах, эпосах, трактатах, в античной философии война рассматривается как зло. С позиции религиозной и общечеловеческой морали, действительно, затевающий войну считается безмерно грешным. Великая Отечественная война была для советского народа оборонительной, это обсуждалось на Нюрнбергском процессе над военными преступниками. Советская литература, в том числе и башкирская, также заострила внимание именно на данном аспекте. Произведения, написанные во второй половине 80-х гг., такие как повесть «Помилование» М. Карима, романы «Голос раненного человека» Н. Мусина, «Млечный путь» А. Хакимова, были шагом вперёд в изображении военных действий с позиции человечности. Писатели, изображая картины Великой Отечественной войны, стараются с наибольшей полнотой выразить человеческое стремление к гуманизму.

Это подтверждает А.Ш. Абдуллина, которая пишет, что «повесть М. Карима „Помилование“ ознаменовала собой переход к новому периоду в литературе, она написана как бы на стыке социальной критики и апологии духовных поисков рубежного времени» [Абдуллина 2007, с. 62].

Основной сюжета повести «Помилование» (1985) М. Карима стал расстрел по приговору военного трибунала молодого сержанта, оставившего на несколько часов свою часть, чтобы встретиться с любимой девушкой. Он упоминается автором и в его дневниках, и в повести «Долгое-долгое детство».

Как подчеркнул сам М. Карим в личной беседе в апреле 1994 г., в содержании повести противопоставляются два закона: закон войны и закон гуманизма. Это позволяет анализировать героев «Помилования» с той позиции, что Вардгес Казарян (в новых вариантах Руслан Казарин), Ефимий Лукич Бурёнкин, Гардан

Марданов, майор и лейтенант юстиции, ведущие следствие по делу сержанта Зуха, стоят на страже закона войны; Любомир Зух, Мария Тереза, Янтимер Байназаров, Гульзифа, Дусенбаев — гуманизма. Любовь Марии Терезы и Любомира Зуха, рождённая в военных условиях, является антиподом войны: она — источник света и тепла, порождает радость, прекрасное, высокое, война же губительна, сметает всё на своём пути, убивает даже самых невинных, приносит беды, несчастья, человеческие слёзы.

Янтимер Байназаров — молодой лейтенант, окончивший театральное училище, мечтающий сыграть на сцене национального героя Салавата Юлаева, — прототип самого автора. Писатель подробно анализирует его отношение к окружающим и его душевные терзания. Законы войны чужды молодому лейтенанту, человеку с тонкой душевной организацией, хотя он возглавляет взвод автоматчиков. В отличие от героических персонажей, Янтимер — натура мыслящая, которая умеет определять грани гуманизма. Главная идея повести — протест против античеловеческой сущности войны, как в знаменитых романах о Первой мировой войне Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!».

Академик Г.Б. Хусаинов, анализируя повесть «Помилование» М. Карима, отметил «лирическую тональность стилистики и стиль произведения» [Хусаинов 1994, с. 403]. В повести часто используются поэтические тропы: метафора, эпитет, метонимия, которые приближают её к поэтическому произведению, усугубляя поэтично-эмоциональную сторону, переносное значение. М. Карим описывает своих романтических героев как поэт, используя такие художественные детали, как яблоко, ложка и карманный фонарь Янтимера, листопад, камень, традиционный образ луны. Символ первой любви, «Мария Тереза всё идёт, всё шагает по белу свету — плачет и смеётся, плачет и смеётся, смеётся и плачет...»

По мнению литературоведа М. Ломуновой, фольклорные и мифологические элементы и мотивы, связывая прошлое и настоящее, углубляют неповторимую образность повести, придав ей особый философский смысл [Ломунова 1988].

Таким образом, подлинно народный характер Великой Отечественной войны раскрывается в произведениях башкирских авторов, которые пишут о пережитых, хорошо знакомых им событиях, внося своеобразную краску в военную тематику. Необходимо признать аксиологический характер нравственного аспекта военной прозы: среди них есть истории о трагических

страницах битв под Москвой и Сталинградом, описания героических будней военных лётчиков и историко-биографические произведения. Несмотря на разные сюжеты, во всех произведениях прослеживается общность героических судеб и высоких морально-нравственных принципов персонажей.

В произведениях, написанных во второй половине 80-х гг., исторические события анализируются с позиции гуманизма. С учётом вышеизложенного, правомерным представляется утверждение, что в основе исследуемых произведений лежат общие задачи — глубокое понимание общечеловеческих ценностей. Композиционный центр произведений формируют герои первого плана, которые силой чувства, глубиной духовной жизни, нравственной чистотой соединены в один художественный строй для признания человеческой жизни как ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина А.Ш. Некоторые особенности современной башкирской прозы // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 61—64.
2. Буляков И.К. Проза // История башкирской литературы. В 7 т. Башкирская советская литература (1941—1955 гг.). Уфа: Китап, 1993. С. 18—38. (На баш. яз.)
3. Ломунова М.Н. Мустай Карим. М.: Художественная литература, 1988. 224 с.
4. Набиуллина Г.М. Литература // Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. М.: Наука, 2016. С. 532—540.
5. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.
6. Хусаинов Г.Б. Литература и наука. Уфа: Гилем, 1998. 613 с.
7. Хусаинов Г.Б. Мустай Карим. Уфа: Китап, 1994. 416 с. (На баш. яз.)

Петрова Татьяна Ивановна
Дальневосточный федеральный
университет
petrova.ti@dvfu.ru

ПИСЬМА
ФРОНТОВИКА-ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКА
КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Источником для представленного в статье исследования послужили письма дальневосточника, являющегося носителем особого идиома русского языка, отражающего специфику языковой ситуации на юге Дальневосточного региона — в частности, восточнославянское межъязыковое взаимодействие. Эмпирический материал анализируется в двух аспектах: собственно языковые особенности речи (графико-фонетические, грамматические, лексические) и концептуальное содержание писем; обращается внимание и на используемые в письмах стереотипы народного речевого этикета.

Ключевые слова: контактная лингвистика, близкородственное межъязыковое взаимодействие, дальневосточный региолект, эго-материалы

Petrova T.I.
Far Eastern Federal University

**Letters of a Far Eastern Frontline Soldier
as an Object of Linguistic Research**

The source for the research presented in the article is the letters of a Far Easterner who is a native speaker of a special idiom of the Russian language, reflecting the specifics of the language situation in the south of the Far Eastern region — in particular, East Slavic interlingual interaction. The empirical material is analyzed in two aspects: the actual linguistic features of speech (graphic-phonetic, grammatical, lexical) and the conceptual content of the letters; attention is also paid to the stereotypes of folk speech etiquette used in the letters.

Keywords: contact linguistics, closely related interlingual interaction, Far Eastern regiolect, ego-materials

*Светлой памяти моего деда
Ивана Варфоломеевича Дударко,
пропавшего без вести в июле
1943 г. на Курской дуге*

Эмпирическим материалом исследования стали письма участника войны Ивана Варфоломеевича Дударко, который в семилетнем возрасте прибыл с родителями-переселенцами из Полтавской губернии в Южно-Уссурийский край и до войны жил в селе Архангеловка Успенской волости. В 1942 г. он был мобилизован, перед отправкой на фронт находился на сборном пункте в Дальнереченском (тогда Калининском) районе, и первая часть писем написана оттуда, затем через Бикин, где мобилизованных готовили к непосредственно боевым действиям, отправлен уже на фронт — другая часть писем написана с фронта. Письма адресованы прежде всего жене, хотя в них есть также обращение к родителям и дочерям. Последние письма написаны в августе 1943 г.

Языковой материал такого типа определяется как эго-документы — то есть это источники личного происхождения, созданные конкретными людьми и обращенные к узкому кругу читателей: дневники, письма, открытки. Такие источники являются ценным материалом для различных гуманитарных наук — прежде всего, истории, этнографии, лингвистики. В контексте антропоцентрического языкознания и активного интереса к феномену языковой личности эго-документы представляют особый интерес, поскольку в них зафиксирована естественная речевая деятельность обычного человека в различных жизненных обстоятельствах. По мнению Г.П. Пилипенко, особая научная ценность таких источников заключается в том, что они дают сведения в том числе и о контактологических особенностях тех вариантов языка, на которых они написаны и которые обусловлены спецификой языковой ситуации конкретной территории [Пилипенко 2021].

К территориям межъязыковых контактов относится и Приморский край (в прошлом Южно-Уссурийский). Отличительной чертой языковой ситуации здесь в начале XX в. было близкородственное межъязыковое взаимодействие — в частности, взаимодействие говоров русского и украинского языков (ведь основную массу переселенцев составляли крестьяне). Вследствие доминирования русского языка, как отмечается в диссертационном исследовании А.В. Блохинской, «в речи потомков украинских переселенцев сохраняются украинские диалектные черты, однако влияние русских говоров и русского

литературного языка, а также отсутствие однородного диалектного массива, оторванность от украинского языка приводит к постепенной нивелировке и полному исчезновению украинских говоров на территории позднего славянского заселения» [Блохинская 2015, с. 5]. Таким образом, результатом этого языкового контакта стало возникновение особого варианта русского языка, по сути своей являющегося переходным говором русско-украинского происхождения и состава. Носителями этого идиома стали потомки украинских переселенцев — прежде всего, в их первых поколениях. Иван Варфоломеевич Дударко из поколения детей первых переселенцев, и в его речи, получившей непосредственное отражение в письмах, ярко проявляется специфика этого языкового явления.

В первую очередь следует сказать, что письма зеркально отражают живую звучащую речь. При письменной передаче текстов эго-документов принято воспроизводить их в подлинном виде — не приводя к нормативному варианту. Приведём в качестве примера фрагмент одного из писем:

Привет от известного твоего мужа Вани Д.В. добрый ден или вечер много уважаемая и дорогая жина (лиза) и также мои либимие дочки и дорогие родители папа и мама я посылаю свой чисто сирдечной касноармейский привет и жилаю всиго наилуччиго вделах ваших и так я хочу сообщит что я пока жив и здоров нахожус врядах рекека место службы вгороде Бикене с первых дней как прибили наместо своей части то были накалянтуре 4 дня потом повили в баню пириодели военую форму и начали заниматься повоеенному до 15 чи. а 16 чи. пошли на зимляную работу етая работа очин тижолоя земля мерзлая и камин корма ниважния унас завтрик в 7 час. и до 4 час. кайлим в 4 час. пообедаем и довечира одих увосим ужин малинкая силедка да ложка сахару и 200 грам хлеба и вот такой ужин и завтрик (...)

Приведённый фрагмент представляет собой графически зафиксированную звучащую речь (отсутствует пунктуация, прописные буквы только в именах и названиях населённых пунктов, орфографические нормы в большинстве случаев не соблюдаются), которая позволяет получить представление об особенностях произношения: произношение аббревиатуры *рекека* (Рабоче-крестьянская Красная армия), произношение топонима *Бикин* в форме предложного падежа с ударением на последнем слоге: *вгороде Бикене*, диалектно-просторечное произношение в ряде слов: *завтрик* («завтрак»), *довечира одих* («до вечера отдых»), *увосим* («в восемь»), *накалянтуре* («на карантине»).

Контактологические особенности данного идиома проявляются на всех уровнях языка. Отметим прежде всего графико-фонетические особенности. В частности, обращает на себя внимание графическая интерференция: буква Ы заменяется буквой И (*добрий, вислала, пустих, любимие, посылаю* и т.п.); буква Ё заменяется буквой Е (в украинском алфавите нет букв Ы и Ё). Отсутствует мягкий знак (и разделительный, и обозначающий мягкость): *смазат густой мазю, листя, здорове, писмо*; показателен пример контактологического типа *счастье* (в украинском языке: *щасте*). Наиболее показательным является произношение согласного, среднего между [в] и [у] — во всех позициях используется буква У: *увагонах, у зимнее, узимлянки, уверх поиману, у Бикин, цилую усих вас, у первом писме; пиши усе подробно усе свои новости*. Встречается отсутствие редукции с соответствующим обозначением: *кОртошка* (причём это русское слово: в украинском языке *картопля*), *гОрод* («огород»), *счудОвать* и под. Характерное для данного идиома произношение фрикативного звонкого [γ] в эго-документе не может быть отражено, поскольку для его обозначения используется одна и та же буква Г (случаев же слабой позиции с Х в письмах не встретилось).

Обнаруживаются в письмах и некоторые грамматические контактологические особенности. Наиболее типичными являются особые падежные формы существительных: творительный падеж существительных среднего рода (*с новим счастям, своим оружиям, снабжают пособиям*); винительный падеж существительного мужского рода первого склонения (*за своего любимого братишка*); дательный падеж существительных мужского рода второго склонения (*ходил по огородин*). Кроме того, наблюдается склонение фамилий на *-ко* (*пиридай другу Коваленку В.И.; увидиш Безуленка Василя; пиридавала Кузменком*); образование женских отчеств с суффиксом *-ивн* (*Надежда Ивановна, Наталия Ивановна*); встречаются и характерные для украинского языка особые формы притяжательных прилагательных (*Надиное писмо, Наташиное писмо*). В глагольных формах следует отметить использование суффикса *-ува-* (*советувал, посоветувал, сторожувал, ухажует*), а также особую форму повелительного наклонения с мягким [т'] на конце (мягкий знак в письмах не используется): *напишиИт* («напишиТЬ»), *скажиИт* («скажиТЬ»), *пикИт* и *варИт* («пекИТЬ и варИТЬ»).

Приведём примеры и лексических особенностей (использование украинских слов), хотя таких фактов в письмах совсем немного: *хлопец* — «юноша, молодой человек» (*папаша может поедите в город скажит хлопцям может достанут махорки*);

мужик — «муж» (скажит *Вариному мужику* Ивану он скорей достанит); *копица* — «небольшая копна» (ты писала что уже накосила 10 *копиц* сена); *гарбуз* — «тыква» (положи ишо кампоту и сушеного *гарбуза*); *гарбузовый* — «тыквенный» (добав ишо табаку и семичек *гарбузових*); *згадовать* — «вспоминать» (будит папкина памятка хот будиш *згадовав* своего папку); *счудовать* — «удивляться» (я как получил надиное письмо просто *счудовал* так наотлично написаное). Можно предположить, что русский язык выполняет функцию лексификатора для данного идиома, поскольку его словарная основа является русскоязычной.

Письма, как и любой эго-документ, ценны не только фактами собственно языковыми. Они несут информацию о языковой личности автора таких текстов. Иван Варфоломеевич — носитель народной культуры, которую маркируют текстовые особенности его писем — в частности, использование стереотипов композиционных компонентов письма. Типичными для анализируемых писем являются особые формулы приветствия и завершения.

Каждое из писем начинается указанием даты его написания и приветствием, обращённым к жене, родителям и дочерям:

28/IV 42г. *Привет от Ивана Д.В. Добрий ден или вечир любимая моя жина Лиза и мои дочки и также дорогие мои родитили папаша и мамаша Я вам посылаю всем пламиноое почтение...;*

13/XII 42г. *Привет от известного твоего можа Вани Д.В. добрий ден или вечир много уважаемая моя жина Лизочка и также дорогие мои детки Таля и Надичка и уважаемия родитили папа и мама и так я вам усем кланяюс...*

Завершается каждое из писем прежде всего приветами односельчанам: подробными, с перечислением всех членов их семей, в письмах до отправки на фронт (*пиридавай мой привет уважаемой куме Ефимине и ее деткам ишо привет другу Коваленку Василию и жине его Марфе ишо пиридай почтение соседу Лысаку Корнею Тирентивичу и его жине Ефросине и привет Палехе Ивану и Наташи Лиза раздай мой лично боевой привет*) и совсем лаконичными в письмах с фронта (*пиридай мой солдатский привет усем соседам и пока стем досвидания; ишо Лиза пиридай мое боевое почтение усем соседам*).

Ещё один маркер народного этикета — использование в письмах в качестве формул вежливости форм второго лица множественного числа и третьего лица множественного числа: ***дорогие папаша напиши*** *Ит* мне писмо своей собствиноий рукой как ***ваше здорове*** и чем ***вы занимаетес***; ты писала что ***папа ходят*** ночью сторожоват ***зачем им*** такая канител. Приведённые

примеры отражают культурную традицию речевого общения в семьях потомков украинских переселенцев.

Письма фронтовика позволяют выполнить и более глубокий анализ, затрагивающий когнитивный уровень языковой личности. Вполне закономерным в данном случае оказывается проявление двух ключевых концептов: «Дом» (письма связывают с домом) и «Война» (война разрушила привычный уклад жизни).

Концепт «Дом» представлен тремя составляющими: «Семья», «Дочки», «Хозяйство». Центральное место в когнитивном пространстве писем домой занимает субконцепт **«Семья»**. Это прежде всего обсуждение с женой насущных жизненных вопросов, что является как бы продолжением их довоенной жизни: 1) *ты писала чтобы я посоветунал насчет мяса здачи как зделат я советую так если можно купит где нибуд то луче купи почомбы небыло ателка пуцай останется*; 2) *Лиза я посилаю два канверта ав первом выслал облигации и как получиши то провер можит счастье выиграеш*; 3) *ты пиши все подробно пиши Наташа ходит в школу и Надя кто учит унаший деревни сообщи как родители*. Это и беспокойство об отце: 1) *дорогие папаша напишит мне письмо своей собствинной рукой как ваше здорове и чем вы занимаетес*; 2) *а папаша ходят наработу я би нисоветувал*; 3) *ты писала что папа ходят ночью сторожоват зачем им такая канител что дома нечиго кошат*. Выражение, хотя и сдержанное, эмоционального состояния: 1) *еслибы ты знала как скучно домой и за дочками*; 2) *Я как получу издому письмо какбудо бы побиваю дома*. Особо следует выделить компонент **«Дочки»**, который отражает различные переживания и эмоции отца: потребность в письмах детей (*я получил Наташиное письмо а почиму Надежа забыла папочку нистала писат ничего*), гордость за успехи детей (*Лиза я как получил надиное письмо просто счудовал так наотлично написаное и складно как будтоби кто нибуд и грамотний писал я читал разов 3 так понравилос*); забота о детях (*Наташа я разришаю возми эти денги и поед вгород и купи себе хорошее палто будит папкина памятка хот будиш згадоват своего папку ато видится типер очин трудно дорогия дочки*); надежда на детей (*дорогая Наталия Ивановна я твой папаша буду крепко просит посади табаку хотя корней 50 штук я тебе заето хорош подарок куплю и прошу Надежду Ивановну что бы поливала я низабуду никогда*). Значимость субконцепта **«Хозяйство»** обусловлена социальным статусом Ивана Варфоломеевича: почти в каждом письме проявляется ментальность крестьянина, для которого жизненно необходима работа на земле: 1) *Лиза как можно старайся поранше*

спаши город самазнаешь чем раньше тем лучше; 2) Лизочка пиши какия уаспогоды как убирается сено кто косит; 3) я приделаю купит пчел чтоб было чем проводит время папаша ишо прошу очистит дробовик и смазат густой мазю; 4) Лиза у вас огурыцы ест или нет мне както раз снилис что я по своему огороду ходил и рвал.

Концепт «Война» по-разному реализуется на двух этапах писем: 1) на сборном пункте в ожидании отправки на фронт — субконцептами «Суровый быт» и «Посылки»; 2) на фронте — субконцептами «Дороги» и «К победе».

Основное содержание писем, написанных со сборного пункта перед отправкой на фронт, составляет реализация субконцепта **«Суровый быт»**. Война проявилась в крайне тяжёлых обстоятельствах жизни мобилизованных, хотя и находившихся далеко от фронта: 1) *нам ничиго нидают казеного асапоги порвалис что уже надоело подчинят какбы скорей типлей чтобы можно ходит влаптях*; 2) *наработу ходим 7 километра я работаю всевремя нараспиловки леса а нашего срока пока ишо ничиго ниизвестно*. Значимой становится составляющая **«Посылки»**, которая выражена в просьбах прислать нужные вещи и продукты: 1) *хочу бистро сообщит что мне сюда надо мы живем навсему своему омандированиии ты сама знаеши Лиза вчем я ушол вот что я пишу чтобы пиридала одеяло матрафик какой нибуд легкой брюки фуражку 2 майки труси табаку и газет спичек 10 ш ножик и зделай сухарей сколко можно и все хорошо заверни*; 2) *Лизочка как будиши посылать посылку то добав ишо табаку и семичек гарбузових и кампоту луку чесноку*. Однако при этом выражена и готовность выдержать все эти испытания: *но думаю все эти трудности пирижит хот и очин трудно*.

Совершенно другим становится концептуальное содержание писем, отправленных с фронта. Одна из смысловых составляющих — **«Дороги»** — является типичной для контекста фронтовой жизни: 1) *хочу сообщит что я пока жив и здоров нахожус удороже уже проехал [нрзбр] а дальше низнаю куда будим продвигатся пока стоим в Чилибине ишаломом*; 2) *я зделал пеши 280 кило. проходил много пустих деревен и сожоних где проходила огнивая полоса*. Ключевое значение в последних фронтовых письмах получает субконцепт **«К победе»**, отражающий общее настроение советских солдат: 1) *а я Лиза буду старатся скорей закончит войну я дал себе задачу либо голова укустах или груд вхристах и стем досвидания пока жив низабивайте*; 2) *прожит 43 год лихко и висило а мне побидит злобительного врага своим мочным оружиям станкового пулимета которого*

я зучил наотлично и буду отомстит врагу за своего любимого братишка; 3) какбы скорее закончит этого коварного гада и воротится к своей симе; 4) сообщаю что я пока нахожус жив и здоров и сообщаю что я нахожус наоборонитилном фронти частиком приходится висти обстрел самолетов и проживаю я вкурской области; 5) Я писал вам письмо сидел укватире вдруг немци налител и начал святит пасху что нильзя было сидет в хати Я бросил писат и ушол вокопи и кода кончил сятит я вошол вхату и дописал письмо; 6) звиняй что плохо написал сидел узимлянки писат было тимно при печки и тесно...

Особое место в концептуальном содержании писем занимает смысловой компонент **«Табак»**: он пронизывает оба ключевых концепта. Прежде всего, в табаке острая потребность как в ожидании отправки на фронт, так и на фронте: 1) Лиза я прошу вышли посылку табаку хот 2 кил и спичек 5 кор. если ест **кушат некогда курит можно находу**; 2) я слыхал что донас привизли много табаку то я тибе Лиза советую купит хот килограма 3 здес унас стоит 1 осмушка 50 р. И затабак можно достат что хочиш. Табак почти невозможно достать, а потому надежда только на родных — поэтому данный компонент становится составляющей и концепта «Дом»: 1) Кнам приехал виговский виктор которий был внас учитлем и говорил что усенку привизли табаку много расипного по 40 р кило еси это верно то возми килограма 4 дениг нижалей и еслиможно посылку послат то вышли здес очин дорого; 2) Лизочка я ищо раз напоминаю что табак никуда ниразбрасивай он дороже дениг заниго что надо то можно выминят мне чтобы был умалиновой я бы и не голодовалбы так что бириги листя оборви и сложи в ящик чтобы нивыдыхался; 3) Лизочка я твой табак получил которой пиридавала Кузменком я пирисушил его и 3 дня покурил хорошо как кручу папиросу так и тибя згадаю.

Концепты «Дом» и «Война» в письмах часто пересекаются, что является вполне объяснимым. Например, в строчке как бы скорей закончит этого коварного гада и воротится к своей симе наблюдается концентрация смысла названных ключевых концептов: как бы скорей закончит этого коварного гада — реализация концепта «Война» (покончить с войной, победить); *воротится к своей симе* — реализация концепта «Дом» (семья — это дом).

Значимой является ещё одна строчка (Иван Варфоломеевич пишет о своих впечатлениях, когда видит брошенные поля): *а посеви очень хорошия кто посеял толко некому сеят и нечим поля усе пустуют а земля нинашей дальневосточной* (имеет в виду бóльшую плодородность опустевших полей относительно полей дальневосточных). Элемент земли нашей

дальневосточной можно считать маркером идентификации себя как дальневосточника, носителя унифицированной субкультуры, которая стала результатом близкородственного межкультурного и межъязыкового взаимодействия, обусловленного историей заселения Дальнего Востока. Идиом русского языка, отражённый в данном эго-документе, представляет интерес не только для контактной лингвистики, но и для лингвистической персонологии, а также для исследований дальневосточного региолекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохинская А.В. Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 24 с.
2. Пилипенко Г.П. Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине (Мисьонес): дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с.

Старцев Анатолий Фёдорович

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
starcev.42@mail.ru

УЧАСТИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941—1945)

В статье рассматривается история участия коренных малочисленных народов Приамурья и Приморья в Великой Отечественной войне. Описываются судьбы представителей коренных этносов — удэгейцев, нанайцев, орочей, улчей, эвенков, эвенов, вступивших в борьбу с фашистской Германией и милитаристской Японией; отдаётся дань уважения их боевым заслугам. *Ключевые слова:* Великая Отечественная война, Дальний Восток, коренные малочисленные народы Приамурья и Приморья

Startsev A.F.

Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, FEB RAS

Participation of Indigenous Peoples of the Amur and Primorsky Regions in the Great Patriotic War (1941—1945)

The article examines the history of the participation of indigenous peoples of the Amur and Primorye regions in the Great Patriotic War. It describes the fates of representatives of indigenous ethnic groups — the Udege, Nanai, Oroch, Ulchi, Evenki, Evens, who entered the fight against fascist Germany and militaristic Japan; tribute is paid to their military merits.

Keywords: The Great Patriotic War, the Far East, indigenous peoples of the Amur and Primorye regions

В Великой Отечественной войне (1941—1945) против фашистской Германии и милитаристской Японии принимали участие представители более ста национальностей СССР, в том числе и коренные жители Дальневосточного региона.

Цель настоящего исследования — отразить проблему участия аборигенного населения Хабаровского и Приморского

краёв в Великой Отечественной войне (1941—1945). Следует особо подчеркнуть, что аборигенное население этих регионов — нанайцы, орочи, удэгейцы, ульчи, эвенки, эвены и мн. др., отправляясь защищать Родину от фашистов и японцев, выступали как единое целое, преследуя только одну мысль: скорее оказаться на передовой с оружием в руках, чтобы бить врага.

Из разных районов Приамурья и Приморья, в частности из пос. Красный Яр и Олон, Дальний кут и Санчихеза (пос. Островной), Агзу, Гвасюги и других селений ушли на фронт несколько десятков нанайцев, орочей, эвенков и удэгейцев. Это были первые добровольцы — удэгейцы Суляндзига Степан Сергеевич, Суляндзига Василий Чуфисанович, Суляндзига Иван Батанеевич, нанайцы Дункай Соза Семёнович, Дункай Тидан, Уза Николай Михайлович и мн. др., покрывшие свои имена славой и уважением со стороны всего советского народа [Старцев 1985].

Первые добровольцы из числа коренных малочисленных народностей Амура из Нанайского, Комсомольского, Ульчского, Кур-Урмийского, Тугуро-Чумиканского и других районов Хабаровского края составили довольно внушительную цифру — свыше 600 чел. [Балицкий, Кисличко 1985, с. 48].

Нанайский этнос — один из самых многочисленных народов Приамурья. Их численность в начале войны составляла почти 9 тыс. чел. [История и культура нанайцев 2003, с. 7; Старцев 1985], многие из них внесли существенный вклад в дело Победы. Если в любом нанайском селении Приамурья чуть ли не каждый третий житель относится к роду Бельды, то добровольцем из этого рода на фронт ушёл каждый седьмой. «Свыше 100 фронтовиков дал многочисленный фамильный род Самаров, в несколько меньшем числе среди фронтовиков было Ходжеров, Оненко, Пассаров, Киле, Гейкеров, Дигоров. Среди нанайцев и ульчей участники войны составили 8% от общего числа населения данной национальности. Это один из самых высоких показателей по стране» [Балицкий, Кисличко 1985, с. 48—49].

Прирождённые следопыты и охотники, аборигены Дальневосточного региона на фронте становились первоклассными снайперами и разведчиками. За подвиги в ходе Великой Отечественной войны более 2 тыс. представителей коренных народов Дальнего Востока были награждены орденами и медалями.

Очень важную роль на фронтах Великой Отечественной войны сыграли нанайцы, отличавшиеся хладнокровием, выдержкой, находчивостью, отвагой и смелостью.

В боях под Сталинградом прославился Максим Пассар — нанайец из с. Нижний Катар Нанайского района Хабаровского края. В переводе с нанайского языка слово «*пассар*» означает

«меткий глаз». Максима Пассара называют самым результативным снайпером Сталинградской битвы — на его личном счету было 237 убитых вражеских солдат и офицеров [Пассар Максим Александрович].

«Подвиги М. Пассара были высоко оценены: 29 октября 1942 г. он был принят в Коммунистическую партию, отметив этот день 11-ю убитыми фашистами, а 31 октября командующий 5-й армией вручил М. Пассару орден Красного Знамени. На боевом счету снайпера к этому времени было уже 152 уничтоженных фашиста» [Балицкий, Кисличко 1985, с. 79].

«Дьявол из гнезда чертей» — такое прозвище дали Пассару немцы. Нанаец Максим Пассар был родом из семьи потомственного охотника и рыбака. Меткой стрельбе он научился ещё в детстве — бил пушного зверя в глаз для сохранения ценной шкурки. Выслеживая добычу, часами лежал в любую погоду в укрытии. На войне погиб старший брат Максима, и будущий снайпер в 1942 г. ушёл на фронт добровольцем.

После учёбы в снайперской школе Пассар практически сразу прославился на Северо-Западном фронте как меткий стрелок. Причём остроглазый нанаец и ночью мог видеть, как днём. Первого вражеского снайпера Максим «снял» с дерева простой трёхлинейкой: тогда он вызвался сам, узнав, что гитлеровский стрелок убил офицера Генштаба, приехавшего в дивизию с инспекцией.

Несколько месяцев он косил гитлеровцев из обычной винтовки Мосина, без оптического прицела. И к концу сентября 1942 г. на счету Максима было уже 56 немцев. А получив от командования снайперскую винтовку, Пассар через месяц это количество утроил.

Будучи лучшим стрелком дивизии, Максим Пассар учил и других охотиться на врага. Вместе со своими учениками, которых набралось 145 чел., за два осенних месяца 1942 г. он уничтожил свыше 3 тыс. гитлеровцев.

«Всем, кто занимался нелёгким снайперским делом, было известно, что Максим Пассар свою „охоту“ согласует с боевыми действиями миномётчиков и стрелков. Если миномётчики выкуривали фашистов из укрытий и подставляли их под меткие пули снайпера, то стрелки зажигательными пулями указывали огневые точки противника и создавали благоприятную обстановку для выбора цели снайпера. Такой метод ведения „охоты“ называли пассаровским. Используя его и расширяя подготовку снайперских кадров, 23-я стрелковая дивизия имела 225 снайперов, которые за период с 28 августа по 19 ноября 1942 г. уничтожили 5783 фашиста» [Балицкий, Кисличко 1985, с. 77].

Максим Пассар был убит в бою под Сталинградом в январе 1943 г. Две пулемётные точки гитлеровцев сдерживали наступление атакующего полка, и командование послало нанайца-снайпера уничтожить их расчёты. Пассар, приблизившись на минимальное расстояние к позициям противника, приказ выполнил. Но и сам получил смертельное ранение.

Гибель М. Пассара глубоко затронула патриотические чувства другого нанайского паренька — Николая Киле. В 1943 г., едва ему исполнилось 18 лет, он был призван в армию, и тут же был направлен в артиллерийскую часть, где приобрёл специальность наводчика орудия. В 1944 г. Н.Б. Киле был отозван отделом ДВО и направлен в погранразведшколу.

Николай Батунович Киле родился в 1925 г. в старинном нанайском стойбище Болонь и до 17 лет имел совсем другое имя — Боччори («неприглядный»). У нанайцев издавна бытовал обычай давать детям некрасивые имена. Считалось, что в таком случае духи не будут проявлять к ним нездорового интереса и это обеспечит ребёнку удачу в жизни. Трудно сказать, сыграло ли свою роль это старинное нанайское поверье, или причиной тому стали совсем другие обстоятельства, но удача действительно всегда сопутствовала Н.Б. Киле. Она сохраняла ему жизнь в годы войны, участником которой он был, она же привела его в студенческую аудиторию, а потом и в научную лабораторию. Там он стал известным учёным в стране и за рубежом. Он был большим специалистом по проблемам истории и развития нанайского языка.

Николай Батунович Киле — участник разгрома Квантунской армии Японии в Маньчжурии, разведчик, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, блестящий лингвист, фольклорист, этнограф, историк религии, занимавшийся исследованием самых сокровенных сторон лексической и морфологической систем тунгусо-маньчжурских языков. Был награждён медалью «За отвагу» и нагрудным знаком «Отличный разведчик» [Книга Памяти].

Малочисленные этносы Приморья и Приамурья — живые свидетели Сталинградской и Курско-Орловской битв, обороны Ленинграда и Москвы, сражений в сопках Маньчжурии и городах Китая — не любят рассказывать о тех страшных временах, когда смерть стояла за каждым бугорком поля, за каждым деревом и домом и неутомимо забирала жизни людей разных национальностей. Только многочисленные документы, биографии фронтовиков и их боевые награды, которые имеются в архивах и экспонируются на стендах музеев страны, являются

немыми свидетелями проявленного героизма нанайцев, удэгейцев, эвенков, якутов и других народностей.

В одном из писем командир отделения разведки Кялундзига Тимофей (удэгеец) писал с фронта брату: «За наше правое дело я буду бороться до последнего патрона, до последней капли крови. А если я погибну в бою, на моё место встанешь ты, брат». Когда он погиб, выполняя задание в тылу противника, удэгейцы из рода Кялундзига — Сидор, Удзали, Василий Гайколеевич, Лука, а также и несколько человек из рода Кимонко ушли на фронт. От Москвы до Берлина прошёл хорский удэгеец из с. Гвасюги Кялундзига Василий Дзолотович, от Сталинграда до Дрездена — Кимонко Александр Сесильевич, а его товарищ — нанаец Дункай Николай Михайлович — до Лейпцинга. Бикинский нанаец из Красного Яра Мунов Иван Константинович в составе 40-го гвардейского полка брал города-крепости Пиллау и Кёнигсберг, награждён медалью «За боевые заслуги», получил две благодарности от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина.

Сражаясь в рядах легендарной 81-й гвардейской стрелковой дивизии под Сталинградом, бикинский удэгеец Юрий Канчуга и русский соратник Панкратий Фёфелов в поединке с фашистскими танками уничтожили два из них. По всему фронту разнеслась весть о хорском удэгейце-снайпере Кимонко Григории, на счету которого было несколько десятков уничтоженных фашистов. Своим ученикам, молодым снайперам, он говорил, что «метко стрелять совсем не трудно, ведь фашист крупнее и менее подвижен, чем белка» [Арх. ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 76. Материалы В.Г. Ларькина].

Суляндзига Степан Сергеевич из пос. Красный Яр воевал в составе Юго-Западного фронта, оборонял Москву и Сталинград. Для него, прирождённого охотника, попадающего в глаз белки с далёкого расстояния, не составляло большого труда одного за другим уничтожить несколько фашистских солдат из своей трёхлинейки, но снайпером он не стал. В одном из боёв удэгеец заменил раненого пулемётчика и сдерживал значительные силы врага в то время, когда наступление советских войск на немецкие укрепрайоны началось совсем в другом месте. За этот бой С.С. Суляндзига был награждён орденом Славы III степени, а в конце 1943 г. вернулся в родное село инвалидом второй группы и пошёл работать в колхоз «Охотник». В 1980 г. за долголетний и добросовестный труд С.С. Суляндзига был награждён медалью «Ветеран труда». Храбрый воин и труженик скончался 1 января 1984 г.

Когда началась война с фашистской Германией, бикинский нанаец Уза Михаил Васильевич учился в педагогическом училище в г. Николаевске-на-Амуре на последнем курсе. Вместе с Михаилом учились Николай Оненко (нанаец) и Николай Мовдунча (ульч). За время учёбы ребята подружились и вместе решили уйти на фронт добровольцами. В военкомате их просьбу учли и после окончания училища в декабре 1941 г. вместе призвали в армию, определив в снайперскую школу, которую друзья успешно окончили в марте 1942 г. После окончания этой школы их увезли в Хабаровск и определили в 88-ю отдельную бригаду, которая располагалась недалеко от города, в с. Вятском.

88-я отдельная стрелковая бригада была создана сразу же с началом войны. Личный состав бригады был сформирован преимущественно из числа эвенков, нанайцев, орочей, удэгейцев, ульчей, тазов и другого аборигенного населения Приамурья и Приморья. Это были физически здоровые молодые люди, бывшие охотники и следопыты, хорошо знавшие особенности дальневосточного ландшафта. В воинских подразделениях бригады «всемерно поощрялась боевая дружба между воинами разных национальностей, широко популяризировались отличившиеся в учебных боях воины нерусской национальности, смело выдвигались наиболее грамотные и дисциплинированные из них на командирские должности» [Балицкий, Кисличко 1985, с. 58—59].

Михаил Васильевич Уза и его товарищи были зачислены в минроту, которой командовал Иван Чепурнов. Вскоре Михаил Уза получил сержантские погоны и стал заместителем командира взвода минной роты.

Служба была очень напряжённой, кроме должностных обязанностей в минной роте молодые бойцы осваивали всю военную технику и стрелковое оружие, а также регулярно изучали ландшафт местностей и практиковали хождение по картам по неизвестной территории, что впоследствии сильно пригодилось в ходе боевых действий.

5 августа 1945 г. группе молодых разведчиков, состоящей из девяти бойцов, включая радиста — хорского удэгейца из рода Кялундзига, переводчика — нанайца из с. Сикачи-Алян из рода Донкан и разведчиков — нанайцев из родов Киле и Бельды, было поручено разведать укрепрайон в районе г. Баоцина. При выполнении задания они предотвратили взрыв стратегически важного моста, вступив в перестрелку с группой японцев из 12 чел. За эту операцию Михаил Васильевич Уза был награждён орденом Славы III степени. После войны он вернулся в родное село,

длительное время работал в колхозе «Охотник», госпромхозе «Пожарском», а ныне, как и многие другие его сверстники, нашёл успокоение среди своих предков [Старцев 2010, с. 73].

На подступах к Харбину, проявив смекалку и находчивость, отличился и хорский удэгеец Илюкта Субиевич Кимонко. Он не был разведчиком, но слыл одним из лучших связистов стрелкового батальона. Однажды в боях за крупный населённый пункт Илюкте было поручено обеспечить связь передового батальона со штабом полка. Случилось так, что после получения приказа запас телефонного провода был уничтожен шальным снарядом. Остались в целости только две катушки провода, длина которого не превышала и 1000 м, а расстояние между батальоном и штабом исчислялось несколькими километрами. Но Илюкта не растерялся в сложной обстановке. Рискуя жизнью, он использовал капитальную телеграфную линию, чудом уцелевшую на поле сражения, которая проходила недалеко от штабного блиндажа и уходила в сторону атакующего батальона. Менее чем за час под огнём противника Илюкта обеспечил связь батальона со штабом полка; за этот подвиг он был награждён медалью «За боевые заслуги».

Боевых наград были удостоены многие нанайцы и удэгейцы из пос. Гвасюги, Красный Яр и Олон. За выполнение особо важных заданий в тылу врага бикинский удэгеец Канчуга Николай Гайбович (после войны проживал в с. Агзу Тернейского района) был награждён орденом Боевого Красного Знамени, а его односельчанин Геонка Николай и хорский сородич Кялундзига Василий Гайколеевич — орденами Красной Звезды. За безупречную службу и выполнение важных поручений командования Илья Петрович Адян был награждён медалью «За боевые заслуги», а удэгеец из Красного Яра Канчуга Пётр Найбович был удостоен награды правительства Корейской Народной Республики. За один из кровопролитных боёв за обладание стратегически важным объектом отмечен орденом Отечественной войны II степени и бикинский нанайец Дункай Соза Семёнович.

Дорого далась победа советскому народу над фашистской Германией и милитаристской Японией. Среди погибших более чем 20 млн советских граждан были и коренные жители национальных селений Приморья и Приамурья. Из 78 жителей с. Красный Яр и Олон Приморского края, участвовавших в боях с фашистами и японцами, каждый третий пал смертью храбрых на полях сражений. При обороне Ленинграда погибли тазы Фухар и Хэцэн, нанайец Тидан Дункай. Под Сталинградом сложили головы удэгейцы Хайсун Канчуга и Цайсун Канчуга, нанайец А.И. Уза, эвенки Н.П. Адян и Дмитрий Адян. При освобождении

Польши погиб удэгеец Василий Сонкуевич Канчуга, в Венгрии — удэгеец Владимир Дейцеевич Куенка. Не вернулись из Маньчжурии разведчики-нанайцы Василий Уза, Василий Офунка и многие, многие другие.

После окончания Второй мировой войны прошло 80 лет. Ветеранов Великой Отечественной войны — участников сражений на Западном и Восточном фронтах — в живых почти не осталось. Но память о них до сих пор жива. Например, именем Тимофея Кялундзига, погибшего под Ленинградом, хорские удэгейцы назвали одну из улиц в пос. Гвасюги (район им. Лазо Хабаровского края).

Многочисленные фотографии, документы и награды участников войны, нашедшие достойное место в экспозициях музеев России, являются свидетелями беспримерного мужества и отваги аборигенных народов Дальнего Востока.

Документы, ордена и медали, фотографии воинов из числа национальных меньшинств, которые нам удалось собрать для музея отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, являются немymi свидетелями проявленного героизма нанайцев, удэгейцев, орочей, эвенков, якутов и других народов, которые в годы Второй Мировой войны проливали свою кровь в боях с фашистами и японцами. Особенность коренных жителей Приморского и Хабаровского краёв, участников Сталинградской, Ленинградской, Московской, Курско-Орловской, Маньчжурской и других битв, заключается в том, что они, когда ещё были живы, не любили рассказывать о тех страшных временах, когда смерть часто брала верх над жизнью. «Говорить приятно о весёлом, — как-то сказал мне Соза Семёнович Дункай, кавалер ордена Отечественной войны II степени, потерявший ногу в битве за Ленинград, — а не о войне». Я согласился с ветераном и вспомнил, что многие фронтовики и раньше не придавали особого значения военной героике и не рассказывали о своих подвигах даже близким. В силу национальных особенностей народности Приамурья и Приморья считали неприличным говорить о своём героизме. Однако при опросе ветеранов и родственников уже умерших воинов нам всё же удалось записать несколько воспоминаний о подвигах участников Великой Отечественной войны, два из которых мы и привели в настоящей статье.

Во время военных действий с японскими империалистами среди удэгейцев, нанайцев и других народностей Дальнего Востока было много разведчиков, которые не щадя своей жизни добывали секретные сведения в тылу японцев для нашего командования. За выполнение особо важного задания в тылу

врага бикинский удэгеец Николай Гамбович Канчуга был награждён орденом Боевого Красного Знамени, а его односельчане В.Г. Кялундзига и Н. Геонка за выполнение аналогичной задачи получили ордена Красной Звезды; за безупречную службу и выполнение важных заданий советских командиров эвенк Илья Петрович Адян был награждён медалью «За боевые заслуги», а удэгеец Пётр Найбович Канчуга был удостоен награды со стороны командования КНДР [Старцев 2010. Личн. арх. автора, с. 122—123].

Примеров беззаветного служения Родине представителей народностей Севера и Дальнего Востока можно приводить множество. Если учесть, что в годы войны количество бикинских, иманских и самаргинских удэгейцев, нанайцев, эвенков и других народностей Приморского края не превышало и двух тысяч человек, то процент участия в войне мужского взрослого населения будет гораздо выше в сравнении с любым крупным по численности народом СССР. Поэтому мы вправе считать, что народности севера Приморского и Хабаровского краёв внесли достойный вклад в разгром немецкого фашизма и японского милитаризма, проявив патриотизм и беззаветную преданность социалистической Родине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балицкий В.Г., Кисличко А.С. Малые народы Дальнего Востока в Великой Отечественной войне. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 112 с.
2. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2003. 324 с.
3. Книга Памяти Амурского муниципального района Хабаровского края. URL: <https://amursk-rayon.khabkrai.ru/O-rajone/Elektronnaya-kniga-Pamyati> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Пассар Максим Александрович // Бессмертный полк. Хабаровск. URL: moypolk.ru/soldier/passar-maksim-aleksandrovich (дата обращения: 15.04.2025).
5. Старцев А.Ф. Дороже Родины ничего нет // Дальневосточный учёный. 1985. № 22 (594). 29 мая.
6. Старцев А.Ф. Удэгейцы на фронтах Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 70—74.
7. Старцев А.Ф. Аборигены Приморья и Приамурья — защитники Родины // Личный архив автора за 2010 г. С. 121—126.
8. Арх. ДВО РАН (Архив Дальневосточного отделения Российской академии наук).

Цыбенов Базар Догсонович

Институт монголоведения, буддологии

и тибетологии СО РАН

bazar75@mail.ru

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ОПИСАНИИ ОФИЦЕРА, БУРЯТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЦОКТО НОМТОЕВА*

Целью статьи является изучение фронтового дневника советского офицера, бурятского писателя Цокто Номтоева, посвящённого Сталинградской битве. Кратко рассмотрены следующие вопросы: описание боёв в районе Сталинграда, мужество бойцов и офицеров 321-й стрелкой дивизии, миномётной батареи; исследованы записи о встречах и прощаниях с сослуживцами, стихотворения.

Ключевые слова: Сталинградская битва, фронтовой дневник, Ц. Номтоев, 321-я стрелковая дивизия

Tsybenov B.D.

Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies, SB RAS

The Battle of Stalingrad in the Description of the Officer, the Buryat Writer Tsokto Nomtoev

The article is devoted to the study of the front-line diary of a Soviet officer, the Buryat writer Tsokto Nomtoev. The frontline diary is dedicated to the Battle of Stalingrad. The author analyzed the questions: battles in the Stalingrad area, the courage of soldiers and officers of the 321st Rifle Division, mortar battery; records of meetings and farewells with fellow countrymen, poems were studied.

Keywords: Battle of Stalingrad, front-line diary, Ts. Nomtoev, 321st Infantry Division

Бурятский писатель, Герой Социалистического Труда Цокто Номтоевич Номтоев (1910—2003) принимал участие в Великой Отечественной войне, прошёл с боями от Сталинграда и Курской дуги до Кёнигсберга. На фронт он отправился в составе

* Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

321-й стрелковой дивизии, сформированной на территории Читинской области (ныне Забайкальский край), в должности комиссара миномётной батареи. После войны, в 1949 г., был издан сборник произведений Ц. Номтоева на бурятском языке под названием «Хусэн» («Сила»). В издании сборника, вышедшем в 1982 г., очевидно, дополненном и переработанном, нами изучен фронтовой дневник писателя. Он также опубликован в 2014 г. в сборнике «Антология произведений писателей Бурятии о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Большая часть источника посвящена событиям, связанным со Сталинградской битвой. Наше изучение не претендует на всеохватный и детальный анализ фронтового дневника. Нами переведены с бурятского на русский язык и рассмотрены лишь некоторые, на наш взгляд, значимые события, свидетельствующие о накале боёв в районе Сталинграда, подвиге солдат и офицеров 321-й стрелковой дивизии.

Фронтовой дневник разделён на различающиеся по объёму параграфы, составленные в соответствии с хронологией боевого пути с июля 1941 по март 1943 г. Параграфом «27.7.42» (т.е. речь идёт о дате — 27 июля 1942 г. — *Б.Ц.*) начинается повествование автора о прибытии из Забайкалья и дислокации в районе Дона частей 321-й стрелковой дивизии. В дневнике дано описание первых дней после прибытия: «Встретили рассвет на берегу р. Дон. Кажется, что в этой широкой степи трудно спрятаться от врага даже одному человеку, не говоря уже о машинах. Однако густые заросли кустарника по берегам Дона прикрывали своей зелёной листвой наши машины и орудия» [Номтоев 1982, с. 25]. Вода в реке была мутной, виднелись поднимающиеся со дна воронки. Белые, тут и там мелькающие и плывущие пятна оказались скоплениями рыб, погибших во время артиллерийского обстрела мостов, расположенных выше по течению. По небу всюду летал вражеский самолёт-разведчик, прозванный «рамой». Солдаты были рады своему укрытию. В зарослях стояла духота, мешала мошкара и оводы, и только время от времени спасало прохладное веяние с Дона. Оружие было начищено, окопы выкопаны, солдаты отдыхали, лишь караульные несли свою службу. Творческая натура бурятского писателя проявилась и здесь. Он сочинил и записал в дневник краткое стихотворение о тихом Доне, завершающееся словами: «Наш Дон славен своей кротостью, однако настало время проявить ему и свой гнев!» [Номтоев 2014, с. 246].

Параграф «28.7.42» начинается с описания Придонья: «В пыли среди рядов посаженных деревьев виднеются белые дома. За рекой возвышаются песчаные кряжи. Легковая машина

с офицерами мчится, переваливая через протяжённую возвышенность. Какие просторные холмы, какие широкие степи! И все в урожае. Стоит не собранная вовремя, перезревшая пшеница с высокими колосьями. От малого прикосновения она быстро роняет на землю жёлтые и красные зёрна. По краям полей урожаем сжигают пожары» [Номтоев 1982, с. 26]. Собрав офицеров-артиллеристов дивизии, подполковник А.И. Валюгин обратился к ним с речью: «Товарищи офицеры, забайкальцы. Пришло наше время. Будем воевать рядом с прославленной 62-й армией Сталинградского фронта. Задача нашей армии — несмотря ни на что, не допустить сдачу Сталинграда немцам, приказано стоять стальной крепостью» [Номтоев 2014, с. 246—247]. В нём говорится также о получении первой боевой задачи — огневой позиции в районе станицы Клетской и хутора Ореховского, о переправе через Дон по понтонному мосту, за ночь построенному сапёрами [Номтоев 1982, с. 26—27]. Как известно, летом 1942 г. главные оборонительные рубежи Красной Армии проходили рядом со станицей Клетской, находившейся примерно в 230 км к северо-западу от Сталинграда.

В кратком параграфе «29.7.42» говорится о подготовке миномётных позиций: «Роем окопы, устанавливаем орудия для первой стрельбы по врагу. Разделив снаряды по многим местам, прячем их в надёжный блиндаж. Каждому выкапывается окоп. Ребята делают большую работу. Всегда весёлый Бижевич, копая землю, говорит: „Какая хорошая чёрная земля! Увезти бы её к себе на родину и выращивать помидоры“. Всё видится ему, как и прежде, в мирном свете. А иначе и нельзя. Ведь он ещё, как говорится, „пороху не нюхал“» [Номтоев 1982, с. 27].

Описание первого боя, произошедшего 3 августа 1942 г., дано в следующем параграфе «3.8.42»: «Наша батарея всю ночь работала и перед рассветом была готова к обстрелу противника, расположившегося на возвышенности у речушки с дубовым лесом. Это была третья ОП (огневая позиция). Ведь и борцы во время схватки не стоят на одном месте, используют разные методы. Поэтому ничего нет удивительного и в перемещении батареи. Командир батареи Тетерин (родом из Иркутска) ушёл на наблюдательный пункт, стоявший впереди полка. Я вместе с двумя командирами и взводом остался на огневой позиции. В 9 часов немцы начали наступление. Сначала десятки самолётов стали бомбить наши позиции в разных местах. Начала стрелять наша артиллерия. Поступил приказ и нам открыть огонь... Доклады о меткой стрельбе воодушевляли солдат» [Номтоев 1982, с. 27—28]. В ходе боя позиция оказалась под огнём вражеской артиллерии, попало около 10 снарядов. Номтоев отмечает

мужество раненых бойцов: командир взвода младший лейтенант Кирьянов, получивший сквозное ранение в грудь, продолжал командовать и во время перевязки; раненый младший сержант Е.Ф. Россихин также отказался покидать позицию. В батарее были и погибшие. Ночью на холме похоронили четырёх своих товарищей [Номтоев 1982, с. 28]. Так бойцы миномётной батареи приняли боевое крещение. Вышеотмеченные потери свидетельствуют о накале сражения. В целом можно понять, что миномётная батарея, как и другие подразделения 321-й стрелковой дивизии, сумела дать достойный отпор врагу.

Как отмечено в параграфе «4.8.42», в 15 ч. Ц. Номтоеву было приказано отправиться на НП: «Вместе с одним солдатом проследовали по высохшему руслу реки, далее шли по тропинке, проложенной по густому кустарнику. Впереди навстречу шли группы раненых. Местами лежали погибшие. Вся наша одежда была измазана кровью. Когда прибыли, наш командир Тетерин был контужен взрывом артиллерийского снаряда, оглох, но был в сознании, бледен, отдавал команды, записывая на бумаге. Я был воодушевлён меткой стрельбой солдат (артиллеристов. — Б.Ц.), увидев всё своими глазами. Пехотинцы заняли стоящее впереди село и вели упорное сражение. В этот день наши солдаты одержали победу. Выяснив местность, куда необходимо ночью передислоцировать батарею, вернулся в расположение» [Номтоев 2014, с. 248]. 5 августа 1942 г. начался сильный бой. Машина, перевозившая мины, была подбита и начала гореть. Боец Баранников без страха подбежал, начал тушить и вытаскивать горевшие ящики с минами из машины. Его примеру последовали бойцы Погорелов и Савченко. Так они сумели спасти машину и мины, с большим трудом доставленные на позицию [Номтоев 1982, с. 28].

Знаменательным днём для Ц.Н. Номтоева стало 6 августа 1942 г., когда ему пришлось лицом к лицу столкнуться с немцами, проявить выдержку, мужество и смекалку. В параграфе «6.8.42» записано, что вместе с водителем Д.А. Сапачем и двумя бойцами на «газике» Номтоев выехал в штаб, находившийся в тылу. На обратном пути они внезапно встретились с группой немецких войск [Номтоев 1982, с. 29], очевидно, прорвавших оборону и вклинившихся вглубь позиций советской дивизии. Эта встреча хорошо описана в фронтовом дневнике и в других источниках. Информация о ней имеется в официальных документах. Так, из наградного листа медалью «За отвагу» Сапача Дмитрия Александровича, 1912 г.р., призванного Кыринским РВК Читинской области, шофёра 3-й батареи 838-го отдельного миномётного дивизиона 321-й стрелковой дивизии, явствует

следующее: «15.08.42 года. В бою под деревней Осиновка младший политрук Номтоев с шофёром, младшим сержантом, тов. Сапач случайно врезались на автомашине в группу немецких автоматчиков до 30 чел. Немцы окружили автомашину и предложили находящимся в ней сдаться в плен. Младший политрук Номтоев не растерялся, выстрелил из пистолета, убил двух офицеров и создал панику среди немцев. Шофёр, тов. Сапач, воспользовавшись удобным случаем, повернул автомашину и вывел её из окружения под сильным огнём автоматчиков противника. Тов. Сапач достоин правительственной награды — медали „За отвагу“. Приказ подразделения №: 11/н от: 23.12.1942» [Сапач]. Здесь можно отметить расхождение в дате, но в целом понятно, что речь идёт об одном и том же событии. Ц.Н. Номтоев за этот подвиг был награждён орденом Красной Звезды, ранее данные наградного листа были в свободном доступе на сайте «Подвиг народа». Известно также, что осенью 1942 г. младший политрук, заместитель командира батареи по политчасти 838-го отдельного миномётного дивизиона 321-й стрелковой дивизии Номтоев Ц.Н. был награждён медалью «За боевые заслуги» за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество. Приказ подразделения №: 56/н от 19.10.1942 [Номтоев]. В перестрелке был ранен в руку боец Овчинников, сидевший в кузове. Позже насчитали более 10 пулевых отверстий в машине, два колеса были прострелены. Благодаря смелым действиям Номтоева были спасены многие машины, следовавшие за ним [Номтоев 1982, с. 30].

В параграфе «6.8.42» говорится также о пожилом солдате-караульном Веселове, который позже во время ночного разговора отметил Номтоева: «Вы показали, что и один в поле воин. Приняли очень верное решение. В трудной ситуации бывают случаи самоубийств. Это в корне неправильно. В любой тяжёлой обстановке нужно, не сдаваясь врагу, продолжать стрелять. Только тогда можно уменьшать количество врагов. Только смерть. Мы, имеющие детей, не должны попадать в руки врага. Лучше погибнуть в бою, чем терпеть унижения, умолять их, оскверняя имя советского солдата. Ведь могут быть случаи, когда, подобно вам, можно выбраться живым» [Номтоев 2014, с. 249]. Как пишет автор, Веселов был интересный старик, всё время хвалил свою супругу: «Моя старуха добрая, приготовив вкусную еду, всё время ждала меня с работы. Всё время беспокоилась, жалела меня. И я тоже её всегда жалел. Ни разу в жизни мы не ссорились. И что она делает сейчас? Наверное, сидит, бедная, и всей душой беспокоится обо мне» [Номтоев

2014, с. 250]. Когда Веселов был тяжело ранен и умирал, он, протягивая посиневшие руки, всё звал её. Номтоев видел всё это и слёзы невольно наворачивались на глаза. То же самое было и когда погиб Шипилов, молодой солдат, проявивший мужество и награждённый орденом Красной Звезды. «Когда закончится война, вернусь домой, надену орден и пойду гулять. Все девушки будут мною восхищаться», — радовался он. Устанавливая связь, этот хороший парень был сражён вражеской пулей. Когда нашли его тело, то увидели, что в правой руке он крепко сжимал свой орден [Номтоев 1982, с. 31].

В других параграфах фронтового дневника далее встречаются данные о гибели земляков — Нанзатова, политрука В. Варнакова, военврача 3-го ранга М. Андреевой; написано стихотворение, посвящённое сапёрной лопатке; говорится о встрече с Б.-М. Лодоновым, о подвиге бойцов 45-й противотанковой батареи, подбивших на глазах у всех три вражеских танка [Номтоев 1982, с. 30—39]. Все данные требуют дальнейшего, более детального изучения. Можно сделать вывод, что к фронтовым записям Ц.Н. Номтоев позже подготовил дополнения. Например, имеют место данные о случайной встрече с однополчанином Лодоновым после окончания войны, в 1967 г., на курорте «Дарасун» [Номтоев 1982, с. 39].

В параграфе фронтового дневника от 29 ноября 1942 г. отмечен красноармеец Бато-Очир Мункуев, винтовкой и штыком уничтоживший в бою 12 фашистов. По национальности он был русским, взятым из детдома бурятской семьёй из Кяхтинского района. В честь его подвига сразу же было написано стихотворение, в котором Номтоев сравнивает бойца с витязем легендарного бурятского богатыря Гэсэра [Номтоев 1982, с. 42]. По воспоминаниям родных, за боевые заслуги Б.-О. Мункуев был награждён орденами Отечественной войны II степени и орденом Красной Звезды. В мирное время он работал в родном селе председателем колхоза, затем заместителем директора совхоза «Пограничный» [Мункуев].

В параграфе «20.12.42» фронтового дневника отмечена встреча Ц.Н. Номтоева с земляком Цыренжапом Дамбаевым: «После многих сражений наступило время отдыха. К нам всё прибывали новые люди, пополнение. Когда я чистил сапоги у землянки, один человек с поклажей, поговорив с нашими ребятами, подошёл прямо ко мне. Смуглый, с круглым лицом, похожий на бурята боец по-русски доложил: „Прибыл в ваше распоряжение“. Подумав, что он, скорее всего, казах или узбек, спросил по-русски: „Откуда родом?“. Тот ответил: „Из Бурят-Монголии“. „Из какого аймака?“ — спросил я уже на бурятском.

„Из Еравны“, — прозвучал ответ на родном языке. Я уронил щётку. „Откуда из Еравны, как зовут?“ — „Из Исинги, зовут Дамбаев Цыренжап“» [Номтоев 1982, с. 45]. Сёла Исинга и Эгита, где жил и работал Ц. Номтоев, находятся в Еравнинском районе Республики Бурятия (в изучаемый период — Бурят-Монгольская АССР. — Б.Д.). На сайте «Память народа» имеются сведения о награждении санинструктора миномбатарей 120-мм миномётов гвардии младшего сержанта Ц. Дамбаева медалью «За боевые заслуги» (приказ подразделения № 15/н от 20.09.1943, издан: 242 гв. сп 82 гв. сд): «Во время наступательных боёв с 17 июля 1943 г. проявил самоотверженность, мужество и большую заботу по оказании помощи раненым и больным бойцам и офицерам. Кроме этого, тов. Дамбаев помогал старшине в доставке питания и боеприпасов на огневую линию, а также в напряжённый момент будучи на огневой линии подносил и заряжал мины» [Дамбаев].

О долгом пешем походе, растянувшемся на несколько ночей, говорится в параграфе «5.1.43». Машины также были задействованы в перевозке снаряжения пехотинцев. Днями отдыхали, ночами шли. Номтоев с Дамбаевым шли, переговариваясь, вспоминая свою родину: «„Ну, Дамбаев, каково было бы сейчас сидеть в лёгких санях, запряжённых лошадейю с острыми подковами, поставив у края ног два-три стеклянных сосуда, и мчаться по льду озера Еравна в сторону Исинги?“ — „Не говори, не говори, на душе тяжело становится“. — „Придёт такое время, Цыренжап!“» [Номтоев 1982, с. 46].

Следующий параграф относится к 15 марта 1943 г. В нём говорится, что время уже было тёплое. Во время отдыха в полк пришла команда к построению. Дивизия к тому моменту стала гвардейской, и это было время, когда она уже многим стала известной своей доблестью. Все начали готовиться к построению. Когда весь полк был построен, и командир полка командовал на равнение, выступил с поздравлением командир дивизии, гвардии генерал-майор И.А. Макаренко. Он вручил медали «За оборону Сталинграда» старым офицерам и солдатам, участвовавшим в оборонительных боях под Сталинградом. Как отмечал Ц.Н. Номтоев, «нас, живых, кому посчастливилось получить эту медаль, было не так много» [Номтоев 1982, с. 46]. Генерал-майор сердечно поздравил награждённых и кратко произнёс: «Вы защитили Сталинград и остались в живых. И в память об этом носите их (медали). Родина вас никогда не забудет!» [Номтоев 2014, с. 261]. Далее в сборнике «Сила» представлены три стихотворения Номтоева на бурятском

языке — «Враг будет побеждён», «Многодетный отец», «Девушка в шинели», датированные 1942 г. [Номтоев 1982, с. 46—50].

В целом фронтовой дневник бурятского офицера, писателя является ценным источником по истории Сталинградской битвы. На его основе можно реконструировать некоторые боевые действия и места дислокаций подразделений 321-й стрелковой дивизии, судьбы солдат и офицеров, служивших вместе с автором. Материалы фронтового дневника дают также возможность проследить поэтическое творчество Ц. Номтоева в этот период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамбаев Цыренжап Раднаевич // Память народа. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie17552553/ (дата обращения: 24.12.2024).
2. Мункуев Бато-Очир Бадмаевич // Бессмертный полк. URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/munkuev-bato-ochir-badmaevich-2> (дата обращения: 24.12.2024).
3. Номтоев Ц.Н. Сталинград шадарай агууехэ тулалдаан [Великое сражение у Сталинграда] // Антология произведений писателей Бурятии о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / сост.: Н.Н. Ильина, Н.Д. Шагдурова, Б.Л. Аюшеев, Н.Г. Лубсанова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. 576 с.
4. Номтоев Ц.Н. Хүсэн [Сила]. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1982. 126 с.
5. Номтоев Цокто Номтоевич // Память народа. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/?adv_search=y&last_name=Номтоев (дата обращения: 24.12.2024).
6. Сапач Дмитрий Александрович // Память народа. URL: https://pamyatnaroda.ru/heroes/?adv_search=y&last_name=Сапач&first_name=Дмитрий&middle_name=Александрович&date_birth_from=&static_hash= (дата обращения: 24.12.2024).

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

УДК 81

Бабенко Анастасия Сергеевна
Дальневосточный федеральный
университет
SunsetLynx@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК» В ПОВЕСТИ Р.И. ФРАЕРМАНА «НИКИЧЕН»

Статья посвящена реконструкции фрагмента когнитивного уровня языковой личности Р.И. Фраермана на материале одной из повестей писателя. Предметом исследования является языковая репрезентация концепта «Дальний Восток», значимого для языковой картины мира Р.И. Фраермана. Работа выполнена с опорой на методы и приёмы семантико-когнитивного описания концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Научную новизну исследования определяет описание концепта, составляющего индивидуальную языковую картину мира малоизученного автора.
Ключевые слова: Р.И. Фраерман, «Никичен», Дальний Восток, концепт, семантико-когнитивное описание концепта

Babenko A.S.
Far Eastern Federal University

Representation of the Concept of the Far East in the Novel “Nikichen” by R.I. Fraerman

The article is devoted to the reconstruction of a fragment of the cognitive level of R.I. Fraerman's linguistic personality based on the material of one of the writer's novels. The subject of the research is the linguistic representation of a concept of the Far East, which is significant for the linguistic worldview of R.I. Fraerman. The work is based on the methods and techniques of semantic and cognitive description of concepts by Z.D. Popova and I.A. Sternin. The scientific novelty of the research is determined by the description of the concept that makes up the individual linguistic picture of the world of the little-studied author.

Keywords: R.I. Fraerman, “Nikichen”, Far East, concept, semantic and cognitive description of the concept

Рувим Исаевич Фраерман — некогда известный советский писатель, родился 10 (22) сентября 1891 г. В настоящее время имя автора успешно экранизированной «Дикой собаки динго, или Повести о первой любви» мало кому известно, однако современникам его творчество было хорошо знакомо, его произведения печатались в информационно-рекомендательных каталогах детских книг.

Писатель родился и провёл юные годы в Могилёве (Белоруссия), но его молодость прошла на Дальнем Востоке, куда он направился в качестве подручного кочегара Уссурийской железной дороги; здесь он встретил революцию и Гражданскую войну [Тубельская 2015, с. 358]. Впечатления этих лет отражены во многих произведениях: повестях «Огнёвка» (1924), «Буран» (1926) и «Васька-гиляк» (1929), рассказе «Сквозь белый ветер» (1931) и мн. др. [Арзамасцева 2009, с. 552]. Сам Р.И. Фраерман впоследствии вспоминал: «Я взял местом действия Дальний Восток, который полюбил с молодых лет... Там меня застала революция» [Фраерман 2016, с. 221].

Л.П. Якимова в небольшом очерке, посвящённом Р.И. Фраерману как сибирскому писателю, отмечает следующее: «...для Р. Фраермана внимание к жизни сибирских народов не было случайным эпизодом творческой биографии, именно в соприкосновении с жизненным опытом других народов и раскрылось художественное своеобразие его творчества» [Якимова 1988, с. 97].

К.Г. Паустовский, близкий друг писателя, вспоминал: «Любовь Фраермана к Дальнему Востоку, его способность ощущать этот край как свою родину всегда казалась нам удивительной, потому что Фраерман родился и вырос в Белоруссии и его юношеские впечатления были далеки от своеобразия Дальнего Востока, тамошнего размаха во всём, начиная от характеров людей и кончая просторами природы» [Паустовский 1967—1970, с. 26].

Р.И. Фраерман проявил себя как знаток особенностей природы и быта коренного населения Дальнего Востока: незначительными, казалось бы, короткими штрихами он тонко отмечает самую сущность характера жителей дальневосточной тайги, этнографические детали органично входят в художественную ткань его произведений.

Повесть «Никичен» была написана в 1933 г., и её сюжет во многом перекликается с более ранней повестью, ставшей первой удачей И.Р. Фраермана как писателя, поскольку в ней его стиль приобрёл цельность и художественность, — «Васькой-гиляком». Оба произведения посвящены становлению советской власти на Дальнем Востоке и вовлечению местных народов в столь непростой процесс. Но в отличие от «Васьки-гиляка»

повесть «Никичен» написана в другом ключе, она более поэтична, поскольку важным вопросом в ней является пробуждение мысли народа. По словам А. Ивича, в повести «Никичен» писатель рассказывает о том, «как кончалось детство народа» [Ивич 1969, с. 341]. Главным героем произведения является тунгусский народ, который, по словам самого Р.И. Фраермана, он полюбил больше других, поскольку именно этот народ сумел даже в нужде и бедствиях сохранить в чистоте свою душу, сохранить любовь к тайге и свои знания о её законах, наконец, сохранить вечные законы дружбы человека с человеком [Фраерман 2016, с. 221].

Реконструкция фрагмента языковой картины мира, а именно концепта «Дальний Восток», на материале текста повести «Никичен» явилась целью нашего исследования. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: изучение понятия языковой картины мира и теории концепта как её базовой единицы; проведение семантико-когнитивного описания концепта, значимого для всей картины мира писателя. В исследовании мы опирались на методы и приёмы семантико-когнитивного описания концептов, предложенные З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 2007]. В упрощённом виде модель описания концепта имеет следующий вид:

1. Построение номинативного поля концепта.

Данный этап предполагает установление и описание совокупности языковых средств, которые номинируют концепт и его отдельные признаки.

2. Анализ и описание семантики языковых средств, которые входят в номинативное поле концепта.

Поскольку номинативное поле состоит из разнородных языковых единиц, то задачей этапа их семантического описания является толкование их значений, которые впоследствии будут подвергнуты когнитивной интерпретации.

3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств, т.е. выявление когнитивных признаков, которые формируют исследуемый концепт как ментальную единицу. Этап когнитивной интерпретации предполагает: а) выявление когнитивных признаков; б) выявление когнитивных классификационных признаков.

4. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков. Включает пункты:

- описание макроструктуры концепта;
- описание категориальной структуры концепта;
- описание полевой организации выявленных когнитивных признаков.

5. Моделирование концепта.

Итогом данного этапа является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры [Попова, Стернин 2007, с. 113—148].

Представим результаты нашего исследования.

Номинативное поле концепта составили следующие единицы, представляющие отдельные признаки концепта: *гиляки, гольды, китайцы, китайская даба, китайские пальмы, китайский фарфор, корейцы, негидальцы, овены, овенское племя, по-китайски, по-русски, по-тунгусски, по-якутски, русские, тунгус, тунгусская каптарга, тунгусская люлька, тунгусская обувь, тунгусская оморочка, тунгусская собачка, тунгусский сход, тунгусское племя, тунгусское стойбище, якут, якутский нож, японцы, японские галеты, японские ириски, японский десант, японский капитан, японский миноносец, Амур, Аян, Владивосток, Де Кастри, Курильские острова, Ламское море, Николаевск, Охотск, Охотское море, Сахалин, Тугур, Чумукан, Шантары, Якутск, Японское море, аянский олень, барсук, белка, волк, ворон, выдра, горбуша, горный баран, дельфин, дикуша, иволга, изюбр, кабарга, кета, клуша, корюшка, косуля, кулик, куница, лебеди, лесной голубь, лиса, лось, майма, медведь, нерпа, орёл, рысь, соболь, сова, тюлень, унжа, утка, аянская ель, багульник, берёза, брусника, водоросли, голубика, ель, ирис, каменная берёза, камнеломка, кедр, кедровый стланец, клюква, ландыш, лиственница, мак, морская капуста, мох, осина, пихта, смолёвка, черёмуха, черемша, ягель, ясень, буря, ветер, горы, лес, море, река, сопка, тайга, туман, катер, кунгас, лодка, оморочка, пароход, шаланда, шампонка, шхуна, лепёшки рыбы, нерпичье сало, медвежати́на, оленина, оленьё молоко, порса, саламат, юкола, камалан, камаса, каптарга, олений мешок, дошка, лосиный шнурок, оленье торбаса, оленья замша, ровдужные олочи, тюленья куртка, унты, калым, окшери, праздник кука-куке, севокин, суглан, Сырраджок, ясак, аркан, нарты, нерпичья шкура, олений пастух, олень, оленье стада, оленья важенка, оленья шкура, охота, охотник, охотничьи топоры, пушнина, рыба, рыбалка, рысья шкура, стойбище, ураса, юрта.*

Ключевой номинацией выступает словосочетание *Дальний Восток*, которое, однако, в тексте повести не встречается. Мы реконструируем его в качестве ключевой номинации, опираясь на другие топонимы (*Амур, Аян, Владивосток, Де Кастри, Ламское море, Николаевск* и др.), встречающиеся в тексте и указывающие на то, что местом действия произведения является интересующий нас регион. Номинативное поле исследуемого концепта включает свыше 1400 номинаций, однако в тексте не встречаются паремии и фразеологические сочетания. Синонимы и антонимы, как и деривационное поле, не выявлены.

Второй этап предполагает анализ семантики единиц номинативного поля с использованием словарей, методики компонентного анализа, контекстуального анализа; выделение семантических компонентов, характеризующих денотат концепта. На данном этапе были выделены следующие семантические компоненты (семы): гилияки 7, гольды, негидальцы 4, олены 30, овенское племя, тунгус 104, тунгусское племя, якут 6 — *на территории региона проживают коренные народы*; тунгусский сход, тунгусское стойбище — *коренные народы склонны объединяться для совместного труда и проживания*; китайцы 4, корейцы 4, японцы 22, русские 26 — *на территории региона проживают разные народы*; китайская даба, китайские пальмы, китайский фарфор, якутский нож — *жители региона используют инструменты и предметы быта, свойственные разным народам*; по-китайски 2, по-русски 5, по-тунгусски 7, по-якутски — *на территории Дальнего Востока используются разные языки и др.*

Все семы, выявленные на втором этапе, путём когнитивной интерпретации были объединены в следующие признаки: *территория на Востоке обширна, омывается морями и реками, туманный, лесистый, гористый, суровый, имеет богатую флору, имеет богатую фауну, моря и реки влияют на жизнь местного населения, на территории проживают коренные народы, особенности быта коренного населения, на территории проживают разные народы, характерно переплетение культур.*

На четвёртом этапе данные признаки были унифицированы; представим список в порядке убывания яркости (цифры рядом указывают количество номинаций): *на территории проживают коренные народы 655; природа Дальнего Востока богата и разнообразна 254; жизнь населения на Дальнем Востоке зависит от морей и рек 166; обширная территория на Востоке 126; на Дальнем Востоке множество лесов и гор 111; для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур 84; на Дальнем Востоке суровый климат 50.*

Что касается завершающего, пятого этапа, то он предполагает распределение признаков по образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю; описание иерархии когнитивных классификационных признаков и описание полевой организации.

Макроструктура концепта представлена следующим образом: образный компонент содержания концепта в тексте повести не представлен; информационное содержание составляет 37,4% общего содержания концепта (*природа Дальнего Востока богата и разнообразна 254* — 17,6%; *обширная территория*

на Востоке 126 — 8,7%; на Дальнем Востоке множество лесов и гор 111 — 7,7%; на Дальнем Востоке суровый климат 50 — 3,4%); интерпретационное поле концепта «Дальний Восток» в целом составляет 62,6% его когнитивного содержания (на территории проживают коренные народы 655 — 45,3%; жизнь населения на Дальнем Востоке зависит от морей и рек 166 — 11,5%; для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур 84 — 5,8%).

Классифицирующих признаков два (в скобках указано количество номинаций и процент от общего их числа): 1) особенности быта населения (905 — 62,6%); признаки связаны с укладом жизни местного населения; 2) особенности природы (541 — 37,4%); признаки связаны с характеристикой географии, флоры и фауны, климата региона.

Обратимся к полевому описанию структуры концепта.

Ядро составили признаки: на территории проживают коренные народы 655; природа Дальнего Востока богата и разнообразна 254.

Ближняя и дальняя периферия представлены следующими признаками: жизнь населения на Дальнем Востоке зависит от морей и рек 166; обширная территория на Востоке 126; на Дальнем Востоке множество лесов и гор 111; для Дальнего Востока характерно переплетение различных культур 84; на Дальнем Востоке суровый климат 50.

Результаты нашего исследования позволили сделать следующие **выводы**.

Ведущую роль в содержании концепта «Дальний Восток» на материале текста повести «Никичен» играет социально-культурная зона интерпретационного поля.

Интерпретационное поле в целом характеризуется как та зона концепта, которая включает признаки, содержащие некое выводное знание о концепте, оценивающие его и определяющие практическое применение денотата концепта; кроме того, сюда входят признаки, отражающие связь концепта с бытом и культурой народа. Таким образом, интерпретационное поле всегда содержит информацию, которая поступает только из личного опыта человека, его непосредственного взаимодействия с денотатом концепта. Автор повести «Никичен» Р.И. Фраерман имел такой опыт, и именно этот опыт находит своё отражение в структуре концепта, что свидетельствует о его оценочном характере.

Выбор номинаций, репрезентирующих концепт «Дальний Восток» в тексте повести «Никичен», тоже свидетельствует об имплицитной оценочности концепта (всего номинаций 1446).

Большую часть номинативного поля занимают номинации, связанные с природной характеристикой региона и особенностями быта коренного народа — тунгусов. Подробное описание как природы, так и быта коренного населения следует воспринимать не только в качестве приёма описания художественного мира, но способа передачи личного опыта.

Множество номинаций связаны с особенностями быта тунгусов (современное название народа «эвенки»). Так, в номинативное поле концепта входят и название народа, и предметы быта, и особенности ведения хозяйства, и привычные занятия, и пища, и убранство жилища (*тунгусы, негидальцы, каптарга, аркан, охотник, рыбы лепёшки, камалан* и т.д.). В каждом из текстов писателя его сосредоточенность на изображении того или иного народа объясняется выбором главных героев (или же, напротив, желание показать быт конкретного народа приводит к выбору его представителя в качестве главного героя), и в каждом из текстов, не исключая и «Никичен», Р.И. Фраерман детально и тонко описывает особенности быта и культуры народа, стоящего в центре его внимания. В качестве примера приведём фрагмент, содержащий описание особенностей быта тунгусов (фрагмент посвящён традиционным тунгусским танцам):

«Олешек и двое молодых тунгусов вышли на берег, на песок, белевший под луной, стали в круг, взялись за руки и крикнули:

— Яхор!

— Яхор! — повторили тунгусы у костров и один за другим оставляли еду и входили в круг танцующих.

— Ходерга! — крикнул Олешек громким голосом.

— Ходерга! — повторили все, взяв низкую ногу, и медленно закружились справа налево, опуская и поднимая сомкнутые руки.

Иные накрест закладывали ногу за ногу, иные двигались по кругу плавно. Но движения всех были одинаково сильны и стройны.

Вступили в круг женщины. Они не кричали. Вошла Никичен, стала между Олешekom и Прокофием — сыном богатого Осипа — и взяла обоих за руки. Она всё ещё была печальна и, когда другие кричали: „Яхор, хорошо! Ходерга, хорошо! К нам пришли гости, богатые справедливостью!“, она тихо повторяла:

— Плохо...

Танцевали за полночь.

Песок скрипел под мягкими олочами. На отмели шипело море. Луна, почти круглая, стояла над берегом и светила так сильно, что виден был бисер на расшитых олочах девушек. Кружились всё сильнее» [Фраерман 1958, с. 215].

Большинство происходящих в повести событий показаны глазами тунгусской девушки, чьим именем и названо произведение, а также глазами её отца и жениха. Образы представителей коренных народов, главным образом тунгусов, как и в других произведениях Р.И. Фраермана, даны без прикрас, без налёта экзотики, но с искренней теплотой и уважением. В повести показаны не только различия между русскими и тунгусами, но и те общие моменты, которые позволили им стать частью одной огромной страны. Не только наивность, смирение и отсутствие амбициозности являются центральными качествами тунгусов, но и их открытость, доброжелательность по отношению к другим народам, их искреннее желание учиться новому и стремление к лучшему будущему. Объективное, детальное описание быта тунгусского народа, его характера, традиций и обычаев, как и в других произведениях писателя, объясняется личным опытом Р.И. Фраермана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасцева И.И. Фраерман Рувим Исаевич // Русские писатели, XX век: биографический словарь: А—Я / сост. И.О. Шайтанов. М.: Просвещение, 2009. 623 с.
2. Блинкова М.М. Р.И. Фраерман: Критико-биографический очерк / Дом дет. книги. М.: Детгиз, 1959. 62 с.
3. Ивич А. Фраерман — четыре повести о пробуждении // А. Ивич. Воспитание поколений. М.: Дет. лит., 1969. 468 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худож. лит., 1967—1970. Т. 8. 447 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. 314 с.
7. Тубельская Г.Н., Соболевская Ю.Я. Детские писатели России. Сто тридцать имён: биобиблиографический справочник / под ред. Л.Е. Коршуновой. 2-е изд. М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2015. 392 с.
8. Фраерман Р.И. Дикая собака динго, или Повесть о первой любви: повесть; [предисл. К. Паустовского]; художник С. Монахов. М.: Дет. лит., 2016. 221 с.
9. Фраерман Р. Избранное. М.: Советский писатель, 1958. 552 с.
10. Якимова Л.П. «...Чувство края как целого». Сибирский мотив в творчестве Р.И. Фраермана // Литература и литераторы Сибири: Лит. очерки. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. 176 с.

Гриценко Юлия Александровна

Государственный университет

просвещения

julia_gr2004@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕХНОЛОГИИ БУКТРЕЙЛЕРА В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья исследует формирование ценностных ориентаций младших подростков средствами художественной литературы в цифровую эпоху. Фокус сделан на буктрейлере как инновационном жанре, сочетающем литературу, визуальное искусство и интернет-технологии. Автор анализирует механизмы влияния буктрейлера на когнитивную и эмоциональную сферы обучающихся и обосновывает эффективность интеграции буктрейлера в образование для развития ценностных ориентаций младших подростков.

Ключевые слова: визуализация текста, медиатехнологии в образовании, ценностные ориентации, младшие подростки, художественная литература

Gritsenko Yu.A.

Federal State University

of Education

The Pedagogical Potential of Book Trailer Technology in Shaping Value Orientations Among Younger Adolescents Through Fiction

The article explores the formation of value orientations of younger adolescents by means of fiction in the digital age. The focus is on booktrailer as an innovative genre combining literature, visual art and Internet technologies. The author analyzes the mechanisms of booktrailer influence on the cognitive and emotional spheres of students and substantiates the effectiveness of booktrailer integration into education for the development of value orientations of younger adolescents.

Keywords: text visualization, media technologies in education, value orientations, younger adolescents, fiction

В эпоху активного развития цифровых технологий и визуального искусства, когда человек всё больше зависит от информационного пространства, особую значимость приобретают инструменты, которые помогают эффективно адаптироваться к электронной культурной среде.

Подростки начинают проявлять интерес к художественной литературе и стремятся к чтению, поскольку узнают в ней знакомые проблемы и ищут решения своих вопросов. Персонажи литературных произведений становятся для школьников своеобразным примером для подражания: они не только помогают подросткам не чувствовать себя одинокими в сложных ситуациях, но и предоставляют готовые стратегии поведения в непростых жизненных обстоятельствах.

Чтение всегда было и остаётся важным способом получения жизненно важной информации, поэтому дети и подростки испытывают потребность в чтении произведений, особенно о себе. Раньше самостоятельное чтение школьников зависело от авторитетного мнения учителей, и такое чтение сопровождало чтение в классе, от классики до современных произведений. Однако сейчас исследователи считают, что школьники должны самостоятельно выбирать интересующие книги.

Как отмечает М.Н. Ветчинова, «технические устройства, столь широко распространённые сегодня, интернет и неразрывно связанная с ним цифровизация изменили практику чтения, отношение к письменной форме, литературе, информации и знаниям» [Ветчинова 2022, с. 120]. Необходимо искать инновационные подходы для мотивации учащихся к овладению информационными навыками и компетенциями, которые будут полезны в будущем [Стариков 2017].

На современном этапе развития общества образование трансформируется в медиаобразование — «процесс развития личности с помощью и на материале средств массовой коммуникации (медиа) с целью формирования культуры общения с медиа, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умений полноценного восприятия, интерпретации, анализа и оценки медиатекстов, обучения различным формам самовыражения при помощи медиатехники» [Фёдоров 2015, с. 8]. В.С. Букреева отмечает, что «интеграция элементов медиаобразования в учебные предметы продуцирует как активную практико-ориентированную медиатеатральность (фото, радио, анимация, скрайбинг, сторителлинг и т.д.) в урочной и внеурочной деятельности (экспедиции, экскурсии, походы), так и анализ, критическую оценку ресурсов мультимедиа, прогнозирование их воздействия на ребёнка» [Букреева 2022, с. 139].

По словам А.И. Каптерева, «возникновение мультимедийных текстов — документов, несущих в себе информацию разных типов и видов и предполагающих использование специальных технических устройств для их создания и воспроизведения, — подготовлено и обусловлено процессами виртуализации и медиатизации социокультурного пространства» [Каптерев 2004, с.187], что, в свою очередь, требует организации обучения специфическим методам чтения для работы с мультимедийными текстами и гиперссылками [Новосельцева и др. 2022] и в целом повышения интереса к чтению как ключевому фактору интеграции в информационное общество.

Как показывают исследования, недооценка педагогами старшего поколения образовательных возможностей цифровых платформ и сервисов обусловлена «не возрастными или профессиональными особенностями, а недостаточной осведомлённостью о возможностях педагогического управления электронным текстом для развития продуктивного читательского поведения» [Миронова 2020].

Для повышения эффективности образовательного процесса и обеспечения доступности знаний необходимо использовать цифровые инструменты, объединяющие онлайн- и офлайн-обучение. Это позволит расширить доступ к образовательным ресурсам, повысить качество обучения и сформировать гармонично развитую личность.

Взаимодействие подростков с цифровым текстом существенно меняет их читательские привычки, что требует дополнительного педагогического просвещения. В первую очередь их нужно обучить поиску информации не только в традиционных источниках, но и в цифровых ресурсах, которые меньше контролируются и рецензируются. Также важно научить их правильно оценивать достоверность и псевдонаучный характер информации, сохранять данные на цифровых носителях и использовать их в учебных, трудовых и научных целях.

В.М. Яньшева отмечает, что самым заметным явлением современной книжной культуры является «визуализация как особая организация текста, позволяющая в полной мере выявить его структуру посредством представления информации в наглядном виде» [Яньшева 2022, с.165].

Мультимедийный «Словарь современного читателя», представленный издательством «Эксмо», указывает, что «буктрейлер как короткий видеоролик, представляющий ту или иную книгу, даёт представление о содержании, сюжете, а также обращает внимание на её сильные стороны» [Словарь современного читателя].

Этот оригинальный формат органично соединяет в себе словесное творчество, визуальные решения и цифровые медиа.

Исследователи, изучающие феномен буктрейлера, подчёркивают его схожесть с традиционной издательской аннотацией [Бялецкая и др. 2019, с. 118]. В научных кругах сформировалось несколько определений данного явления: от визуального представления книжного контента [Рахматуллина 2013; Лисовская 2014] до видеоформата, представляющего художественный текст [Якина 2014, с. 45; Москаленко 2020]. Некоторые специалисты характеризуют его как динамичную версию книжной обложки [Grøn 2014], что подчёркивает его комплексный характер. Буктрейлер способен интегрировать различные паратекстовые компоненты, традиционно размещаемые на книжной обложке: изображения автора, биографические данные, редакционное описание, критические отзывы, указание на жанр произведения и прочие элементы, а также интервью с создателем произведения, делящимся своими мыслями о книге.

В буктрейлере, в отличие от кинотрейлера, невозможна «опора на видеофрагменты» [Зоидзе 2023, с. 123]. (Кино)трейлеру недоступно «перекодирование вербального в визуальное» [Щербинина 2016]. Реципиент буктрейлера будет иметь дело с «суперсемиотическим переводом» книги [Vollans 2016, p. 5], «смысловые нюансы которой опредмечиваются в трейлере с помощью видеоряда и изображений» [Рахматуллина 2013, с. 117], обеспечивая таким образом «доступность книжных новинок и классических произведений для современного поколения читателей в понятной для них форме» [Varga 2020, p. 950] — «в сжатом и легко воспринимаемом видеоформате» [Викулова 2020].

К характерным особенностям буктрейлера относят фрагментарное изложение сюжета, смысловую наполненность с опорой на универсальные образы и символы, содержательную насыщенность, структурное единство, интерактивность и эмоциональную окрашенность представленного материала.

Текст буктрейлера состоит из изображений, аудио- и видеоматериалов, связанных с сюжетом книги. Концепты и логические отношения между ними составляют глубинное содержание текста, а графические изображения дополняют и визуализируют идеи произведения. Ролик снят таким образом, что графика служит иллюстрацией, подтверждающей слова, «опредмечивающей» эмоциональные и смысловые нюансы психического и материального мира.

Важную роль в создании буктрейлера играет эмоциональная информация, транслируемая через графическое и метафорическое представление образов. Она помогает передать

атмосферу и настроение книги, заинтересовать читателя и убедить его прочитать произведение. Характеристики и методы трансляции эмоциональной информации определяются субъективным восприятием содержания книги и смысловой позицией автора.

Как отмечает Ю.В. Щербинина, в современной медиапрактике выделяются различные типы буктрейлеров. По форме представления материала различают игровые версии (мини-фильмы по книге) и неигровые варианты (презентации с мультимедиа-элементами). «По содержательному наполнению выделяют трейлеры нарративные (отражающие сюжет), эмоциональные (передающие атмосферу) и концептуальные (транслирующие основные идеи)» [Щербинина 2012, с. 147].

Главной целью любого буктрейлера является привлечение внимания потенциального читателя и стимулирование его интереса к произведению. Типичная структура включает динамичную последовательность наиболее впечатляющих фрагментов книги, что создаёт эффект калейдоскопа и побуждает к дальнейшему чтению [Лисовская 2014].

Создание буктрейлера позволяет продемонстрировать глубину восприятия прочитанного, реализовать творческий потенциал в области современных технологий, проявить навыки в дизайне, публичных выступлениях, режиссуре и других направлениях.

В различных школах и библиотеках страны эта методика успешно применяется и помогает развивать творческие навыки учеников. Она служит своеобразным аналогом традиционного школьного сочинения по литературе и языку. Однако опасения, что создание видеороликов о книгах становится увлечением любителей, не должны вызывать сомнений в качестве конечного продукта — буктрейлера, который является рекламным продуктом.

Буктрейлер, возникший как маркетинговый инструмент для продвижения книг, успешно интегрировался в практическую педагогику. Этот формат, сочетающий рекламу, визуальное искусство и мультимедиа, эффективно помогает, в частности, в преподавании литературы.

Создание буктрейлера требует интеграции знаний из различных учебных дисциплин, что способствует формированию личного восприятия литературного произведения. Процесс создания медиапродукта охватывает текстологический анализ, подбор изобразительных материалов, исследование адаптаций и рецензий. Итоговый результат представляет собой оригинальный медиаконтент, где гармонично сочетаются авторский

посыл писателя и читательская интерпретация школьника, картина мира автора трансформируется в индивидуальную картину мира подростка.

Помимо формирования читательского интереса и мотивации к чтению, буктрейлеры успешно используются в воспитании нравственной культуры и духовно-нравственных ценностей: нормативного поведения, патриотизма и гражданской идентичности, гуманного отношения к природе, традиционных ценностей, семейного чтения, ценности здоровья и здорового образа жизни, самостоятельности, исторической памяти, толерантности, принятия другого человека, русского языка как средства межнационального общения [Винокурова, Мазуренко 2022].

Буктрейлер представляет собой диалоговую форму взаимодействия с аудиторией в интернет-пространстве, усиливаемую использованием первого лица и специальных языковых средств. Его воздействие строится на синергии визуальных, аудиальных и текстовых компонентов, что создаёт целостный коммуникативный посыл, стимулирующий интерес к книге.

Интеграция буктрейлеров в образовательный процесс развивает комплекс компетенций: углублённое восприятие и анализ литературных произведений; формирование навыков самостоятельного выбора литературы; развитие критического мышления и личных ценностных ориентиров; межпоколенческий диалог через литературу; создание собственных аналитических материалов; междисциплинарный анализ произведений искусства; исследовательскую деятельность в различных форматах. Это способствует как пониманию литературы, так и развитию творческих и аналитических способностей учащихся в урочной и внеурочной деятельности [Колова, Врублевский 2019, с. 463].

В свете современных информационных тенденций важно помнить о недопустимости искажения авторской позиции и фактических ошибок при создании буктрейлера. В противном случае визуальная интерпретация текста может привести к его «текстовому развоплощению».

Подводя итоги анализа применения буктрейлеров в формировании ценностных ориентаций младших подростков средствами художественной литературы, можно заключить, что за счёт мультимодальности и медиаконвергенции воспитательный потенциал средств буктрейлера направлен на то, чтобы наглядно и предметно представить литературное произведение, что способствует лучшему пониманию и осмыслению прочитанного. Использование лингвистических и мультимедийных

средств буктрейлера помогает разнообразить образовательную деятельность, сделав её более привлекательной и радостной. Это придаёт чтению эмоционально-ценностный смысл, вызывает интерес к художественной литературе и делает её ценностное содержание более доступным и привлекательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букреева В.С. Включение элементов медиапроекта в образовательный процесс учащихся 5-х классов // Школа молодых учёных по проблемам гуманитарных наук: сб. материалов областного профильного семинара. Елец; Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2022. С. 137—142.
2. Буктрейлер // Словарь современного читателя. URL: <https://eksmo.ru/slovar/buktreyleer/> (дата обращения: 13.03.2025).
3. Буктрейлер — современный способ продвижения книги в библиотеке: методические рекомендации / авт.-сост. Т.А. Лисовская. Петрозаводск: ДЮБ РК, 2014. 16 с.
4. Бялецкая Е.М., Бялецкий А.С., Киреев Н.А. Буктрейлер — живая книга // Молодой исследователь Дона. 2019. № 3 (18). С. 117—122.
5. Ветчинова М.Н. Чтение во Франции в эпоху Интернета и цифровых технологий // Детская книга в цифровую эпоху: сб. трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 119—125.
6. Викулова Л.Г. Как понять иную систему ценностей: валоризация классики в издательском дискурсе // Филология в контексте коммуникации и современной культуры: материалы Международного филологического конгресса. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2020. Т. 1. С. 142—149.
7. Винокурова Н.В., Мазуренко О.В. Актуальные контексты воспитания ребёнка средствами цифровой педагогики // Мир, открытый детству: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2022. С. 41—45.
8. Зоидзе Э.А. Буктрейлер как жанр издательского дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 1 (49). С. 120—132.
9. Каптерев А.И. Информатизация социокультурного пространства. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 507 с.
10. Колова С.Д., Врублевский А.С. Образовательные и педагогические возможности технологии буктрейлера в литературном образовании школьников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 462—465.
11. Миронова Н.В. ИКТ-технологии как инструмент анализа текста. Методический семинар // Дошкольное воспитание. 2020. № 8. С. 76—83.

12. Москаленко О. Освітній буктрейлер як один із шляхів підвищення читацької активності молоді під час вивчення суспільних дисциплін // *Бібліотека в сучасному інформаційному і соціокультурному середовищі: досягнення, виклики і вектори розвитку: матеріали Всеукр. наук. кон-ї, присвяченої 125-річчю від дня заснув. ПОУНБ імені І.П. Котляревського*. Полтава: ТОВ «АСМІ», 2020. С. 59—63.
13. Новосельцева Н.Л., Сергеева С.В., Степанова Е.Д. Специфика развития читательской компетенции подростков в условиях цифровой образовательной среды // *Детская книга в цифровую эпоху: сб. трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 145—148.
14. Рахматуллина Д.Р. Буктрейлер как форма поликодового текста // *Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: Международная научно-практическая конференция*. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. С. 116—119.
15. Стариков С.А. Педагогические аспекты современного медиаобразования // *XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования»*. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. С. 1212—1219.
16. Фёдоров А.В. Медиаобразование: история и теория: учебное пособие для вузов. М.: МОО «Информация для всех», 2015. 450 с.
17. Щербинина Ю.В. Буктрейлеры в школьной практике преподавания литературы // *Тексты новой природы в образовательном пространстве современной школы: сб. материалов VIII Международной научно-практической конференции «Педагогика текста»*. СПб.: ЛЕМА, 2016. С. 17—20.
18. Щербинина Ю.В. Смотреть нельзя читать. Буктрейлерство как издательская стратегия в современной России // *Вопросы литературы*. 2012. № 3. С. 146—165.
19. Якина Л.Н. Буктрейлер — культурное явление? // *Человек в мире культуры*. 2014. Вып. 1. С. 42—45.
20. Яньшева В.М. Инновационные формы развития культуры чтения в эпоху цифровой трансформации общества // *Детская книга в цифровую эпоху: сб. трудов по материалам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции*. Томск: Изд-во ТГПУ, 2022. С. 163—167.
21. Grøn R. Literary Experience and the Book Trailer as Intermedial Paratext // *SoundEffects — An Interdisciplinary Journal of Sound and Sound Experience*. 2014. Vol. 4 (1). P. 90—107. <https://doi.org/10.7146/se.v4i1.20330>.
22. Varga E. How Does the Internet Influences the Readers' Behavior // *Procedia Manufacturing*. 2020. No. 46. P. 949—956. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.05.013>.
23. Vollans E. Think of It as a Trailer... for a Book // *Publications*. 2016. Vol. 4 (4). No. 32. P. 5—16. <https://doi.org/10.3390/publications4040032>.

Исаков Александр Викторович

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
alexandr_isakov98@vk.com

НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПЬЕСЕ Э. МИЖИТА «КТО ТЫ, СУБЭДЕЙ-БАГАТУР?»*

В статье рассматривается специфика конструирования исторической памяти об эпохе Монгольской империи в пьесе тувинского писателя Э. Мижита «Кто ты, Субэдей-багатур?». Установлено, что в пьесе сконструирован национальный нарратив об эпохе Монгольской империи, в рамках которого средневековые урянхайцы рассматриваются в качестве предков тувинцев, а полководец Чингисхана Субэдей представлен как национальный герой, пошедший на службу к монгольским ханам ради спасения тувинского народа.

Ключевые слова: современная тувинская литература, современная тувинская драматургия, Субэдей, Чингисхан, Монгольская империя

Isakov A.V.

Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies, SB RAS

National-Value Perspective of Historical Memory in the Play by E. Mizhit “Who Are You, Subedei-Bagatur?”

The article examines the specifics of constructing historical memory about the era of the Mongol Empire in the play by the Tuvan writer E. Mizhit “Who Are You, Subedei-Bagatur?”. It is established that the play constructs a national narrative about the era of the Mongol Empire, within which the medieval Uriankhai are considered the ancestors of the Tuvans, and Genghis Khan’s commander Subedei is presented as a national hero who went to serve the Mongol khans to save the Tuvan people.

Keywords: modern Tuvan literature, modern Tuvan dramaturgy, Subedei, Genghis Khan, Mongol Empire

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

В современной культуре тюрко-монгольских народов России важное место заняла историческая память о Монгольской империи, в качестве наследников которой эти народы нередко позиционируются [Мобилизованное Средневековье 2022, с. 377—384]. При этом в каждой национальной культуре эпоха Монгольской империи представлена по-своему, через призму локального взгляда на общее историческое наследие. Так, например, в современной Туве особенную значимость приобрёл образ Субэдея — одного из ближайших полководцев-сподвижников Чингисхана. Субэдей происходил из народа урянхайцев, которых считают предками современных тувинцев. В связи с этим Субэдея рассматривают как тувинского национального героя, что находит отражение и в научном дискурсе, и в художественном творчестве, и в массовом сознании тувинского общества [Ховалыг и др. 2016; Байыр-оол 2017]. Одним из первых обращений тувинской культуры к образу Субэдея стала пьеса Эдуарда Мижита «Кто ты, Субэдей-багатур?» (*Кым сен, Субедей-Маадыр?*), спектакль по которой был поставлен в 1997 г. на сцене Национального музыкально-драматического театра. В этой статье мы рассмотрим особенности конструирования национальной исторической памяти об эпохе Монгольской империи в произведении тувинского писателя.

Пьеса Э. Мижита представляет собой историко-биографическую драму, изображающую жизнь Субэдея на фоне становления империи Чингисхана. Нелинейная композиция, в рамках которой соплагаются эпизоды из разных периодов жизни героя, позволяет автору высветить своё видение этой исторической личности и её роли в истории тувинского народа.

Принадлежность Субэдея к тувинскому народу в пьесе не подвергается сомнению. Герой сам называет себя «урянхай-тувинцем» [Мижит 2020, с. 744, 748, 751, 759]. Тем самым автор выражает идею прямой преемственности между средневековыми урянхайцами и современными тувинцами, обосновывая статус Субэдея как национального героя. Этот персонаж «изображается в ипостаси своеобразного идеального этнофора» [Арзамазов, Должикова 2024, с. 69], который воплощает лучшие черты тувинского национального характера и радеет за благополучие своего народа.

В отличие от традиционных монгольских повествований о Чингисхане, Субэдей в пьесе Э. Мижита выступает в первую очередь не сподвижником Чингисхана, безусловно преданным своему повелителю, а именно предводителем и заступником

урянхайцев-тувинцев. Между Субэдеем и Чингисханом присутствует напряжение, обусловленное различием в интересах монгольского хана и урянхайского народа. Чингисхан с его завоевательными устремлениями предстаёт грозной внешней силой, которая вторгается в жизнь урянхайцев. Тувинский шаман Билди-Хам выражает скептическое отношение к участию урянхайских воинов в походах Чингисхана: «...с какой стати нам, тувинцам, вмешиваться в чужую ссору? <...> Разве это доброе дело — идти в другой народ, в другое государство, держа в руках огонь войны?!» [Мижит 2020, с. 754]. И хотя Субэдей прославился как выдающийся полководец, он сам признаётся, что «устал от крови, от смертей» и «всегда этого не любил» [Мижит 2020, с. 757].

Участие Субэдея в войнах Чингисхана объясняется его стремлением защитить свой народ [Имихелова 2017, с. 37—39]. Его отец Джарчыуудай советует сыну пойти на службу к Чингисхану, чтобы избежать столкновения с ним. По его словам, урянхайцы недостаточно сильны, чтобы противостоять Чингисхану, и Субэдей, став сподвижником Чингиса, сделал бы для народа благое дело: «Если сегодня ты сохранишь свой народ, а не бросишь его в пламя войны, может, завтра этот народ вновь обретёт силу?!» [Мижит 2020, с. 746]. Между Субэдеем и Джарчыуудаем происходит спор, в ходе которого сын сомневается в правоте отца: «...не лучше ли погибнуть в сражении, чем пасть на колени и подставить под шею ярмо?» [Мижит 2020, с. 746]. Но Джарчыуудай убеждает сына, что такой шаг необходим для сохранения народа. Позже отец говорит, что «Субэдей свою судьбу приносит в жертву своему народу» [Мижит 2020, с. 755], потому что, если он откажется помогать Чингисхану, урянхайцы окажутся в немилости у монгольского правителя.

Идея преданности своему народу звучит в песне Джарчыуудая, которая лейтмотивом проходит через действие пьесы:

*Пусть я сам умотаюсь до смерти,
Но пусть мой народ не ослабнет.
Пусть я сам настрадаюсь до смерти,
Но пусть мой народ не исчезнет* [Мижит 2020, с. 747, 755].

В финале Субэдей, находящийся в походе, отправляет на родину сыновей с наказом «отдавать все свои силы на то, чтобы народ урянхай-тыва не бедствовал, не попал в рабство, чтоб высоко держал своё достоинство и волю» [Мижит 2020, с. 759].

Таким образом, на первый план в пьесе выходит идея ценности нации, которой посвятил свою жизнь главный герой. Отметим, что в 1990-е гг., когда была создана пьеса, вопрос о будущем тувинского народа зазвучал с новой остротой, что отразилось в авторском взгляде на исторические события. В том, как Э. Мижит изображает судьбу урянхайцев-тувинцев в эпоху Монгольской империи, можно увидеть обобщённое осмысление исторической судьбы тувинского народа, который на протяжении веков находится в составе больших государств — сначала империи Цин, потом России — и потому постоянно сталкивается с проблемой самосохранения нации. История средневековых урянхайцев в интерпретации автора становится прообразом будущего исторического пути тувинцев, а Субэдей представляется образцовым национальным лидером, который идёт на службу империи не ради собственного тщеславия, а для того, чтобы сохранить свой народ от порабощения и уничтожения.

Можно заключить, что в пьесе Э. Мижита «Кто ты, Субэдей-багатур?» был сконструирован национальный тувинский нарратив об эпохе Монгольской империи, в рамках которого средневековые урянхайцы рассматриваются как предки тувинцев, а полководец Чингисхана Субэдей представлен как тувинский национальный герой. Раскрывая тему самосохранения народа в составе империи, автор имплицитно проводит параллель между судьбой урянхайцев в империи Чингисхана и тувинцев, живших сначала в империи Цин, а потом — в составе России. Утверждается идея ценности нации, за лучшее будущее которой борется главный герой, пошедший на службу к монгольским ханам ради спасения тувинского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамазов А.А., Должикова А.В. Тувинские произведения в антологиях современной литературы народов России: измерения поэзии, прозы, драматургии // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 55—73.
2. Байыр-оол М.С. Имя Субудая в имянаречении тувинцев 1980—2000-х годов // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 154—170.
3. Имixelова С.С. Историческое пространство-время в тувинской и бурятской драматургии (о пьесах «Кто ты, Субэдей-Багатур?» Э. Мижита и «Чингисхан» Б. Гаврилова) // Актуальные проблемы

- алтайской драматургии в XXI веке: к 120-летию Павла Кучияка: Материалы региональной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 9—13 мая 2017 г. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2017. С. 34—43.
4. Мижит Э. Кто ты, Субэдей-багатур? / пер. с тувин. автора и Л. Мижит // Современная литература народов России. Драматургия: антология. М.: Объединённое гуманитарное изд-во, 2020. С. 742—759.
 5. Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. II: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Филюшкина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2022. 560 с.
 6. Ховалыг Н.К.-К., Шой-Сюрюн Т.М., Донгак К.Н. Круглый стол «Урянхаец Субедей — Великий полководец» (г. Кызыл, 4 декабря 2015 г.) // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 232—241.

УДК 821.581: 895.1

Лэй Шуан

Хайнаньский университет
leishuang@yandex.com

Бай Дуншэн

Дальневосточный федеральный
университет
bai.du@students.dvfu.ru

О ДУХОВНОМ СОДЕРЖАНИИ И СОВРЕМЕННОЙ ЦЕННОСТИ СТИХОВ СУ ШИ

В данной статье рассматривается духовное содержание стихов Су Ши и их современная ценность. Они обладают не только уникальным художественным очарованием, но и важным значением для современного общества. Во-первых, оптимистический дух стихов Су Ши предоставляет современным людям методы психологической адаптации, помогая сохранять позитивный настрой перед лицом стрессов и неудач. Во-вторых, синтез идей конфуцианства, буддизма и даосизма служит ориентиром для повышения личного морального и духовного уровня, направляя людей к поиску внутреннего спокойствия и свободы в условиях стремительного темпа жизни. В аспекте культурного наследия поэзия Су Ши, как сокровище китайской традиционной культуры, не только обогащает литературные техники, но и укрепляет культурную уверенность нации. Благодаря углублённому изучению и популяризации поэзии Су Ши мы можем лучше сохранять и развивать китайскую традиционную культуру, а также предоставлять полезные идеи для духовного роста, сохранения культурного наследия и гармоничного развития современного общества.

Ключевые слова: стихи Су Ши, духовное содержание, современная ценность, китайская поэзия

Lei Shuang

Hainan University

Bai Dongpeng

Far Eastern Federal University

On the Spiritual Content and Modern Value of Su Shi's Poetry

This article explores the spiritual content of Su Shi's poetry and its modern value. It not only possesses unique artistic charm but also holds significant importance for modern society. Firstly, the optimistic spirit of Su Shi's poetry provides modern people with methods

for psychological adaptation, helping them maintain a positive mindset in the face of stress and setbacks. Secondly, the synthesis of Confucian, Buddhist, and Taoist ideas in his poetry serves as a guide for enhancing personal morality and spiritual growth, directing people to seek inner peace and freedom amidst the fast pace of modern life. In terms of cultural heritage, Su Shi's poetry, as a treasure of traditional Chinese culture, not only enriches literary techniques but also strengthens national cultural confidence. Through in-depth research and promotion of Su Shi's poetry, we can better preserve and develop traditional Chinese culture while providing valuable insights for the spiritual growth, cultural heritage, and harmonious development of modern society.

Keywords: Su Shi's poetry, spiritual content, modern value, Chinese poetry

Су Ши жил в период бурных перемен в эпоху Северной Сун, его жизнь была насыщена взлётами и падениями на политической арене, он испытал множество волнений и неудач. Его жизненный путь был полон перемен: от бурных событий при дворе до ссылок в отдалённые места, и этот богатый опыт стал неиссякаемым источником его поэтического творчества. Тематика стихов Су Ши обширна, охватывает политическую сатиру, жизненные размышления, описание природных пейзажей и послания друзьям и родственникам. Стиль его произведений разнообразен: от величественного и свободного до нежного и изысканного. Глубокий духовный смысл, заложенный в его поэзии, оказал значительное влияние на развитие литературы и мысли последующих поколений. В современном обществе глубокое изучение духовного содержания и современной ценности стихов Су Ши имеет важное практическое значение для передачи выдающихся традиций китайской культуры и повышения духовного уровня личности.

ДУХОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОЭЗИИ СУ ШИ

Идейная основа синтеза конфуцианства, буддизма и даосизма. Конфуцианство проповедует активное участие в общественной жизни, ставя целью самосовершенствование, управление семьёй, государством и миром. В ранних стихах Су Ши ярко выражена глубокая забота о судьбе страны и сострадание к жизни простого народа. В стихотворении «Сетования крестьянки из Учжуна» он живо описывает тяжёлую жизнь крестьян под гнётом высоких налогов:

*Рис по цене, как шелуха,
А тут грозят налоги.
Берут налоги не зерном,
Берут деньгами.
И вот быка я продала,
Что будет с нами? (перевод Л.Е. Черкасского)
[цит. по: Смирнова 2013, с. 11]*

Эти строки раскрывают социальную реальность и показывают конфуцианскую ответственность Су Ши за благополучие народа [Ван Шуйчжао 2019]. Эта забота о народе — не просто выражение эмоций, а практическое воплощение конфуцианской идеи «гуманный человек любит людей», что отражает его стремление служить всему миру.

Даосизм, почитающий природу, недеяние и свободу, стал духовным пристанищем для Су Ши, когда он столкнулся с трудностями на службе и жизненными невзгодами. Его стихи часто выражают любовь к природе и пейзажам, в которых он ищет душевное спокойствие и свободу. Например, в стихотворении «Линьцзянсянь. На склоне Восточном пил, трезвел, пил почти до утра...» есть строки:

*Уеду отсюда
в маленьком челноке.
Остаток дней
я на реке проведу (перевод Е.В. Витковского)
[Восточный склон 2020, с. 69].*

Они ярко демонстрируют стремление к даосскому идеалу отрешения от мирской суеты и возвращения к природе.

В стихотворении «Вторю стихам Цзы-ю: Посетив обитель в уезде Миньчи, вспоминаю о прошлом» поэт пишет:

*Живёт человек — кто знает, на что уходят его года?
Кажется, лебедь прервал полёт, ступает по кромке льда.
И вот — остались на мокром снегу следы лебединых лап,
А лебедь крылья раскрыл и умчал — попробуй пойми, куда
(перевод Е.В. Витковского) [Светлый источник 1989, с. 156].*

С помощью ярких образов Су Ши представляет изменчивость жизни и вечность природы, воплотив даосскую идею о том, чтобы следовать естественному ходу вещей и не быть обременённым внешними факторами. Су Ши постигал жизненную философию через природу, выражая свои внутренние

чувства через пейзажные зарисовки, а даосская мысль предоставила ему духовную опору, позволяющую преодолевать реальные трудности.

Буддийская возвышенность и отрешённость также глубоко повлияли на Су Ши. Он часто использовал буддийские принципы и дзенские идеи, чтобы развеять жизненные тревоги и страдания, достигая внутреннего спокойствия и духовного освобождения. В стихотворении «Дождь громыкает по листьям — и что вам в нём» он пишет: *«Вернёмся в дом — забудем, что там было — дождь ли, синь ли, ветер»* (перевод С.А. Торопцева) [Три вершины, семь столетий 2016, с. 180], что демонстрирует трансцендентность и безмятежность, отражая спокойствие и уверенность Су Ши перед жизненными взлётами и падениями. Су Ши поддерживал тесные отношения со многими высокопоставленными монахами, и в его стихах часто встречаются буддийско-дзенские образы и аллюзии. Например, в «Стихотворении о лютне»:

*Напрасно говорят, что в лютне
Ей, только ей подвластный звук.
Её закрыв в своем футляре,
Услышать разве можешь ты?
А если музыку считают
Твореньем музыкальных рук,
То усладят ли звуком лютни
К ушам прижатые персты?* (перевод И.С. Голубева)
[Двенадцать поэтов эпохи Сун 2000, с. 146]

Это стихотворение кажется простым, но на самом деле содержит глубокие буддийские истины. С помощью метафоры «звук лютни» Су Ши исследует буддийскую идею «гармоничная встреча порождающего и способствующего». Звук лютни не существует отдельно ни в самом инструменте, ни в пальцах, а является результатом совместного действия лютни, пальцев и исполнителя. Это подобно буддийскому учению о «зависимом возникновении и пустоте», согласно которому все явления возникают в результате взаимозависимости и совместного возникновения и не имеют независимого и неизменного существования. С помощью этой изящной метафоры Су Ши внедряет буддийскую философию в повседневную жизнь, выражая глубокое понимание взаимозависимости и непостоянства всех вещей в мире. Это эфемерное состояние является типичным буддийско-дзенским настроением, часто встречающимся в его стихах.

Американский учёный Ronald C. Egan при оценке синтеза конфуцианства, даосизма и буддизма в мысли Су Ши отметил, что Су Ши объединил эти три учения с уникальной точки зрения литератора; такое объединение не является простым набором, а естественным образом формируется в процессе преодоления жизненных трудностей [Egan 2006]. Китаевед William H. Nienhauser Jr. считает, что синтез конфуцианства, даосизма и буддизма в стихах Су Ши воплощает уникальное очарование сосуществования множественных идей в традиционной китайской культуре [Nienhauser 1986]. Этот синтез не только обогатил личный духовный мир Су Ши, но и продемонстрировал последующим поколениям открытую и инклюзивную сторону традиционной китайской культуры.

Оптимистичное и просветлённое отношение к жизни.

Су Ши на протяжении всей жизни неоднократно отправляли в ссылку, он прошёл множество испытаний, но всегда сохранял широкий, оптимистичный и просветлённый взгляд на жизнь. Во время ссылки в Хуанчжоу он создал такие бессмертные произведения, как «Красная стена», «В Чиби размышляю о древних» и т.д.

В «Красной стене. Оде второй» он, беседуя с гостем, исследует тайны Вселенной и жизни, смотря на краткость жизни и вечность Вселенной широким взглядом: *«Мы здесь, меж небом и землёй, живём какой-то миг один, подёнкой, тлём. Мы — что крупиночка одна, ничтожны в океане вод, седых морей. И плачу я, что жизнь моя есть только миг один. Завидно мне, что долгий Цзян так вечен, без конца! Вот если б ухватить летящего святого и с ним всё реять, реять и блуждать! О, если бы обнять мне светлую луну и в вечность с ней кончину отдалить! Я понимаю, что нельзя всем этим сразу овладеть, и вою бури отдаю свой стон, ушедший от земли»* (перевод наш. — Л.Ш., Б.Д.) [Чжоу Юйкэ 1987, с. 316].

Хотя поэт сожалеет о том, что жизнь человека мала и коротка, он не погружается в пессимизм, а ищет духовную опору в природе и Вселенной, демонстрируя широкий и оптимистический духовный облик. Он возделывал землю на восточном склоне в Хуанчжоу, сам себя называл *Дунпо Цзюйши* («отшельник восточного склона») и даже в трудные периоды находил силы наслаждаться радостями жизни. В стихотворении «Утренники. Морось. Ветерок» он пишет: *«Снежная пена и молочные цветки плавают в чашке полуденного чая; щавель, чертополох и бамбуковые побеги украшают весеннее блюдо»* (перевод наш. — Л.Ш., Б.Д.) [Словарь наслаждения поэзией Тан и Сун 1988, с. 742].

Из простых жизненных ситуаций он умел извлекать «чистую радость» жизни. Такой оптимистичный и позитивный настрой позволял ему даже в трудных обстоятельствах продолжать любить жизнь, а его стихи наполнялись особой выразительностью. Великодушие и оптимизм Су Ши — это не просто черты его характера, но и мудрость, философия, которая помогает преодолевать жизненные трудности.

Stephen Owen отмечает, что широта взглядов и оптимизм Су Ши являются не просто превышением личных обстоятельств, но и духовной силой, обладающей универсальной ценностью [Owen 1996]. Andrew F. Jones считает, что оптимизм Су Ши предоставляет людям духовный пример того, как сохранять себя и вести активный образ жизни в трудных ситуациях, вдохновляя и придавая силы людям в любом культурном контексте [Jones 2001].

Глубокая забота о народе. Где бы Су Ши ни находился, он всегда заботился о народе, обращая внимание на трудности простых людей. Находясь на государственной службе, он активно помогал людям, строил ирригационные системы, снижал налоги. В Сюйчжоу, когда произошёл прорыв дамбы на р. Хуанхэ, Су Ши лично возглавил армию и народ для борьбы с наводнением, он построил временное жилище рядом с дамбой. И в итоге спас город. В Ханчжоу он очистил оз. Сиху, построил дамбу Су, что не только решило проблему наводнений, но и улучшило орошение полей, создав прекрасные условия для жизни людей. Эти действия отражают его практическую заботу о народе.

В своих стихах он также часто показывает жизнь народа, выражая сочувствие и заботу. Помимо «Сетования крестьянки из Учжуна», в стихотворении «Горная деревня» он пишет:

*От мелодии «Шао» забыть
Вкус мясного когда-то могли —
А вот ныне, в течение трёх лун,
Соли вкус не припомним никак!* (перевод И.С. Голубева)
[Ван Шуйчжао 2019, с. 52]

Здесь автор раскрывает тяжёлое бремя, наложенное государственной монополией на соль, и критикует социальные недостатки. Забота Су Ши о народе проявляется не только в сочувствии к его страданиям, но и в активных действиях по решению социальных проблем, что демонстрирует принцип «народ — основа всего».

Британский китаевед Glen Dudbridge отмечает, что озабоченность Су Ши благосостоянием народа отражает благородные

чувства китайской дворянской интеллигенции древних времён. Эта духовная ценность по-прежнему имеет важное значение для современного общества [Dudbridge 1978]. Американский учёный Timothy C. Wong считает, что в современном обществе, как на Востоке, так и на Западе, можно черпать вдохновение из заботы Су Ши о благосостоянии народа, чтобы лучше воплощать гуманистический дух и содействовать справедливости и равенству в социуме [Wong 2018].

СОВРЕМЕННАЯ ЦЕННОСТЬ ПОЭЗИИ СУ ШИ

Повышение личного самосовершенствования. Идейное наследие сочетания конфуцианства, даосизма и буддизма в стихах Су Ши позволит повысить личное моральное самосовершенствование и духовный уровень. Активный дух конфуцианства, направленный на участие в мирских делах, вдохновляет людей на то, чтобы смело брать на себя ответственность в работе и жизни и вносить свой вклад в общество; идея даосизма о естественности и бездеятельности позволяет людям отказаться от прагматизма и стремиться к внутренней свободе и покою; идея буддизма о возвышенности и освобождении помогает людям преодолевать беспокойство и относиться к жизненным приобретениям и потерям с мирным настроением. В условиях быстрого ритма современной жизни люди часто слишком стремятся к материальным выгодам, и их внутренний мир становится беспокойным и нестабильным. Стремление к духовному миру в стихах Су Ши напоминает нам о необходимости уделять внимание внутренним потребностям и сохранять внутренний покой.

Значение для культурного наследия. Стихи Су Ши имеют богатое культурное содержание: стихотворные размеры и ритмы, использование аллюзий, культурные образы и т.д.; являются ценным ресурсом для изучения и передачи традиционной культуры. Благодаря изучению стихов Су Ши больше людей смогут познать глубокую и обширную древнекитайскую культуру и укрепить уверенность в национальной культуре. Стихотворные размеры и ритмы Су Ши строги и изменчивы, он виртуозно использует тонические и ударные звуки, рифмы, антитезы и т.д., предоставляя образец для последующего поэтического творчества. В то же время аллюзии, широко используемые в его стихах, не только обогащают содержание произведений, но и передают исторические и культурные знания.

Одновременно творческий стиль и художественные приёмы поэзии Су Ши оказывают глубокое влияние на литературное творчество последующих поколений. Его дерзновенный словесный стиль открыл новые горизонты в поэзии династии Сун, а его стихи достигли чрезвычайно высокого художественного уровня в использовании языка, создании атмосферы и других аспектах. Изучение творческих приёмов поэзии Су Ши имеет важное значение для современного литературного процесса, способствует развитию литературы. Его поэтический язык свеж и естественен, живописен и образен; в создании атмосферы он умело сочетает чувство, пейзаж и мысль в единое целое, придавая стихам уникальную художественную выразительность.

Содействие гармоничному развитию общества. Внимание, уделяемое в стихах Су Ши народным делам, напоминает о том, что в процессе современного социального развития всегда необходимо придерживаться концепции, ориентированной на народ. При разработке политики правительство должно в полной мере учитывать интересы народных масс, заботиться о благосостоянии народа, уделять особое внимание решению таких проблем, как занятость, образование, здравоохранение, жильё, и содействовать социальной справедливости, равенству и гармоничной стабильности.

Внимание Су Ши к народным делам напоминает нам о том, что цель развития заключается в счастье народа, и только заботясь о народных делах можно достичь долгосрочного мира и стабильности в обществе. Дух позитива, широты взглядов и оптимизма, передаваемый в стихах Су Ши, способствует созданию благоприятной социальной атмосферы. В социальной среде, наполненной позитивной энергией, люди могут более активно относиться к жизни, заботиться друг о друге, помогать друг другу и содействовать гармоничному развитию общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стихи Су Ши имеют богатое духовное содержание, идеологическую основу, объединяющую конфуцианство, даосизм и буддизм, отличаются широким и оптимистичным отношением к жизни, а также глубокой заботой о народных делах, что придаёт его стихам уникальное очарование и ценность. В современном обществе духовное содержание стихов Су Ши играет важную роль в повышении личного культурного уровня, пере-

даче культурного наследия и гармоничном развитии общества. Исследуя духовное содержание и современную ценность поэзии Су Ши, мы не только сможем лучше понять его литературные достижения и идеологию, но и предоставим полезные рекомендации и дадим вдохновение для развития современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Шуйчжао. Биография Су Ши. Тяньцзинь: Изд-во Народной литературы Тяньцзиня, 2019. 402 с. (На кит. яз.)
2. Восточный склон. Китайская поэзия в переводах Е.В. Витковского. М.: Шанс, 2020. 267 с.
3. Двенадцать поэтов эпохи Сун. Печали и радости. М.: Летопись-М, 2000. 495 с.
4. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Правда, 1989. 480 с.
5. Словарь наслаждения поэзией Тан и Сун. Тан, Пять династий, Северная Сун. Шанхай: Шанхайское лексикографическое изд-во, 1988. 1220 с. (На кит. яз.)
6. Смирнова Н.В. Переводы китайской поэзии в университетском курсе «История стран Азии и Африки в Средние века» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 159. С. 7—13.
7. Три вершины, семь столетий. Антология лирики средневекового Китая. М.: Гиперион, 2016. 352 с.
8. Цзэн Цзаочжуан. Критико-биографический очерк о Су Ши. Чэнду: Изд-во Сычуаньской народной литературы, 1981. 322 с. (На кит. яз.)
9. Чжоу Юйкэ. О художественности поэзии Су Ши. Чэнду: Башу Шушэ, 1987. 248 с. (На кит. яз.)
10. Dudbridge G. The Legend of Miao-shan. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1978. 136 с.
11. Egan R. The Problem of Beauty: Aesthetic Thought and Pursuits in Northern Song Dynasty China. Cambridge, MA; London: Harvard University Asia Center, 2006. 405 p.
12. Jones A.F. Yellow Music: Media Culture and Colonial Modernity in the Chinese Jazz Age. [S.l.]: Duke University Press, 2001. 224 p.
13. Nienhauser W.H. Jr. The Indiana Companion to Traditional Chinese Literature. [S.l.]: Indiana University Press, 1986. 1050 p.
14. Owen S. The End of the Chinese “Middle Ages”: Essays in Mid-Tang and 9th Century Chinese Poetry. Stanford: Stanford University Press, 1996. 209 p.
15. Wong T.C. Translating China: A Critical Introduction to Chinese Translation Studies. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2018. 224 p.

Рудникова Елена Викторовна

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
elena.rudnikova@mail.ru

МЕМУАРЫ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Одним из важных источников по истории русского рассеяния являются тексты, созданные самими эмигрантами. Они различаются по форме, объёму, фокусу внимания и т.д. Исходя из содержания, часть их можно отнести к произведениям мемуарного жанра. Характерными чертами таких текстов является наличие автобиографической информации и синхронное описание исторических событий/персоналий. Формы мемуаров: краткие автобиографические записки, «сфокусированные» воспоминания и художественные произведения (рассказ, роман). Сложность их использования в качестве исторического источника заключается в нахождении баланса между объективной и субъективной информацией. В статье представлен опыт привлечения трёх таких текстов. Первый из них создан бывшим революционером А.П. Лисиенко (1890—1974), эмигрировавшим в Новую Зеландию в 1939 г. Два текста были написаны Наташей Темплетон (1935—2024), прибывшей в эту страну в 1951 г. в составе послевоенных беженцев.

Ключевые слова: русские в Новой Зеландии, мемуары, Арсений Лисиенко, Наташа Темплетон

Rudnikova E.V.

Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, FEB RAS

Memoires by Russian Emigrants in New Zealand

One of the important sources on the history of the Russian diaspora are texts created by emigrants themselves. They differ in shape, volume, focus of attention. Based on the content, some of them can be attributed to the works of the memoir genre. The characteristic features of such texts are the presence of autobiographical information and a synchronous description of historical events/characters. Forms of memoirs: short autobiographical notes, “focused” memories and works of fiction (story, novel etc.). The difficulty of using them as a historical source lies in finding a balance between objective and subjective information. The report presents the experience of involving three texts of a memoir nature. The first of them was

created by the former revolutionary A.P. Lissienko (1890—1974), who emigrated to New Zealand in 1939. Two texts were written by Natasha Templeton (1935—2024), who arrived in this country in 1951 year as a post-war refugee from Europe.

Keywords: Russians in New Zealand, memoires, Arseny Lissienko, Natasha Templeton

В глобальном аспекте Новая Зеландия находится на самой крайней периферии русского рассеяния. Несмотря на огромные расстояния между этой страной и Россией, выходцы с российским/советским происхождением появились там уже в середине XIX в. За два прошедших столетия Новая Зеландия приняла представителей всех известных волн российской эмиграции. По сравнению с размерами диаспор в Северной Америке или в Западной Европе, численность новозеландских русских всегда была невелика. Но в избранном дискурсе именно этот фактор предопределяет хорошую обзорность и точный выбор материалов для исследования. Важным источником в изучении истории и культуры зарубежных русских являются воспоминания самих эмигрантов о собственном прошлом и событиях, непосредственными участниками/свидетелями которых они являлись. Такие тексты, как правило, создавались самими эмигрантами. Они различаются по форме, объёму, фокусу внимания и т.д. Исходя из содержания, часть их можно отнести к произведениям мемуарного жанра. В литературной жанровой классификации мемуары (от франц. *mémoires*, от лат. *memoria* — «память») рассматриваются как разновидность документальной литературы. Характерные признаки мемуарных текстов — наличие автобиографической информации с синхронным описанием исторических событий/персоналий и выраженная авторская субъективность. Поэтому необходимо сверять фактические данные из воспоминаний с имеющимися объективными сведениями. В форме мемуаров могут быть изложены не только биографические сведения, но и «сфокусированные» на том или ином событии воспоминания и даже художественные произведения. Большое значение имеет личность мемуаристов: их культурно-образовательный уровень и жизненный опыт.

В среде русских новозеландцев было немало ярких личностей, оставивших воспоминания о своём времени и о себе в самых разных по форме и содержанию текстах. В настоящем исследовании представлен опыт привлечения трёх из них,

созданных двумя авторами, хорошо известными в русской диаспоре Новой Зеландии. Первый принадлежит русскому эмигранту послереволюционной волны, два текста написаны представителем послевоенного периода. Выбор текстов обоснован задачей сравнения позиции избранных авторов по отношению к своему российскому/советскому прошлому. Целью исследования является оценка их значимости как исторических источников.

РУССКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР АРСЕНИЙ ЛИСИЕНКО

В апреле 1939 г. в Новую Зеландию «из охваченного войной Китая» вместе с женой и двумя детьми прибыл на постоянное место жительства «член российского парламента» Арсений Павлович Лисиенко (1890—1974) [Evening Post 1939, p. 5].

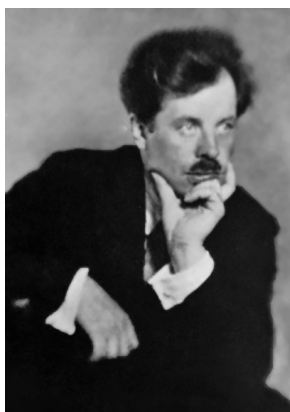

Рис. 1. А.П. Лисиенко (1890—1974).
Фотография 1920-х гг., сделана в г. Харбине
[McGill 1982, p. 62]

За год до своей смерти Лисиенко завершил работу над обширной рукописью, названной им «Биографической справкой». В 1974—1975 гг. «Справка» была передана его детьми в архив по истории славянской эмиграции в Новую Зеландию при русской кафедре Университета Виктории в г. Веллингтоне. Хранителем архива, руководителем русского отделения и одновременно главным редактором журнала *New Zealand Slavonic Journal* в тот период была Ирене Зораб. Именно она в 1998 г. впервые опубликовала в этом журнале «Биографическую справку» Лисиенко на языке оригинала (русский). Там же сделала комментарии к этому тексту на английском языке [Zohrab 1998, p. 257—276]. Незадолго до своей кончины А. Лисиенко отправил копию рукописи и на родину, в архив Центрального Комитета Коммунистической партии СССР (ныне — Госархив РФ). Там же хранятся некоторые другие его произведения, переданные

туда детьми Лисиенко [ГАРФ. Ф. Р-9578. Оп. 1. Д. 1]*. В Советском Союзе рукопись Лисиенко не публиковалась.

Содержание «Справки» А. Лисиенко выходит за рамки простой автобиографии. Причина этого — яркий жизненный путь автора, который принимал активное участие в революционном движении на родине. В 1911 г. был арестован, отправлен в сибирскую ссылку, откуда вскоре сбежал. После чего, как он сам сообщает, «жил, меняя имена, в различных местах Сибири». Работал конторщиком, сотрудником газет, инструктором кооперации и счетоводства. В этот период он жил по поддельным документам с именем, которое осталось и его детям. В реальности же он был выходцем из крестьянской семьи в Тверской губернии и от рождения носил имя Фёдора Семёновича Семёнова [ГАРФ. Ф. 102. Д. 444; Абрамов 2018].

Рукопись изобилует фактическим материалом об активном участии самого Лисиенко в революционных событиях и Гражданской войне. До своего выезда из страны он являлся убеждённым членом левого крыла социалистической партии («эсеры»). Выступал против узурпации власти большевиками и противником красного террора, что в итоге явилось причиной его выезда из страны. Советские власти считали его политэмигрантом, что, впрочем, не мешало рабочим контактам Лисиенко с новой властью и в эмиграции. В «Справке» описывается общественно-политическая деятельность автора в период его пребывания в китайском Харбине (1921—1935), куда он выехал после своего неосторожного выступления в качестве делегата на Учредительном собрании ДВР (1921), опасаясь преследований. Выступление было направлено против жестокостей Чрезвычайной Комиссии, но было основано на недостоверных сведениях, что вызвало негативную реакцию у многих участников собрания [Баринов 2021]. В Харбине Лисиенко работал «столярным подмастерьем, бухгалтером частных предприятий, секретарём и сотрудником рабочей газеты „Трибуна“, работал во многих советских учреждениях в зоне КВЖД» [Лисиенко 1998, с. 265]. Большой интерес представляют сделанные им описания повседневной жизни русских харбинцев и настроений в городе после 1927 г., когда на КВЖД начались провокации против совслужащих с последующими захватом Управления зоной отчуждения китайцами, а далее — с началом японской оккупации [Лисиенко 1998, с. 265—267].

* Тексты рассказов и очерков: «Весёлый человек» и «Дыхание родины (записки военных лет)», «О втором фронте», «Почему не был открыт Второй фронт» и др., написанные А.П. Лисиенко в 1931—1954 гг., рукописи стихотворений за 1922—1957 гг.

В Новой Зеландии, особенно в годы Второй мировой войны, Лисиенко вместе с дочерью принимал самое активное участие во всех акциях поддержки СССР. В рукописи присутствует подробное описание общественно-политической атмосферы в стране в военный период, характеризуются результаты совместной деятельности Лисиенко и его дочери, направленные на становление связей с СССР и организацию сбора помощи советскому народу [Лисиенко 1998, с. 272—275; «Miss Inna Lissienko» 1942, р. 6; Kitchin 2007, р. 7]. На протяжении всей жизни Лисиенко старался не прерывать связей с родиной, в том числе не менял своё советское гражданство, хотя после 1921 г. на родине ни разу не был.

СЕМЕЙНЫЕ САГИ НАТАШИ ТЕМПЛЕТОН

В 1994 г. в Лондоне был опубликован роман «Жар-птица», сделавший знаменитым его автора — русскую эмигрантку из Новой Зеландии Наташу Темплетон (1935—2024) [Templeton 1994]. Роман стал первым произведением из задуманной трилогии, целью которой было описание семейной истории автора на фоне событий своего времени. По форме роман является произведением художественной литературы, по содержанию — ярким образцом мемуарного жанра. Роман был хорошо воспринят читателями. Через год состоялось его второе издание уже в Новой Зеландии [Templeton 1995]. Вторая часть трилогии под названием «Зима в Летнем саду» была опубликована в новозеландском Окленде в 1999 г. [Templeton 1999]. Заново переиздана там же в 2011 г. [Templeton 2011]. Третья часть семейной саги закончена не была — в связи со смертью автора в 2024 г.

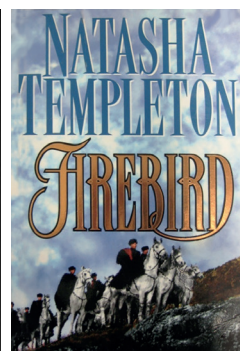
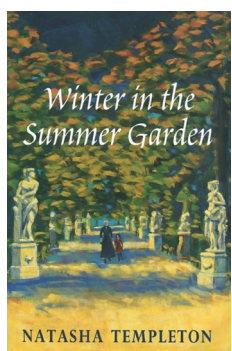

Рис. 2. Обложка романа Н. Темплетон «Зима в Летнем саду»

Рис. 3. Наташа Темплетон, 1999 г. Фото Г. О'Брайен [Smith 1999, р. 75]

Рис. 4. Обложка романа Н. Темплетон «Жар-птица»

Ко времени выхода первого романа Темплетон прожила в Новой Зеландии большую и насыщенную жизнь. В страну она прибыла в подростковом возрасте как член семьи вместе с матерью, сестрой и отчимом. Морской транспорт «Гойя», на котором семья въехала в страну в 1951 г., сделал три прямых рейса из Европы с пассажирами из состава беженцев из послевоенных лагерей.

Н. Темплетон была уроженкой советского г. Пятигорска и ранее носила имя Натальи Евгеньевны Никитиной. Происходила из семьи советских служащих, учёных: отец Евгений Евгеньевич Никитин был биологом-почвоведом, мать Валентина Николаевна Никитина — экономистом. Имела старшую сестру Ирину. События раннего детства оказали травмирующее и неизгладимое впечатление на юную Наташу. Оба её родителя — один за другим — были репрессированы. Сёстры попали в детский дом для детей «врагов народа». Отец погиб в лагере. Мать была освобождена после ходатайства Н.К. Крупской, вдовы Ленина, которой Нина — двоюродная сестра дочерей Никитиных — написала отчаянное письмо. До освобождения матери сестёр забрали родители Нины, проживавшие в Ленинграде [Boyack 2024].

Образ этого города предвоенного времени навсегда закрепился в памяти Н. Темплетон. Восхищение его красотой она пронесла через десятилетия своей жизни, как и то, что сёстрам пришлось пережить при выезде из блокады. Их направили к матери, которая после освобождения ожидала их уже в Пятигорске, вскоре попавшем под немецкую оккупацию. При отступлении немцев в 1943 г. остаётся неясным — семья бежала самостоятельно или была вывезена из города. Так или иначе, два года они прожили в Германии. После окончания войны мать с дочерьми проживала уже в лагере для русских беженцев в Баварии. Там, по воспоминаниям самой Темплетон, семья оказалась в атмосфере дореволюционной и антикоммунистической России, созданной белоэмигрантами. Там были свои школы и церкви, общественные, спортивные и творческие объединения. В том числе Темплетон позже вспоминала большую библиотеку некоего великого князя, где 10-летней Наталье на всю жизнь привили любовь к русской литературе и культуре [Boyack 2024; McGill 1982, p. 75].

После прибытия в столичный Веллингтон Темплетон училась в городском колледже для девочек, далее — в Университете Виктории, где защитила диплом бакалавра по английскому и французскому языкам. Позже училась в Лондоне в Академии музыки и драмы. Примерно в этот период произошло её знакомство с будущим мужем — начинающим дипломатом,

а впоследствии членом новозеландского парламента Хагом Темплетоном. В статусе жены дипломата и политического деятеля следовала за мужем, воспитывала двух детей, работала учителем английского языка и драмы. Во время одной из длительных командировок мужа в ООН (г. Нью-Йорк, США) обучалась и получила степень магистра по русскому языку и литературе в Колумбийском университете. После выхода в отставку мужа (1929 г.р.) занялась созданием романов. Опыт писательства у неё уже был; ранее Темплетон активно публиковалась в некоторых новозеландских журналах [Boуаск 2024].

Через оба её романа сквозной нитью проходит травмирующий опыт детства. В «Жар-птице» внимание автора — обозначившего себя в трилогии под именем Надежда — сфокусировано на военном времени и особенно на периоде её пребывания в европейском лагере для беженцев. Тем не менее фокусным сюжетом первого романа Темплетон избрала так называемую трагедию в австрийском Лиенце, связанную с историей жесточайшей репатриации в СССР 50-тысячной армии казаков, покинувших Россию после Гражданской войны вместе с их семьями. Неясно, была она непосредственным свидетелем этих событий или сюжет был введён ею в роман под впечатлением рассказов участника этой трагедии — новозеландского генерала Стефена Уэйра, командующего 46-й британской пехотной дивизией, стоявшей с конца 1944 г. как раз в Австрии [Harper 2000, p. 598]. В романе он выведен под вымышленным именем как генерал Морт Стирлинг. После замужества Темплетон Уэйр был другом их семьи. По сюжету маленькой Надежде удалось сбежать из лагеря казаков во время репатриации, но она, спрятавшись, наблюдала весь ужас происходящего. Позже, сама того не зная, Надежда выйдет замуж за сына именно того генерала, который руководил операцией в Лиенце с британской стороны [Templeton 1994; Templeton 1995].

После выхода романа новозеландская аудитория была просто шокирована. Надо отметить, что ко времени публикации «Жар-птицы» факт насильственной репатриации русских казаков и членов их семей ещё не был широко известен даже на Западе. И связано это было с тем, что именно британцы совершили этот акт, вероломно нарушив свои же заверения в том, что белоэмигранты после окончания войны репатриации в СССР не подлежат. С чем по итогам Ялтинской конференции 1945 г. был вынужден согласиться даже Сталин.

В романах Темплетон художественными средствами отображают воспоминания автора не только о политической истории Новой Зеландии, но и даётся описание жестокости войны

со всех сторон глазами ребёнка, в том числе и со стороны Красной Армии. Роман «Зима в Летнем саду», в отличие от «Жар-птицы», является уже глубоко автобиографическим произведением. Он полностью основан на детских воспоминаниях автора о жизни в сталинской России, войне, голоде и беженстве. История семьи Шубиных является калькой с истории русской ветви собственной семьи Темплетон. Детские воспоминания перемежаются экскурсами как в прошлое, так и в настоящее. Перед читателем проходит история трёх поколений семьи Шубиных на фоне социально-политических реалий своего времени. Автор смотрит на события прошлого уже с позиции повзрослевшего человека. Главная героиня Надежда, как и Темплетон в 1991 г., приезжает в город своего детства Ленинград-Петербург после распада Советского Союза. Целью поездки, как и в реальной жизни автора романа, является изучение наследия поэта Анны Ахматовой (1888—1966), которой посвящён роман. Женское «лицо» романа позже сама Темплетон объясняла тем, что Россия в 1930-е гг. и в период войны имела облик очень «женской страны»: мужчины или были репрессированы, или призваны в действующую армию.

Книга была с большим интересом встречена в Новой Зеландии. Вместе с тем зарубежные критики увидели там не столько точную документацию эпохи с помощью художественного слова, сколько литературное мастерство автора. Подчёркивалось, что роман является неким «микстом Достоевского и Толстого с новозеландской чувствительностью» [Boyack 2024; Smith 1999, p. 75]. Поэтому оценить романы-свидетельства Темплетон по их исторической составляющей может только заинтересованная аудитория, в первую очередь — российская. Но в России ни романы Н. Темплетон, ни воспоминания А.П. Лисиенко читателям пока не известны.

Достаточно очевидно, что рассмотренные в настоящем исследовании тексты двух русских эмигрантов в Новой Зеландии при всех различиях по форме и содержанию носят выраженный автобиографический характер. Изложение событий личной жизни на широком историческом фоне позволяет с уверенностью относить их к произведениям мемуарного жанра. Несмотря на то, что все они были написаны через десятилетия после выезда авторов из России и через призму пережитого за эти годы, они представляют большой интерес как источник по истории не только русского присутствия в Новой Зеландии, но и по отдельным сюжетам отечественной истории. Принадлежность авторов к разным волнам эмиграции даёт возможность понимания исторического процесса с разных позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов О.К. Арсений Павлович Лисиенко, он же Семён Федорович Семёнов // Товики. Томск, 2018. 2 октября. URL: towiki.ru: Арсений Павлович Лисиенко (дата обращения: 15.04.2025).
2. Баринов А. «Герой» первого инцидента // Забайкальский рабочий. 21.03.2021. URL: <https://zabrab75.ru/articles/obshhestvo/geroj-pervogo-incidenta/> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Лисиенко А. Биографическая справка // Zohrab I. A Russian Revolutionary in New Zealand. New Zealand Slavonic Journal. 1998. P. 262—275.
4. Boyack N. Natasha Templeton. Writer Fled Stalin, Was Happy to Spar with Muldoon // Dominion Post Newspaper (Wellington, New Zealand). September 28, 2024.
5. Evening Post Newspaper. April 17, 1939.
6. Harper G. Weir, Major General Sir Stephen Cyril Ettrick // The Oxford Companion to New Zealand Military History. Auckland, New Zealand: Oxford University Press, 2000. P. 598.
7. Kitchin P. Son of Refugees Supported Closer Ties with Soviet Union // Dominion Post Newspaper. August 9, 2007. P. 7.
8. McGill D. The Other New Zealanders. Wellington, New Zealand: Malinson Rendell, 1982. 160 p.
9. «Miss Inna Lissienko» // Evening Post Newspaper. July 24, 1942. P. 6.
10. Smith Ch. Painful Memories of Russia Inspire NZ Writes's Work // Otago Daily Times Newspaper. October 7, 1999. P. 75.
11. Templeton N. Firebird. Auckland, N.Z.: Coronet Books, 1994. 519 p.
12. Templeton N. Firebird. London: Hodder & Stoughton, 1995. 519 p.
13. Templeton N. Winter in the Summer Garden. Auckland, N.Z.: Vintage, 1999. 320 p.
14. Templeton N. Winter in the Summer Garden. Auckland, N.Z.: Penguin Random House New Zealand Limited, 2011. 320 p.
15. Zohrab I. A Russian Revolutionary in New Zealand // New Zealand Slavonic Journal. 1998. P. 257—276.
16. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).

Уайсбаева Алина Геннадьевна

Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилёва
Alina.uaisbayeva@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ СЕМЬИ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Данная статья посвящена анализу гендерных ролей в браке, отражённых в произведениях античной литературы. Особое внимание уделяется эпическим поэмам Гомера, дидактическим произведениям Гесиода, трагедиям Софокла и Еврипида, а также комедиям Аристофана. Методы исследования включают сравнительно-исторический, текстуальный и аксиологический анализ, что позволяет выделить семейные ценности, отражённые в эпосах и трагедиях античных авторов. В исследовании рассматриваются женские и мужские образы, их роли и функции в семье, а также изменения в восприятии гендерных ролей под влиянием исторических и культурных факторов, что демонстрирует трансформацию античного социума начиная от традиционных патриархальных ценностей до критики данных норм.

Ключевые слова: система персонажей, феминный тип, маскулинный тип, гендерный стереотип

Uaisbayeva A.G.

L.N. Gumilyov Eurasian
National University

Gender Roles of the Family in Ancient Literature

This article is dedicated to the analysis of gender roles within marriage as depicted in works of ancient literature. Special attention is given to the epic poems of Homer, the didactic works of Hesiod, the tragedies of Sophocles and Euripides, as well as the comedies of Aristophanes. The research methods include comparative-historical, textual, and axiological analysis, focusing on family values reflected in the epics and tragedies of ancient authors. The study examines both female and male characters, their roles and functions within the family, and the shifts in the perception of gender roles influenced by historical and cultural factors, illustrating the transformation of ancient society from traditional patriarchal values to the critique of these norms.

Keywords: character system, feminine type, masculine type, gender stereotype

Литература на протяжении веков играла важную роль в отражении и осмыслении социальных и общественных вопросов. Художественные произведения, начиная с античных времён и заканчивая современностью, не только изображают окружающую действительность, но и предлагают критический взгляд на общественные явления. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что одним из ключевых аспектов, нашедших широкое распространение в различных формах литературного творчества, является вопрос гендерных ролей в социуме, в частности в браке.

Самые ранние художественные тексты, дошедшие до нас со времён античности, представляют собой важный источник для изучения гендерных ролей в древних обществах. В произведениях античных авторов, таких как Гомер, Гесиод, Софокл, Еврипид и Аристофан, отображены социальные нормы и ожидания, касающиеся гендерных ролей в браке. Анализ этих текстов позволяет понять, как античные общества воспринимали и регулировали отношения между мужчинами и женщинами в контексте брака, а также как эти роли эволюционировали под влиянием исторических и культурных изменений.

Эпическая поэзия, в частности «Илиада» и «Одиссея» Гомера, предоставляет богатый материал для анализа гендерных ролей в браке. В «Илиаде» мужские персонажи, такие как Гектор и Ахиллес, воплощают идеалы мужественности, включающие воинскую доблесть и защиту семьи. В «Илиаде» Гектора, одного из главных героев, автор описывает как образцового мужа и воина. Его привязанность к жене Андромахе демонстрирует ответственность персонажа как главы семьи. Он не может допустить мысли о том, чтобы оставить Родину в опасности, ведь тогда его близкие люди могут пострадать. В сцене прощания с Андромахой (Илиада, VI) Гектор выражает свою обеспокоенность за будущее родной страны, предвидя возможную трагедию, что подчёркивает его роль защитника:

*Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя [Гомер 1960, с. 110].*

В «Одиссее» главный герой проводит десять лет в сражениях, и ещё десять лет — пытаюсь вернуться домой к своей жене Пенелопе и сыну Телемаху. Его желание воссоединиться с семьёй, несмотря на все трудности и испытания, подчёркивает важность мужской роли в поддержании благополучия

и стабильности семьи. Одиссей не только защищает свою семью, но и обеспечивает её спокойное будущее, что, как и в случае с Гектором, является отражением идеала мужской ответственности как семьянина и воина.

Женщины в эпической поэзии античности часто изображаются как верные жёны и хранительницы домашнего очага. Пенелопа из «Одиссеи» — яркий пример такой роли. Она хранит верность Одиссею на протяжении его двадцатилетнего отсутствия, несмотря на давление многочисленных женихов. Её умение управлять домом и сохранять семейное благополучие свидетельствует о её мудрости и преданности.

Женские персонажи также выступают в роли матерей. Они играют ключевую роль в воспитании детей и передаче им культурных и нравственных ценностей. Андромаха из «Илиады» заботится о будущем своего сына Астианакса, выражая надежду на то, что он станет достойным наследником своего отца. Женщины в произведениях Гомера часто изображаются как эмоционально сильные и способные справляться с потерями и трудностями, что подчёркивает их важность в семейной и социальной структуре.

В произведениях Гомера отношения между мужем и женой часто представляются как партнёрство, основанное на любви и взаимном уважении. И в «Одиссее», и в «Илиаде» отношения рассматриваемых нами героев и их жён отличаются глубокой эмоциональной связью и взаимной поддержкой, демонстрируя значимость партнёрских отношений в античной культуре.

Исследователь Ю.В. Андреев высоко ценит роль семьи и её мироустройства в аксиологической картине мира античного автора: «Как было уже показано на примере Трои, патриархальная семья — ойкаос — является основной структурной ячейкой гомеровского общества и своеобразным центром того микрокосма, в котором протекает повседневная жизнь героев поэм» [Андреев 1976, с. 74].

Несмотря на идеализированные образы, в эпической поэзии также отражаются и конфликтные ситуации в браке. В «Одиссее» присутствует эпизод, когда Пенелопа ставит под сомнение личность Одиссея, что подчёркивает её подозрительность и осторожность:

*В свете жены не найдётся, способной с такою нелаской,
Так недоверчиво встретить супруга, который, по многих
Бедствиях, к ней через двадцать отсутствия лет возвратился*
[Гомер 1935, с. 424].

Этот момент подчёркивает сложности, с которыми сталкиваются супруги, особенно в условиях долгой разлуки и неопределённости, что отражает важную тему проблем взаимоотношений в семье.

Гесиод в своих дидактических поэмах «Труды и дни» и «Теогония» также затрагивает тему гендерных ролей в браке. В «Трудах и днях» автор описывает идеальную жену как верную, экономную и трудолюбивую, подчёркивая её роль в управлении домом и заботе о семье. Гесиод предупреждает мужчин о том, что неправильный выбор жены может привести к бедности и несчастью, что свидетельствует о важности брака в социально-экономическом контексте. В качестве гендерных ролей для мужских персонажей Гесиод выделяет роль мужчины как кормильца и основного работника в семье. Мужчина ответственен за обеспечение семьи пищей и ресурсами: он должен тяжело трудиться в поле и управлять хозяйством. Гесиод подробно описывает сельскохозяйственные работы, которые должны выполняться в определённое время года, подчёркивая, что успех и благополучие семьи зависят от трудолюбия и упорства мужчины. Помимо роли кормильца, мужчина также выступает в роли защитника семьи. Гесиод даёт советы по управлению хозяйством и финансовыми делами, акцентируя внимание на необходимости принимать мудрые и взвешенные решения, так как именно мужчина несёт ответственность за последствия возможных опасностей и трудностей, таких как засуха или воровство.

Трагедии Софокла и Еврипида предлагают более сложное, драматическое изображение гендерных ролей в браке. В произведении Софокла «Антигона» поднимаются вопросы власти и подчинения, где главная героиня противостоит царскому указу, стремясь исполнить свой долг перед погибшим братом. Её решимость и преданность семье демонстрируют важность женской роли в сохранении моральных и религиозных ценностей. Антигона готова пойти на смерть ради своих любимых людей и собственных убеждений, что даёт нам возможность судить о её силе духа. Данный женский образ интересен тем, что сочетает в себе черты как феминности, так и маскулинности, что совершенно не характерно для строгой иерархичной античности. Об этой характерологической особенности героини говорят и многие зарубежные исследователи: «Antigone owns some masculine principles. She expresses her thoughts through a set of stereotypes that represent female and male characteristics» [Rabhi 2021, p. 23].

Автор изображает Антигону как персонажа, ломающего стереотипные представления о женской роли в социуме, посредством антитезного изображения её с Исменой, которая, напротив, является идеалом и воплощением женственности в понимании древних греков. Элеонора Сотериу продемонстрировала это противопоставление при помощи лексических элементов, а именно слов и выражений, которые характеризуют двух сестёр как личностей: «Antigone conveys masculine characteristics through the lexical field of war. In her opening speech she describes the injustice of leaving her brother unburied using military allusions in the phrase “the doom reserved for enemies/ marches on the ones we love”. This presents her stance of battle and aggression that is kept throughout the play as she carries out her plan to honour her brother Polynices with funeral rites equal to those of Eteocles. She also portrays herself as willing to die a man’s death which in antiquity meant to die in war: “even if I die in the act, that death will be a glory” <...> In the play, Antigone’s sister symbolises the paragon of a woman in the ancient world in her submission towards authority as well as her obedience towards the boundaries in which her gender is confined in set by the patriarchy: “Remember we are women”, “we must submit in this”, “I must obey/ the ones who stand in power”. Ismene’s words here serve to juxtapose Antigone’s masculine energy with the docility expected of women at the time» [Soteriou 2021].

Софокл — первый драматург, который заговорил о важности женских прав, повышая их статус в социокультурном пространстве, о чём говорит его драма «Электра», где главным действующим лицом является женский персонаж, соответственно, все переживания, мысли и идеи мы видим именно с её позиции. Софокл изображает женщин как жертв обстоятельств и патриархальных норм, которые ограничивают их свободу и возможности. В «Электре» главная героиня страдает от тирании своей матери Клитемнестры и её любовника Эгиста после убийства своего отца Агамемнона. Электра воплощает образ женщины, вынужденной жить в условиях несправедливости и жестокости, но не теряющей надежды на возмездие и восстановление справедливости. Её преданность брату Оресту и желание отомстить за смерть отца подчёркивают её стойкость и непримиримость. Исследователь Ю.С. Обидина сравнивает два схожих по тематико-идейному содержанию произведения Софокла и Эсхила: «Он (сюжет) обыгран одновременно в „Электре“ Софокла и в эсхилловых „Хоэфорах“. И если у Эсхила главным действующим лицом является сын, то у Софокла это главное действующее лицо — дочь. Именно дочь постоянно находится

в центре событий, при этом вмешательство божества ничего не меняет и практически не играет никакой роли в развитии драмы. И именно словами женщины выражает Софокл те добродетели и ту гражданскую позицию, которые мужчины оказываются не в состоянии не только претворить в жизнь, но даже озвучить» [Обидина 2014, с. 152].

Еврипид, продолжая тенденцию Софокла отражать проблемы патриархального общества, известен своей критикой патриархальных норм и традиционных гендерных ролей. В его произведениях женщины часто выступают против несправедливости и ограничений, наложенных на них обществом. Медея, Федра, Гекуба, Поликсена, Андромеда, Агава, Кассандра, Макария, Елена, Евгения, Электра представлены нам в его трагедиях вполне образно и зримо. Причём женские образы Еврипида превосходят мужские глубиной чувств и силой воли. Даже рабыни в его драмах наделены человеческими чертами, имеют характеры, проявляют чувства, что ранее было уделом лишь свободных граждан [Обидина 2014, с. 152].

В своих пьесах, таких как «Медея» и «Алкеста», автор исследует более мрачные аспекты брачных отношений и связанных с ними гендерных ролей. В «Медее» главная героиня, покинутая своим мужем Ясоном, совершает ужасные преступления, включая убийство своих детей, чтобы отомстить за предательство. Этот образ подчёркивает уязвимость женщин в патриархальном обществе и их ограниченные возможности для справедливого разрешения конфликтов. Однако также трагик изображает Медею как сильную и независимую личность, способную противостоять несправедливости и бороться за свои права, выйдя за рамки традиционных женских ролей и бросить вызов старым устоям, не дав себя в обиду. Она, как и её предшественница Антигона, сочетает в себе несколько противоположных черт: «Она одновременно является и женщиной-жертвой, и женщиной-мстительницей» [Брагова, Кузнецова 2022]. Образ Медеи, по мнению исследователей, также сочетает в себе маскулинность и фемининность. Последнюю она теряет, совершая детоубийство, т.е. буквально собственноручно уничтожая свою роль матери и всё мягкое, доброе, милосердное, всепрощающее, что присуще женщинам того времени. Ясон же предстаёт как человек, предавший свою жену ради политически выгодного брака; он принимает решение, которое приводит к трагическим последствиям для всей семьи. Его действия показывают, как личные амбиции и тщеславные мотивы могут разрушить семейные узы и привести к катастрофическим последствиям.

Ещё одним ярким женским образом в произведениях Еврипида является Алкеста из одноимённой пьесы, которая изображается как верная жена и мать, чья жизнь сосредоточена вокруг семьи и заботы о детях. Она добровольно соглашается умереть вместо своего мужа Адмета, показывая высшую степень преданности и самопожертвования. Её действия иллюстрируют идеал верной и самоотверженной жены, готовой пожертвовать собой ради благополучия семьи. Исследователи отмечают, что образ Алкесты более ярко проявляется на фоне трусости и низости её супруга, так как именно мужчина по античным представлениям является образцом доблести и защитником своей семьи.

Аристофан, великий комедиограф древности, в своих произведениях также затрагивает гендерные роли в браке, используя комические приёмы для критики социальных норм. В комедии «Лисистрата» женщины, уставшие от бесконечных войн, устраивают сексуальную забастовку, отказываясь выполнять супружеские обязанности, пока мужчины не заключат мир. Эта пьеса демонстрирует силу и решимость женщин, подчёркивая их способность влиять на общественные процессы даже в условиях патриархального строя, а мужчин, наоборот, изображает как зависимых и уязвимых. Такая картина переворачивает традиционные гендерные роли. Мужские персонажи в данном произведении показаны как воины и защитники города, но их отсутствие дома из-за войны приводит к конфликтам и напряжённости в браке. Мужчины в пьесах Аристофана должны балансировать между своими обязанностями перед государством и семьёй.

Аристофан использует комические и сатирические элементы, чтобы высмеять и раскритиковать гендерные роли и брачные отношения. В «Женщинах в народном собрании» женщины захватывают власть и вводят коммунизм. Тем самым автор подчёркивает их важность и значимость в семейной и общественной жизни. Феминные персонажи изображаются как умные, решительные и способные управлять не только домом, но и государственными делами. Сатира Аристофана демонстрирует нелепость и иррациональность некоторых социальных норм и ожиданий, связанных с гендерными ролями в браке.

Таким образом, античная литература претерпевала изменения, что прослеживается в сравнении произведений Гомера и Софокла, где первый придерживался патриархальных взглядов на гендерные роли в семье, тогда как трагик один из первых затронул тему женских прав в античной Греции, которую подхватили и развили Еврипид и Аристофан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 141 с.
2. Брагова А.М., Кузнецова А.В. К сущности образа Медеи в одноимённой трагедии Еврипида // *Studia Humanitatis*. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-suschnosti-obraza-medei-v-odnoimennoy-tragedii-evripida/viewer> (дата обращения: 22.08.2024).
3. Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. 436 с.
4. Гомер. Одиссея / пер. В.И. Жуковского. М.-Л.: Academia, 1935. 551 с.
5. Обидина Ю.С. Специфика гендерных ролей в античном полисе: роль греческой драмы в становлении женской идентичности // *Вестник Марийского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2014. № 1 (13). С. 150—153.
6. Rabhi S. The Portrayal of Women in Sophocles's *Antigone*. Gender Performativity // Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Master's Degree in English. Mouloud Mammeri University of Tizi-Ouzou, 2021. 53 p.
7. Soteriou E. The Representation of Masculinity and Its Ability to Liberate Women in "Antigone" by Sophocles and "Agamemnon" by Aeschylus // *The Edinburgh Student Literary Journal*. July, 2021. URL: <https://www.eslj.co.uk/post/masculinity-and-its-ability-to-liberate-women-in-sophocles-antigone-and-aeschylus-agamemnon> (дата обращения: 22.08.2024).

ФОЛЬКЛОР КАК СОКРОВИЩНИЦА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 39

Досмурзинов Рустем Куандыкулы

Евразийский национальный университет

им. Л.Н. Гумилёва,

Институт истории государства КН МНВО

Республики Казахстан

rustem.dosmurzinov@mail.ru

«ЖИДЕЛІ БАЙСЫН» — БЛАГОДАТНАЯ ЗЕМЛЯ В КАЗАХСКОЙ МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

В статье приводятся описания благодатной земли в представлениях казахов. «Жиделі Байсын» — концепт традиционного мировоззрения казахов, означающий плодородную землю, близкий по смыслу к концепту священно-книжной традиции — Земли обетованной. Для раскрытия этого термина были использованы редкие устные легенды и предания.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, ценности, казахская мифология, «Жиделі Байсын»

Dosmurzinov R.K.

L.N. Gumilyov Eurasian National University,

Research Institute “State History” of Committee

of Science and Higher Education of Republic

of Kazakhstan

Bless Land of “Zhideli Baisyn” in Kazakh Mythology and Folklore

The article provides descriptions of the fertile land in the representations of Kazakhs. “Zhideli Baisyn” is a concept of the traditional worldview of Kazakhs, meaning a fertile land; close in meaning to the categories of sacred-book tradition — the Promised Land. To reveal this term, we used rare oral legends and stories.

Keywords: traditional world views, values, Kazakh mythology, “Zhideli Baisyn”

Мифы и предания любого народа отражают особое мировоззрение, психотип и внутреннее состояние его представителей. Важное место в мифологии и фольклоре составляют нарративы, содержащие представления об идеалах — человеке, любви и ненависти, счастье и несчастье. В основе подобных воззрений лежат ценности идеальной жизни.

До настоящего времени сохранились слова святого (аулие) Кокекея (настоящее имя — Бухар жырау): «...Дойдите до Жиделы Байсына, там люди живут до ста лет, не умирая. И овцы размножаются в два раза больше, лишь дойдёте вы туда!» [Артыкбаев 2015, с. 441]. В повествованиях об известном казахском поэте и народном сказителе (жырау) Бухар Калкаманулы можно найти следующие сведения: «Туған жерің Жиделі Байсын екен, Елібай деп атаған Бұқар маңы» («Малая Родина твоя — Жидели Байсын, окрестности земли Бухар, прозванной издавна Елибаем») [Омари 2008, с. 18].

Когда-то казахский батыр по имени Олжабай (1709—1785) сказал о Жидели Байсын: «...Эту землю описал в своих рапсодиях Асан кайгы. После него Казтуган, Орак-Мамай, Телагыс, Тама Шора батыр, Аз Едиге из Младшего жуза, которые ушли туда. Давайте, молодёжь, переселимся в те края. Три года надо держать коров без быка, верблюдиц без бура (самцов), лошадей без жеребца и тогда мы дойдём до тех мест. Те люди, которые ушли туда, стали „Ауған елі“ от слова „ауған“, т.е. переселившиеся. Выросли там и стали страной „Ауған елі“ (вероятно, Афганистан. — Р.Д.)» [Артыкбаев 2015, с. 441].

Обращаясь к вопросу о значении концепта «Жиделі Байсын», можно отметить, что, исходя из вышеприведенного контекста, термин «Жиделі Байсын» означает плодородную, плодоносную землю («жиделі», в казахском языке «жидек» — ягоды), край («байсын» — богатый), целину («virgin lands»).

Таким образом, понятие «Жиделі Байсын» важно для понимания казахской духовной культуры. Вопрос о его локализации выступает предметом для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артыкбаев Ж.О. Казахское шежире: источник и концепция истории великой степи. Астана: Алтын Кітап, 2015. 496 с.
2. Омари Ж. Бұқар жырау. Ғұмырнама. Астана: Фолиант, 2008. 360 б.

Зарецкая Светлана Александровна

Тамканский университет

river_30@yahoo.com

**РУССКИЕ КУМУЛЯТИВНЫЕ СКАЗКИ
КАК ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВКИ СКАЗКИ
«РЕПКА» НА ФАКУЛЬТЕТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
ТАМКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

В статье рассматривается отражение народных ценностей в сказке, описывается опыт постановки русской народной сказки «Репка» с тайваньскими студентами на факультете русского языка Тамканского университета.

Ключевые слова: русские кумулятивные сказки, народные ценности, мораль, Тайвань

Zaretskaya S.A.

Tamkang University

**Russian Cumulative Fairy Tales as a Reflection
of Folk Values (Based on the Production
of the Fairy Tale “The Turnip” at the Russian Department
at Tamkang University)**

The article examines how folk values are reflected in a fairy tale. It also describes the experience of staging the Russian folk tale “The Turnip” with Taiwanese students at the Russian Language Department of Tamkang University.

Keywords: Russian cumulative fairy tales, folk values, morality, Taiwan

Фольклор является важнейшей частью культурного наследия любого народа. В нём заключены вековые традиции, мудрость предков, обычаи и представления о мире. Через сказки, былины, пословицы, песни и обряды передаются ключевые ценности, формируется национальная идентичность и сохраняется историческая память. Можно смело сказать, что фольклор — это своеобразный культурный код нации. Он отражает мировоззрение народа, его восприятие добра и зла, справедливости, труда и человеческих взаимоотношений. Через устное

народное творчество передаются моральные нормы и жизненные ориентиры, которые остаются актуальными на протяжении столетий. Многие праздники, обряды и ритуалы основаны на древних преданиях и мифах. Например, празднование Масленицы или Ивана Купалы корнями уходит в дохристианские времена, но до сих пор остаётся важной частью народной культуры. Кроме того, пословицы и поговорки любого народа отражают народную мудрость и жизненный опыт. Они помогают формировать образ мышления и мировоззрение будущих поколений, передавая ключевые принципы и нормы поведения.

Несмотря на развитие технологий и глобализацию, интерес к фольклору не ослабевает. Более того, его элементы активно используются в современной литературе, музыке, театре и кино. Сегодня фольклор также становится частью образовательных программ, помогая учащимся узнавать больше о культуре страны изучаемого языка.

В нашей статье мы рассмотрим отражение народных ценностей в русской сказке, поскольку сказки не просто развлекают, но и учат. Как писал В.Я. Пропп: «Область сказки огромна... Изучение сказки ... немыслимо без истории народов мира, этнографии, истории религии, истории форм мышления и поэтических форм, языкознания, исторической поэтики» [Пропп 2000, с. 7]. В данной статье мы хотели бы рассказать о значении сказки на примере постановки русской народной сказки «Репка» с тайваньскими студентами на факультете русского языка Тамканского университета в 2023 г. Здесь следует объяснить, что выпускники нашего факультета в конце обучения должны поставить спектакль на русском языке. Каждый преподаватель выбирает произведение русской литературы на своё усмотрение. В 2023 г. я решила предложить студентам постановку русской народной сказки «Репка». Я исходила из тезиса, который изложил в своей статье В.Я. Пропп: «...сказки народов мира связаны между собой. До некоторой степени сказка — символ единства народов. Народы понимают друг друга в своих сказках. Независимо от языковых или территориальных или государственных границ сказки широко переходят от одного народа к другому» [Пропп 2000, с. 7]. Цель нашей работы сводилась к реализации следующих задач:

1. Лингвистические задачи: а) изучение лексики, а именно разбор ключевых слов и выражений (*репка, дед, бабка, тянуть-потянуть* и т.д.); б) грамматический анализ — повторение форм глаголов, падежей, правил согласования слов; в) постановка произношения, практика русской интонации и ударений на примере текста сказки.

2. Культурные задачи: а) знакомство с русским фольклором, обсуждение значения сказки в русской культуре, её мораль и ценности; б) сравнение с аналогичными сказками о коллективной работе в китайской или в тайваньской культуре. Студенты вспомнили китайскую сказку «Три монаха» («三個和尚») [Ван Гохун 2019], ценности которой созвучны ценностям в сказке «Репка». В основу этой сказки легла китайская поговорка: «Один монах несёт на коромысле два ведра воды, два монаха — одно ведро воды, три монаха — не несут воды» (一個和尚挑水喝, 兩個和尚抬水喝, 三個和尚沒水喝). По сюжету в небольшой буддийский храм приходит первый монах и начинает заботиться о храме: каждый день он сам носит воду из реки, поливает цветы и поддерживает чистоту. Затем появляется второй монах. Оба понимают, что одному носить воду легче, чем вдвоём, так как одному кажется, что другой может сделать больше. Они начинают спорить, кто должен принести воду, и в итоге выполняют работу неохотно. Когда приходит третий монах, никто не хочет брать на себя обязанности. Все думают, что кто-то другой должен выполнять работу, и в результате никто не приносит воду, храм оказывается заброшенным.

Однажды ночью храм загорелся. В панике монахи понимают, что без воды они не смогут потушить огонь. Именно теперь они осознают, что только вместе могут справиться с бедой. Они быстро все вместе приносят воду и спасают храм. Сказка условно делится на две части: в первой части нет единства между героями, каждый из них подчёркивает свою индивидуальность; во второй — они приходят к взаимопониманию, помогающему им выжить, т.е. они осознают, что только в единстве они могут справиться со сложной работой и добиться своей цели. Такие же ценности мы наблюдаем и в русской народной сказке «Репка» — только вместе и сообща можно добиться успеха и преодолеть все трудности, и даже самые маленькие герои (собака, кошка, мышь) могут участвовать в общем деле. Также студенты вспомнили, что в Китае и на Тайване был очень популярным мультфильм китайского режиссёра Цюй Цзаньфана «Вытащить редиску» («拔萝卜») [Гу Цицзюнь 2017], который был снят в 1957 г. по мотивам русской народной сказки, а в начальной школе тайваньские дети до сих пор читают сказку «Репка», поскольку она учит детей тому, что, если каждый думает только о себе, общее дело страдает, что важно уметь договариваться и распределять обязанности, и что коллективный труд эффективнее, чем разобщённость.

3. Творческие задачи: а) инсценировка сказки — написание сценария, постановка спектакля и работа над диалогами;

б) создание иллюстраций, декораций, постеров для спектакля, пригласительных билетов; в) придумывание альтернативного финала, т.е. обсуждение, как сказка могла бы закончиться иначе. Например, в нашем спектакле в конце умирает мышь, а вместо неё появляется Чумной доктор, который помогает семье вытащить репку. Чумной доктор и счастливый конец сказки олицетворяют, во-первых, победу человечества над коронавирусом, а во-вторых, дружбу народов, которые на первый взгляд кажутся друг другу странными.

4. Коммуникативные задачи: а) подготовка к спектаклю и распределение ролей проходит в группах, также студенты пересказывают историю; б) проходит дискуссия на тему морали сказки, обсуждение уроков, которые студенты вынесли из этой сказки; в) создание мультязычного пересказа — учащиеся рассказывают сказку на нескольких языках.

В своём известном исследовании В.Я. Пропп отмечает, что «есть, однако, другая область, в которой воздействие сказки плодотворно по сегодняшний день. Это музыкально-драматическое, балетное и оперное искусство, а также симфоническая музыка. Здесь влияние оказывает не только словесный, но и музыкальный фольклор» [Пропп 2000, с. 15]. Исходя из этого, в нашей постановке было много танцев и русских народных песен, например «Виновата ли я», «Вдоль по улице метелица метёт», «На речке, на речке, на том бережочке» и др. Все эти песни исполнял хор студентов. Таким образом, в наше повествование мы вплели русскую народную песню, которая занимает особое место в фольклоре, являясь его важной и неотъемлемой частью. Народная песня отражает душу народа, его чувства, эмоции, традиции, обычаи и мировоззрение. Передаваясь из поколения в поколение, она сохраняет культурное наследие и играет значительную роль в формировании национальной идентичности. Так как все участники спектакля были молодыми студентами, которым близка тема любви, мы выбрали лирические народные песни о любви, неразделённой любви, разлуке и тоске. Все песни были переведены на китайский язык, а также были даны культурологические и исторические пояснения к текстам, поскольку студентам не всегда было понятно происходящее, а иногда даже вызывало удивление. Например, в народной песне «На речке, на речке, на том бережочке» девушка боится свёкра и свекрови — это указывает на то, что она уже замужем. В традиционной русской культуре (как и в любой культуре XIX в.) после свадьбы женщина переходила в дом мужа и подчинялась строгим правилам семьи, особенно со стороны свёкра и свекрови. Если она провела ночь

вне дома, это могло считаться большим нарушением семейных норм и морали. В то время молодая невестка должна была соблюдать правила поведения, демонстрировать скромность и покорность. Нарушение этих норм могло привести к осуждению, наказанию или даже изгнанию. А поскольку девушке было дома скучно и её ждала только тяжёлая домашняя работа, можно предположить, что её муж — простой крестьянский парень, которого забрали в армию на 25 лет. Однако молодость берёт своё, и молодой жене хочется погулять с подругами. Иногда необходимо дать исторический контекст, чтобы молодые люди, живущие в XXI в., смогли понять народную песню. Таким образом, культурологический аспект является одной из важных задач изучения народных песен на уроках РКИ.

Кроме того, при изучении русских народных песен происходит формирование языковых навыков, т.е. улучшение произношения, расширение словарного запаса, освоение грамматических конструкций; развитие аудирования — тренировка восприятия русской речи на слух в музыкальном контексте; погружение в русскую культуру — знакомство с традициями, историей, менталитетом через народные тексты; развитие коммуникативных навыков — обсуждение содержания песен, выражение мнений, пересказ; повышение мотивации к изучению языка, поскольку использование музыки делает процесс обучения увлекательным и запоминающимся, чему способствует творческая деятельность учащихся, а именно разучивание и исполнение песен. Интересен тот факт, что тайваньские студенты довольно часто хорошо и красиво поют, и многие любят петь. Возможно, это связано с тем, что в китайском языке есть четыре тона, что позволяет людям лучше развивать слух.

Итак, устное народное творчество — это не просто архаичное наследие прошлого, а живая часть национальной культуры, способная объединять не только разные поколения в одной стране, но и вызывать интерес у молодого поколения, живущего за тысячи километров от России. В каждой стране фольклор играет важную роль в формировании духовных ценностей, воспитании уважения к истории и поддержании национальной идентичности. Задача преподавателя РКИ — познакомить иностранных учащихся с сокровищами русского фольклора, в данном случае — на примере сказок. В процессе работы над спектаклем мы убедились, что студенты были очень заинтересованы и выполнили все поставленные цели и задачи. Очевидно, что сохранение и изучение фольклора необходимо для укрепления культурных традиций не только молодого поколения внутри одной страны, но и молодых людей разных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Гохун. Ценности культурных миров в русских и китайских сказках // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-kulturnyh-mirov-v-russkih-i-kitayskih-skazkah/viewer> (дата обращения: 21.02.2025).
2. Гу Цицзюнь. Китайская анимационная школа: истоки самобытности и художественной специфики: дис. ... канд. искусствоведения. М.: ВГИК им. С. Герасимова, 2017. 178 с.
3. Пропп В.Я. Русская сказка // Собрание трудов. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

Тихоновецкая Инга Петровна

Средняя школа № 111

им. Михаила Каснерика г. Минска

inga.t1973@gmail.com

ВОСПИТАНИЕ ЧЕРЕЗ СЛОВО: РОЛЬ ПОСЛОВИЦ В АНАЛИЗЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕКСТОГРАФИЧЕСКИХ ШАБЛОНОВ ТЕХНОЛОГИИ «ТЕКСТОГРАФИКА» В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается роль фольклора, в частности пословиц и поговорок, как отражения народной мудрости и важной части культурного наследия. Анализируется, как использование технологии «Текстографика» способствует более глубокому пониманию литературных произведений у младших школьников. Акцентируется внимание на значении визуальных опор для осознания детьми моральных и культурных норм. В результате знакомство с фольклором не только обогащает речь учащихся, но и формирует их критическое мышление и читательскую грамотность.

Ключевые слова: фольклор, пословицы, народная мудрость, текстографика, читательская грамотность

Tikhonovetskaya I.P.

Secondary school No.111 named

after Mikhail Kasnerik of Minsk

Education Through the Word: The Role of Proverbs in the Analysis of Literary Works Using Textual Templates of the Textual Technology in Elementary School

The article examines the role of folklore, in particular proverbs and sayings, as a reflection of folk wisdom and an important part of cultural heritage. The article analyzes how the use of “Textual graphics” technology contributes to a deeper understanding of literary works among younger schoolchildren. Attention is focused on the importance of visual supports for children’s awareness of moral and cultural norms. As a result, familiarity with folklore not only enriches students’ speech, but also forms their critical thinking and reading literacy.

Keywords: folklore, proverbs, folk wisdom, textual criticism, reading literacy

Фольклор как отражение народной мудрости является важной частью культурного наследия любого народа. Он содержит в себе философию, моральные принципы и жизненный опыт, передаваемые из поколения в поколение. В данной статье рассматривается переплетение визуальных образов и пословиц как средств изучения и сохранения народных ценностей.

Фольклор, особенно в форме пословиц и поговорок, представляет собой краткие народные изречения, наполненные глубоким поучительным смыслом. Эти выражения, зачастую меткие и образные, передают жизненные традиции и моральные ценности, которые формировались на протяжении веков [Неборская, Загурская 2009]. В раннем возрасте дети сталкиваются с трудностями в понимании своих эмоций и мыслей, а запись главной идеи литературных произведений в шаблоне-опоре технологии «Текстографика» в виде пословицы помогает младшим школьникам лучше понять посыл автора, окружающий мир и самих себя.

Дети слышат пословицы от бабушек, родителей и учителей, которые создают у них представление о культурных и нравственных нормах. Однако не всегда дети способны осознать истинный смысл этих высказываний или правильно использовать их в своей речи. Часто пословицы воспринимаются как нечто абстрактное, и дети могут не понимать, как именно они могут применяться в различных жизненных ситуациях.

Визуальные опоры помогают учащимся увидеть связи между пословицами и жизненными ситуациями, которые описаны в литературном произведении.

Данный подход к оформлению своих мыслей с привязкой к народной мудрости не только обогащает речь детей, но и способствует формированию читательской грамотности, критического мышления и способности к самовыражению. В конечном итоге знакомство с фольклором через пословицы и поговорки будет способствовать развитию у детей глубокого понимания культурных ценностей и традиций народа.

Одной из таких технологий, которая может быть эффективно интегрирована «в процесс оформления своих мыслей с привязкой к народной мудрости», является «Текстографика». Данная технология позволяет визуализировать учебный материал, активизировать различные виды коммуникативной и речевой деятельности учащихся [Тихоновецкая 2024].

Технология «Текстографика» представляет собой инновационное направление работы с текстами, основанное на использовании зрительных опор, которые дают возможность учащимся

структурировать информацию и визуализировать ключевые идеи. Эта технология ориентирована на активное взаимодействие учащихся с литературным текстом.

Её основные черты:

1. Интеграция текста и графики, что помогает структурировать информацию и делает её более наглядной.
2. Повышение эффективности обучения чтению за счёт использования визуальных компонентов.
3. Создание эффективных средств обучения, которые вовлекают учащихся в активную работу с пословицами.

Преимущество использования шаблонов заключается в том, что идёт смысловая переработка текста, делается краткая и рациональная запись, происходит выделение в материале исходных, главных идей и т.п.

Шаблоны-опоры направлены на применение своеобразной «типографики» для улучшения восприятия текста, при этом учащиеся структурируют текст и наглядно визуализируют данные. Отметим, что использование визуальных шаблонов-опор как наглядно-дидактического материала даёт возможность учащимся зафиксировать языковые единицы, в частности, вывести главные идеи произведений через анализ пословиц и поговорок [Тихоновецкая 2024].

Итак, основной принцип технологии «Текстографика» заключается в том, что визуальные элементы, ассоциативные образы позволяют учащимся выбирать и систематизировать информацию. Например, при анализе литературных произведений, таких как латышская сказка «Два брата», учащиеся могут воспользоваться шаблоном «След», который помогает структурировать характеристики героев. Шаблон «След» (рис. 1) включает в себя разделы для описания внешнего вида, внутреннего мира, мыслей и переживаний персонажей.

Использование шаблона «След» позволяет учащимся не только глубже понять сложные аспекты персонажей, но и установить связь между их поступками и народной мудростью, представленной в пословицах. Например, учащиеся могут сопоставить качества бедного брата, такие как добросердечность и трудолюбие, с пословицей «Доброе дело не остаётся без награды». Эта пословица предполагает, что доброта и помощь другим всегда вознаграждаются, это отражает общепринятую моральную ценность. Бедный брат, несмотря на свои материальные трудности, всегда готов прийти на помощь другим, и это качество принесёт ему счастье и здоровье.

След

Название произведения

Автор произведения

Главная идея произведения

Работа

Рис. 1. Шаблон-опора «След»

Другой пример — пословица «*Что посеешь, то и пожнёшь*». Она указывает на то, что наши поступки имеют последствия. Эта пословица особенно актуальна для богатого брата, чья жадность и зависть к успеху бедного брата приводят его к внутреннему конфликту и несчастью. Таким образом, пословица показывает, что поступки, связанные с жадностью, ведут к наказаниям, это становится важным уроком для детей.

Кроме того, пословица «*Не всё золото, что блестит*» помогает учащимся осознать, что внешний блеск богатства не всегда переходит границы счастья. Это выражение может быть связано с тем, что богатый брат внешне выглядит успешным, но внутренне страдает тревогой и недовольством. Учащиеся могут обсуждать, как общественные стереотипы о богатстве и успехе способны обмануть, и что истинная ценность заключается в доброте и человечности.

Также важно обратить внимание на пословицу «*Скупой платит дважды*». Эта фраза служит предостережением о том, что жадность может привести к потерям, и она отмечает финал истории, когда богатый брат оказывается в затруднённом положении из-за своих эгоистичных поступков. Учащиеся могут задуматься, как эта пословица иллюстрирует последствия выбора, который делает каждый из братьев, и как это связано с их судьбой.

Такая работа с пословицами в рамках урока не только обогащает понимание текста, но и помогает формировать моральные ориентиры, основанные на фольклорных традициях.

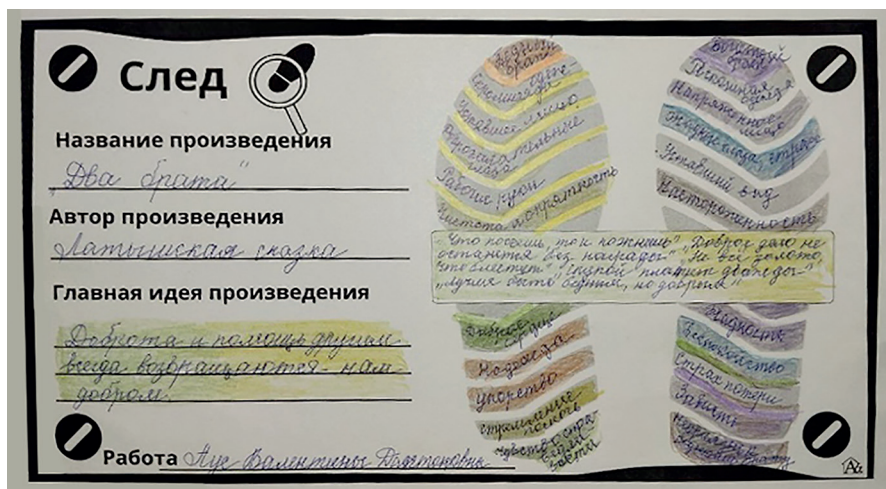

Рис. 2. Шаблон-опора «След»

Так, Валентина Аус, учитель начальных классов ГБОУ «Гимназия № 85» г. Санкт-Петербурга, говорит: «В шаблоне „След“ (рис. 2) слева написали характеристику внешнего вида бедного брата, затем, обсудив внутренний мир и поступки бедного брата, внесли ключевые характеристики его в этот же шаблон „След“. Соответственно, обсудили и отметили в шаблоне (правый след) слова, характеризующие внешний вид и внутренний мир на основе действий и поступков богатого брата.

Далее работа по определению нравственных уроков, которые человек может извлечь из содержания этой сказки. В этом вопросе большую помощь оказали пословицы. Народная мудрость помогла определить идею сказки. А пословицы красиво и обоснованно легли в центре шаблона, соединив образы двух совершенно разных братьев».

Школьники учатся жизни и получают жизненные уроки, анализируя литературные произведения, которые помогают в становлении собственного мировоззрения. Этот процесс формирования моральных установок и культурной идентичности является важной частью учебного процесса. Приведу пример методического сопровождения при анализе героев латышской сказки «Два брата» с использованием шаблона-опоры «След».

1. Бедный брат

След 1. Внешний вид

Описание:

- Скромная, но чистая одежда.
- Уставшее, но доброжелательное лицо.
- Рабочие руки, измождённые трудом.

Слова учителя:

Бедный брат — это человек, который отражает простоту и трудолюбие. Его скромная одежда говорит о том, что он не богат, но он всегда чист и опрятен. Уставшее лицо и рабочие руки свидетельствуют о его тяжёлом труде на благо семьи. Однако в его глазах светится доброта и отзывчивость.

Слова для характеристики внешнего вида:

- скромная одежда,
- уставшее лицо,
- доброжелательные глаза,
- рабочие руки,
- чистота и опрятность.

След 2. Внутренний мир

Мысли и переживания:

- *Добросердечность: стремление помочь другим.*
- *Надежда: вера в лучшее, даже когда трудно.*
- *Упорство: готовность работать ради достижения целей.*

Слова учителя:

Внутренний мир бедного брата наполнен добротой и надеждой. Он всегда готов помочь окружающим, что проявляется в его поступках. Несмотря на трудности, он не теряет веру в лучшее и упорно работает ради своей семьи. Его добросердечность и отзывчивость делают его близким и понятным для читателя.

Слова для характеристики внутреннего мира:

- *добросердечность,*
- *надежда,*
- *упорство,*
- *стремление помочь,*
- *чувство справедливости.*

2. Богатый брат

След 1. Внешний вид

Описание:

- *Роскошная одежда, свидетельствующая о богатстве.*
- *Уставшее, напряжённое лицо.*
- *Жадные, настороженные глаза.*

Слова учителя:

Богатый брат изображён как человек, который внешне имеет всё, но внутри полон тревог и недовольства. Его роскошная одежда символизирует его богатство, но напряжённое лицо и жадные глаза говорят о внутреннем дискомфорте и страхах. Он постоянно переживает о своих деньгах, что лишает его спокойствия.

Слова для характеристики внешнего вида:

- роскошная одежда,
- напряжённое лицо,
- жадные глаза,
- уставший вид,
- настороженность.

След 2. Внутренний мир

Мысли и переживания:

- *Жадность: постоянное стремление к накоплению.*
- *Непокой: страх потерять богатство.*
- *Зависть: к успехам и счастью бедного брата.*

Слова учителя:

Внутренний мир богатого брата охвачен жадностью и завистью. Он не может насладиться своим богатством из-за постоянного страха его потерять. Зависть к успехам бедного брата только усугубляет его внутренние противоречия. Эти переживания делают его персонажем, который вызывает в одно время и осуждение, и жалость.

Слова для характеристики внутреннего мира:

- жадность,
- непокой,
- зависть,
- страх потери,
- неприязнь к бедному брату.

Пословицы помогают подчеркнуть моральные уроки, заложенные в этой сказке.

Слова учителя:

«Ребята! Сегодня мы говорим о мудрости, которую можно извлечь из сказки „Два брата“. Каждый герой этой истории показывает нам разные качества и поступки, которые мы можем сопоставить с народной мудростью. Пословицы — это краткие выражения, содержащие глубокие мысли и жизненные уроки.

Давайте рассмотрим, какие пословицы могут иллюстрировать важные моменты сказки, и внесём в шаблон-опору как главную идею произведения:

1. *Доброе дело не останется без награды.* Эта пословица напоминает нам о том, что доброта и помощь другим всегда возвращаются нам добром.
2. *Что посеешь, то и пожнёшь.* Эта пословица говорит о том, что наши поступки имеют последствия. Добрые поступки приносят счастье, а жадные — страдания.

3. *Не всё золото, что блестит.* Она напоминает нам о том, что внешнее богатство не всегда означает внутреннее счастье и удовлетворение.
4. *Скупой платит дважды.* Жадность богатого брата в итоге оборачивается против него. Эта пословица учит нас, что скупость может привести к большим потерям.
5. *Лучше быть бедным, но добрым.* Бедный брат показывает, что настоящая ценность заключается в доброте и человечности, а не в материальных благах».

Пословицы и поговорки играют важную роль в обогащении речи и повышении читательской грамотности учащихся. Они не только предоставляют выразительные средства для передачи мыслей, но и помогают глубже понимать учебную информацию, представленную в литературных текстах. Младшие школьники, знакомясь с пословицами, учатся выражать свои мысли образно и чётко, это способствует развитию их коммуникативных навыков.

Важно, чтобы учащиеся не просто запоминали пословицы, а осознавали их место в различных произведениях и в культурном мире. Это понимание позволяет им лучше анализировать литературные тексты и изучать их основные идеи.

Например, для анализа основных идей произведения можно предложить задание, связанное с «пословицами наоборот», где младшие школьники сталкиваются с заменой слов-антонимов в известных пословицах.

Такое задание помогает учащимся развивать критическое мышление. Например, учитель может предложить следующие пары [Неборская, Загурская 2009]:

1. *Трусость города берёт.* → *Смелость города берёт.*
Обсуждение: Как смелость может изменить ситуацию? Почему трусость приводит к поражению?
2. *Друг дешевле денег.* → *Друг дороже денег.*
Обсуждение: Что важнее в жизни — истинная дружба или материальные ценности? Как это отражается в произведении?
3. *Где глупость, там и толк.* → *Где ум, там и толк.*
Обсуждение: Как ум и мудрость влияют на достижение целей? Как это связано с персонажами?
4. *У страха глаза маленькие.* → *У страха глаза велики.*
Обсуждение: Как страх может исказить восприятие реальности?

5. *Правда дешевле золота.* → *Правда дороже золота.*

Обсуждение: Почему правда в конечном итоге важнее материальных благ? Как это представлено в произведении?

6. *Свет не без плохих людей.* → *Свет не без добрых людей.*

Обсуждение: Как в рассматриваемом произведении контрастируются доброта и злодейство?

7. *Ссора да лад — большой клад.* → *Мир да лад — большой клад.*

Обсуждение: Как мир и дружба влияют на человеческие отношения?

8. *Жизнь дана на плохие дела.* → *Жизнь дана на добрые дела.*

Обсуждение: Как добрые поступки определяют отношения между героями?

9. *Трусливому смерти не страшно.* → *Храброму смерть не страшна.*

Обсуждение: Как смелость и трусость представлены в литературных произведениях?

10. *За чужой край — хоть помирай!* → *За родной край — хоть помирай!*

Обсуждение: Как любовь к родине отображается в произведениях?

Такая работа с пословицами и поговорками в рамках урока позволяет учащимся не только осознать истинное значение народной мудрости, но и проанализировать эти изречения в контексте литературных произведений. Обсуждения того, как пословицы, будучи частью фольклорной традиции, отражают жизненные реалии и ценности общества, особенно важны сегодня. Младшие школьники, понимая это, становятся более осознанными читателями, способными не только воспринимать текст, но и интерпретировать его, сопоставляя с культурными и моральными нормами своего народа. В результате пословицы становятся не просто элементом языка, а важным инструментом для формирования личной и культурной идентичности учащихся.

В заключение можно утверждать, что технология «Текстографика» значительно обогащает процесс обучения в начальной школе, делая его более образным и увлекательным. Использование пословиц и поговорок в анализе литературных произведений не только способствует формированию читательской грамотности, развитию критического мышления у учащихся, но и помогает младшим школьникам глубже осознать культурное наследие, формируя уважение к народной мудрости и традициям.

ЛИТЕРАТУРА

4. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5—29. <http://doi.org/10.17223/22274200/26/1>.
5. Неборская Т.А., Загурская Е.Л. Пословица недаром молвится: игры, конкурсы, загадки, кроссворды, головоломки, шифровки, ребусы на уроках и праздниках в начальной школе. Минск: Новое знание, 2009. 111 с.
6. Красавский Н.А. Обозначение и выражение ключевых эмоциональных концептов в новелле Артура Шницлера «Лейтенант Густль» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 162—168.
7. Тихоновецкая И.П. Формирование коммуникативных и речевых компетенций учащихся при использовании приёмов технологии визуальных опор «Текстографика» на уроках литературного чтения // Актуальные проблемы преподавания русского языка как неродного/иностранного: российские и зарубежные практики: Материалы III Международной научно-методической конференции, Ставрополь, 21—25 октября 2024 г. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. С. 62—66. EDN DPQVVZ.
8. Тихоновецкая И.П. Формирование читательской грамотности у младших школьников с использованием ИКТ // Пачатковае навучанне: сям'я, дзіцячы сад, школа. Сер., «У дапамогу педагогу»: навукова-метадычны часопіс. 2021. № 4. С. 1—16. (Прил. к журналу «Университет педагогического мастерства»)

Цыбикова Бадма-Ханда Бадмадоржиевна

Институт монголоведения, буддологии

и тибетологии СО РАН

bch58@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ СЮЖЕТЫ ЛЕГЕНД БУРЯТ ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ КИТАЯ

Сюжеты легенд бурят Внутренней Монголии Китая составляют сохранившиеся в народной памяти факты, события, зачастую экстраординарного характера, из жизненной, бытовой практики, а также явления окружающего мира, связанные с религиозно-мистическими, иррациональными проявлениями. В актуальное жанровое поле легенд шэнэхэнцев входят устные рассказы на шаманские и буддийские темы; в них повествуется о явлениях и случаях окружающей действительности с позиции мистических воззрений носителей традиции. Наряду с бытованием легенд, совпадающих с текстами российских бурят, специфическим фольклорным явлением представляются созданные бурятами Китая новые топонимические легенды, в основе которых лежат сюжеты о переименовании названий некоторых гор, рек после переселения.

Ключевые слова: легенды, сюжеты, буряты Внутренней Монголии Китая

Tsybikova B.-Kh.B.

Institute for Mongolian, Buddhist

and Tibetan Studies, SB RAS

Major Plots of the Legends of the Buryats of Inner Mongolia, China

The plots of the legends of the Buryats of Inner Mongolia, China represent facts and events preserved in people's memory, often of an extraordinary nature; everyday practices as well as phenomena of the surrounding world, associated with religious-mystical, and irrational manifestations. The current genre field of the legends of the Shenehen Buryats includes oral stories on shamanic and Buddhist themes; they narrate about the phenomena and cases of the surrounding reality from the position of the mystical views of the bearers of the tradition. Along with the legends that coincide with the texts of the Russian Buryats, a specific folklore phenomenon is the new toponymic legends created by the Buryats of China, which plots are based on renaming of the names of some mountains and rivers after migration.

Keywords: legends, plots, Buryats of Inner Mongolia, China

Сущность жанра легенды интерпретируется отечественными исследователями в различных аспектах. В подавляющем большинстве работ легенды характеризуют как повествования, связанные с религиозной тематикой. Предметом жанра легенды, по В.Я. Проппу, являются «представления, связанные <...> с православием. Действующими лицами народной легенды являются различные персонажи Ветхого и Нового завета <...> пророки, Христос и его апостолы <...> также святые» [Пропп 1976, с. 52]; они призваны «утверждать морально-этические нормы христианства» [Криничная 1987, с. 6]. Религиозно-конфессиональный контекст легенд подчёркивали и другие учёные (Г.А. Левинтон, Т.В. Зуева, В.Е. Гусев). Отводя легендам положение, равное с мифами и сказками с религиозным компонентом, их обозначали как церковные: «В воображении людей в древности, бессильных и безоружных перед силами и тайнами природы, складывались фантастические мифы, сказки, всякие церковные легенды о богах, леших, чертях и пр.» [Краткий словарь литературоведческих терминов 1958, с. 29].

К легендам специалисты относят и более широкий круг прозаических текстов, отмеченных эстетикой фантастического и чудесного: «...в легенде же фантастика, чудесное лежит в основе повествования, определяет обычно его структуру, систему образов и изобразительных средств» [Пропп 1976, с. 13]. Их маркируют как произведения «фантастически осмысляемые в рамках какой-либо мировоззренческой системы» [Восточнославянский фольклор 1993, с. 128].

Обращает на себя внимание позиция фольклористов, которые указывают, кроме того, на правдивость и художественную детализацию сюжетов народной легенды. По мнению А.А. Гончаровой, «легенда — художественное произведение, иногда в форме фантастической сказки, в основе которого лежит происшествие, имевшее место в действительности, или историческое событие» [Гончарова 2014, с. 137]. Как пишет А.П. Липатова, «легендарный текст одновременно снабжён и маркерами невероятности, и маркерами истинности» [Липатова 2020, с. 57]; «в произошедшее (пусть и невероятное, чудесное, фантастическое) и рассказчик, и слушатель верят; риторика легенды „убедить собеседника в истинности“» [Липатова 2020, с. 41]. Таким образом, к легендам исследователи относят определённый круг устных нарративов, отмеченных эстетикой фантастического и чудесного, в которых «соединяются историзм и наивная вера, фактология и утопия, повседневное и сверхъестественное» [Поэтика 2008, с. 107].

Итак, резюмируя вышесказанное, легенды определяем как тексты религиозно-мистического характера, созданные на основе событий, вероятно/предположительно происходивших некогда в прошлом, в которых в наибольшей степени преобладают черты художественного вымысла, сказочности и фантастичности.

В категорию текстов, которым присущи указанные признаки, мы относим произведения фольклорной прозы китайских бурят, в которых преобладают моменты непознанного, мистического, вымысел доминирует в изложении реальных фактов, определяя специфику жанра легенд. Персонажами шэнхэнских легенд изображены реально существовавшие люди с неординарными способностями, служители культа, владеющие сакральной религиозной практикой, в связи с чем нередко изложенные в легендарных текстах события приобретали фантастический, символический смысл. В них описываются факты и люди с характеристиками необычности, эксцентричности, выделяющиеся из разряда общепринятого, стандартного и повседневного. Этим объясняется художественная метафоричность образов и фантастичность сюжетов рассмотренных текстов на грани сказочности и волшебства.

В сюжетах бурятских легенд прослеживается желание носителей фольклорной культуры объяснить непонятное, выделить в персонаже качества превосходства и неординарности, отличающие его от основной массы людей. Определённую нишу в анализируемом материале занимают повествования о представителях шаманского культа, их конфликте с буддийскими священнослужителями.

В тексте «Об отношении к шаманам» говорится, что служители шаманского культа выделялись из среды своих сородичей не только экстраординарной способностью общаться с духами, но и умением излечивать различные болезни, в том числе психически больных людей [Цыбикова 2016, с. 147].

Типичным сюжетом о том, какие невероятные способности могут проявлять шаманы, может послужить содержание текста «О шаманке Галзу Халзан». Начало сюжета связано с тем, что русский царь скептически относится к слухам о сверхспособностях шаманки, подозревая её в шарлатанстве. Чтобы доказать свои неординарные умения и возможности, шаманка заключает с ним пари, что она сумеет выйти из огня невредимой, в противном случае царь обезглавит её. Запрыгнув в костёр, разведённый из дров, сложенных на десяти телегах,

она в полном шаманском одеянии и со своим бубном находится в нём в состоянии транса до тех пор, пока он не выгорел, представ перед властителем после этого в прежнем виде [ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2914].

Практикующий шаман, как известно, может выступить в нескольких ипостасях. В шэнэхэнском материале содержится примечательный в этом плане сюжет о шаманке, которая представлена в двух ипостасях. Будучи хозяйкой-покровительницей местности вокруг сопки *Бухын Саган*, она может выступить в образе изюбра. Охотившийся на склонах этой горы человек, увидев спокойно лежащего изюбра, выстрелил. Хотя стрелявший попал в него, зверь не падает. Сделав ещё несколько выстрелов и не повредив его, глубоко поражённый человек вернулся домой ни с чем. Оказалось, что это была та шаманка в теле изюбра, а охотник, приняв за зверя, пытался её убить [Цыбикова 2020, с. 149].

Примыкает к сюжетам о шаманах и нестандартных людях легендарный текст, отличающийся тем, что мотив древних мифологических воззрений о существовании чёрта сочетается в нём с указанием рассказчика на правдивость случившегося. Исполнитель повествования «Чёрная жена Хужахая» [Цыбикова 2016, с. 125—126] Н. Сэмжэд утверждает, что события произошли в реальной жизни, и в подтверждение своих слов она указывает на конкретную локацию места происшествия: «...то ли западнее Читы, то ли севернее, где-то поблизости от тех мест» [Цыбикова 2016, с. 127]. В данном случае наблюдается симбиоз мирского и сакрального, что «довольно часто встречается <...> и <...> каждый частный случай обращения к мифу порождает дополнительные сложности, всё же кажется возможным использовать в качестве дополнительного отличия „мифа“ от остальных форм фольклора значение сакрального» [Клакхон 2003, с. 159].

В сюжете вышеуказанного текста, по предсказанию ясновидца, справиться с чертями, поглощавшими людей, способен местный житель Хужахай, известный в народе как круглый дурак. Примечательно, что в этой легенде разрабатывается ещё и мотив объединения неординарных личностей (женитьба этого персонажа на другой сильной шаманке), выделяющихся из общей массы людей. О людях, которые обладают магическими способностями, Ж.М. Юша пишет: «Независимо от того, по материнской или отцовской линии унаследован шаманский дар, человек, вынужденный по зову духов стать магическим

специалистом, начинал проявлять некоторые специфические черты и признаки, не свойственные обычным людям, что является ярким подтверждением избранности будущего шамана» [Юша 2022, с. 24].

Шэнэхэнский текст под названием «Легенда о том, как у одной шаманки появился сын от сивого быка» [ОАФ ЦВРК ИМБТ] отличается необычной контаминацией двух сюжетных линий. Фабула этого повествования соответствует широко бытующему в среде западных/предбайкальских бурят генеалогической легенде о происхождении эхиритов и булагатов.

И это звено сюжета во второй части легенды, записанной в Шэнэхэне, трансформируется в иную плоскость, когда акцент в ней перемещается на историю о том, как бездетная женщина, обретя статус матери, избежала смерти. Итак, популярная у российских бурят генеалогическая легенда о происхождении двух западнобурятских племён служит экспозицией, дополненной сюжетом о шаманке, выпросившей у высших сил детей, что позволило ей избежать умерщвления и стать полноценной женщиной. Таким образом, широко известная в фольклорной традиции западных бурят сюжетная матрица в иной бурятской этнической среде в силу генетической её чужеродности не составляет ядро шэнэхэнской легенды, а служит звеном для раскрытия другой сюжетной идеи повествования.

Традиционно существовавшие трения между приверженцами двух параллельно существующих религиозных культов бурят (шаманистов и ламаистов) способствовали возникновению сюжетов о конфликте и противоборстве между ними. Наблюдаются в легендах подобной направленности доминирующие мотивы о состязании шаманов и лам в демонстрации каждым из них своего магического потенциала.

Так, в легенде «О том, как лама и шаман состязались в своих умениях», зафиксированной в Шэнэхэне [ОАФ ЦВРК ИМБТ, инв. № 2914], каждая из конфликтующих сторон выдвигает аргументы о преимуществе своего вероисповедания. Буддийский священнослужитель достоинством своего учения считает то, что в ламаизме священные знания приобретаются в результате освоения множества буддийских книг. Его оппонент, подчёркивая связь шаманов с высшими богами, считает, что они способны непосредственно общаться с различными духами, потому имеют большую возможность влиять на жизнь и судьбу человека. Чтобы закончить спор, оба персонажа решили испытать на деле свои возможности и умения.

И далее сюжет легенды основан на состязаниях, устраиваемых для выявления их способностей, в результате было признано, что они достойные соперники, обладающие равным потенциалом.

Определённое место в группе шэнэхэнских легенд составляют тексты, повествующие о персонажах, отличающихся от стандартных людей тем, что они обладали редкостными физическими параметрами. Характерную группу таких легенд китайских бурят составляют сюжеты о женщинах с недюжинной силой. К примеру, в одном из таких текстов говорится, что Сэрэмжэд была одарена природой такой физической мощью, что она превосходила мужчин, отчего муж вынужден был развестись с ней. Она могла погрузить на сани яловую кобылицу и, впрягшись вместо неё, прибыть в нужное место [Цыбикова 2016, с.124].

Другой примечательный женский персонаж выведен в легенде «Силачка Патюн Лхамо» [Цыбикова 2016, с.125]. Она стала основным персонажем сюжета в силу своей незаурядности. Дело в том, что для укрощения необъезженного коня необходимы небывалое мастерство, многолетние навыки, поэтому устраиваются в некоторых случаях состязания по приучению жеребца к узде, в которых участвуют исключительно мужчины. Оседлать дикого коня женщине — явление из ряда вон выходящее, поэтому существование таких уникальных отчаянных женщин послужило поводом к появлению подобного повествования.

В топонимических легендах, имеющих ярко выраженную локальную принадлежность, объясняется происхождение названий отдельных географических объектов в народном понимании. Среди зафиксированных устных рассказов об особенностях освоения и обживания территорий на китайской стороне представляет интерес легенда, связанная с ойконимом Шэнэхэн, куда переехали переселенцы из бурятских земель. Первое поколение мигрантов заняло обширные земли в долине реки, которая была свободна в результате оттока прежних обитателей и вымирания некоторых из них после эпидемии чумы. По свидетельству Н. Сэмжэд, раньше р. Шэнэхэн называлась «то ли Тахирай, то ли Тахимай» [Цыбикова 2016, с.140]. С.Н. Эрдэни подтвердил эту информацию: «Раньше река, по берегам которой расселилось бурятское население, называлась Тахимай, что означает „сгиб, изгиб“, букв.: „коленный сгиб“» [ПМА. Зап. от С.Н. Эрдэни, 1951 г.р., г. Хайлар, 2018 г.].

С небольшой группы в основном выходцев с берегов Онона, Борзинских степей, расположившихся в 30 км от г. Хайлар, началось формирование этнолокальной общности шэнэхэнских бурят. Позже вся местность, обжитая бурятами, стала называться Шэнэхэн, что в переводе означает «новенький».

По представлениям шэнэхэнцев, почитаемые горные духи имеют свои индивидуальные функциональные «возможности» оказывать помощь просящим: тот, «кто хочет получить образование, хочет стать образованным, приносит жертвоприношения Баян Хану. Если хочешь стать богатым, то надо принести жертвоприношения южной горе Эрдэни» [Цыбикова 2016, с. 141]. Как пишет Д.Ц. Бороноева, Баян Хан «как культовое место начали почитать впервые буряты» [Бороноева 2011, с. 261].

Примечательно, что не только р. Тахимай была переименована в Шэнэхэн, но и ряд других природных объектов получил бурятское название. Наш информант С.Н. Эрдэни связывает это с предсказаниями лам. Так, до прихода бурят гору Эрдэни местные солоны, дагуры именовали [гора] Хулти, на которой проводился обряд *обо* в честь её духов. Известный лама-астролог определил, что в этой горе есть семь драгоценностей или драгоценных камней, поэтому её надо назвать Эрдэни — Драгоценность. По его инициативе река, которая раньше носила название *Мухар булаг*, переименована в *Баян булаг*, так как она течёт в сторону священной горы Сумэ, сказал он. Также другой лама запретил бурятам использовать олётское название горы *Хара Сог үндэр*, переименовав её в *Баян Сог үндэр*. И другие горы Баян Хан, Баян Хушу, Шэбэ названы шэнэхэнскими бурятами, чтобы их духи-хозяева оберегали покой и спокойствие бурят, обеспечивая благодатную и безбедную жизнь на новой земле [ПМА. Зап. от С.Н. Эрдэни, 1951 г.р., г. Хайлар, 2018 г.]. Так, буддийские священнослужители, следуя своим определённым трансцендентным практикам, посчитали разумным изменить прежнее обозначение топонимов, тем самым маркируя и идентифицируя объекты как свои, родственные.

О другом священном объекте — горе Хан — записана оригинальная легенда, свидетельствующая о вере людей в реальное существование духа-хозяина горы, сохраняющейся в массовом сознании и в наши дни. По рассказу Ж. Сэбээн-Долгор, один мудрый лама был наделён, говоря современной терминологией, экстрасенсорными способностями ясновидения. Этот его магический дар позволил ламе узнать, что хозяин горы Хан решил сопроводить своих подданных в исторически тяжёлый

и опасный период их жизни. Это было связано с реальными событиями, когда в 1945 г., в период военных действий советских войск по освобождению Манчжурии от японских оккупантов, буряты вынуждены были покинуть обжитые места и скитаться в районе Шилин-гола (одна из административных единиц Внутренней Монголии КНР). Когда люди в панике покинули родные кочевья, хозяин горы Хан, пожалев свой народ, отправился вместе со своими поданными в неизвестные края. Но духи-хозяева чужих мест обошлись с ним, как сказал тот мудрый лама, плохо, проявили высокомерие, и он (хозяин горы) вынужден был вернуться, «поджав хвост». Буддийский священнослужитель с неординарными способностями, видевший это, сделал вывод, что здесь бурятам не место. И на самом деле, подчёркивает исполнительница, шэнэханцы, поскитавшись два года, в 1947 г. стали возвращаться обратно в родные кочевья [Цыбикова 2016, с. 140—141].

Существенное отличие сюжета о горном духе-хранителе вышерассмотренной легенды от традиционных мифологических сюжетов о хозяевах локусов заключается в персонализированном изображении конкретного хозяина горы Хан, под защитой которого находятся люди, проживающие вокруг неё. Сюжет данной легенды органично вписывается в древнейшие религиозно-мифологические представления носителей традиции о существовании «хозяев» определённой местности, в функции которых входят покровительство людям, охрана и защита их от разных бед и напастей, дарование удачи в дальних поездках, различных важных начинаниях и т.д.

Продолжая топонимическую тематику, следует сказать, что в этнокультурной памяти бурят Внутренней Монголии актуальны представления о таких общепурятских святынях, как остров Ольхон в Иркутской области, гора Алханай в Забайкальском крае, гора Бархан в Республике Бурятия, осознанное почитание которых поддерживается несколькими поколениями переселенцев. В этом проявляется не только стремление шэнэханцев сохранить на религиозно-духовном уровне связь с историческими местами исхода, но и защитный механизм от воздействия инокультурного влияния в полиэтническом окружении.

Итак, сюжетный корпус легенд шэнэханских бурят составляют различные тексты о представителях шаманского культа, буддийских священнослужителях, их вражде за отстаивание своих конфессиональных предпочтений; о демонстрации необычных шаманских способностей; о людях с небывалой физической силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бороноева Д.Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. 2011. № 6. С. 186—190.
2. Восточнославянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. Минск: Наука и техника, 1993. 478 с.
3. Гончарова А.А. Мифология и фольклор коренных народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2014. 296 с.
4. Клакхон К. Мифы и обряды: общая теория // Обрядовая теория мифа: сб. науч. тр. СПб., 2003. С. 157—176.
5. Краткий словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, Н. Венгров. Москва: Учпедгиз, 1958. 188 с.
6. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1987. 225 с.
7. Липатова А.П. «Это не побасёнка, а правда»: к вопросу о достоверности легенды // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 3. С. 28—65.
8. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной. Intrada, 2008. 358 с.
9. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные работы. М.: Наука, 1976. 325 с.
10. Цыбикова Б.-Х.Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Устные рассказы. Иркутск: Оттиск, 2020. 336 с.
11. Цыбикова Б.-Х.Б. Фольклор шэнэхэнских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 312 с.
12. Юша Ж.М. Жанровая специфика шаманских нарративов в фольклорной традиции тувинцев // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 258—274.
13. ОАФ ЦВРК ИМБТ (Общий архивный фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН).
14. ПМА (Полевые материалы автора).

Щукина Александра Валентиновна

Гимназия № 3 г. Ярославля

alexandra21shchukina@yandex.com

ЖЕНЩИНА-БОГАТЫРЬ В РУССКИХ БЫЛИНАХ И ЕЁ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Образы женщин-богатырей в русских былинах — уникальный аспект русского фольклора, который может стать материалом для изучения русского языка как иностранного и исследования роли женщины в национальной культуре. Целью настоящей работы является рассмотрение образов русских былинных женщин-богатырей с точки зрения их культурного и лингвистического потенциала для преподавания РКИ. Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к женским персонажам в литературе и культуре, что связано с общемировой тенденцией переосмысления роли женщины в истории и обществе.

Ключевые слова: женщина-богатырь, русские былины, русский язык как иностранный, фольклор, межкультурная коммуникация

Shchukina A.V.

Gymnasium No. 3 of Yaroslavl

The Woman-Warrior in Russian Bylinas and Her Role in the Study of National Culture

The images of women-warriors in Russian bylinas represent a unique aspect of Russian folklore that can serve as material for studying the Russian language as a foreign language and exploring the role of women in national culture. The purpose of this study is to analyze the images of female warriors in Russian bylinas from the perspective of their cultural and linguistic potential for teaching Russian as a foreign language (RFL). The relevance of the research is determined by the increasing attention to female characters in literature and culture, which corresponds to the global trend of rethinking the role of women in history and society.

Keywords: woman-warrior, Russian bylinas, Russian as a foreign language, folklore, intercultural communication

Русский фольклор представляет собой уникальное явление, содержащее информацию о национальных ценностях. Лингвистический и культурный потенциал делает русский фольклор важным инструментом для сохранения национальной идентичности и формирования межкультурной компетенции в процессе изучения русского языка как иностранного (РКИ). Современная эпоха требует переосмысления традиционных ценностей и ролей, включая гендерные. Как отмечает литературовед Н.Д. Тамарченко, «фольклорные образы дают нам ключ к пониманию того, как общество формировало свои идеалы и передавало их через поколения» [Тамарченко 2015, с. 92]. В этом контексте образы женщин-богатырей представляют особый интерес, поскольку они демонстрируют сочетание универсальных представлений о гендере и уникальных черт национального характера.

Как показывают современные исследования в области лингводидактики [Гальскова 2012], использование культурно значимого материала в преподавании иностранных языков способствует более глубокому усвоению языка, поскольку оно вызывает у студентов эмоциональный отклик и усиливает их мотивацию к обучению.

Согласно исследованиям Ю.М. Лотмана, фольклор выполняет функции коллективной памяти, формируя культурную и языковую картину мира [Лотман 2001, с. 185]. В былинах о женщинах-богатырях эта функция проявляется через образы героинь, которые разрушают традиционные стереотипы о женских ролях, сочетая в себе черты защитников и хранительниц семейных ценностей. Так, Василиса Микулишна в былине о Ставре Годиновиче и Настасья Микулишна в «Женитьбе Добрыни» — не только верные и почитаемые жёны, но настоящие воины и защитники, обладающие как физической, так и духовной силой.

Былина (старина) — жанр устного народного творчества: русская народная эпическая песня героико-патриотического содержания. Повествует о подвигах богатырей и отражает жизнь Древней Руси IX—XIII вв. [Белокурова 2006]. Отличительные черты былины (посвящены героическим событиям, реальным историческим личностям, наличие фантастических элементов, гиперболизация, особый стихотворный строй, «певучесть» повествования и пр.) делают её репрезентативным и перспективным материалом для изучения лингвокультурологического аспекта в преподавании русского языка как иностранного [Сафронова 2019, с. 116].

Лингвистический аспект изучения былинных текстов важен для преподавания РКИ. Язык фольклора, насыщенный

устойчивыми оборотами, эпическими формулами и символикой, предоставляет богатый материал для изучения грамматики, лексики и особенностей русской речи. Как отмечал Б.А. Рыбаков, «былины сохраняют в себе „слои“ древнерусского языка, становясь связующим звеном между прошлым и настоящим» [Рыбаков 1979, с. 112]. Кроме того, важно учитывать межкультурный потенциал русского народного творчества. Включение текстов о женщинах-богатырях в программы по РКИ способствует не только развитию языковых навыков, но и созданию диалога между национальными культурами. Сравнение русских героинь с эквивалентными образами в других культурах (например, с Кахраман Хатун в турецком эпосе или с Сигрид Храброй в скандинавских сагах) позволяет студентам видеть как уникальность русской культуры, так и универсальные ценности, которые объединяют человечество [Куликов 2020].

Образы женщин-богатырей возникли в рамках повествования о жизнеописании знаменитых героев Древней Руси (Ставр Годинович, Добрыня Никитич). Они не только являются боевыми товарищами героев-мужчин, но часто превосходят их в моральной (Василиса Микулишна) и физической силе (Настасья Микулишна). Как отмечал Б.А. Рыбаков, такие образы доказывают, что и в Древней Руси женщины были не только хранительницами очага, но и активными участницами социальной и политической жизни [Рыбаков 1979, с. 89].

Образ Василисы Микулишны из былины о Ставре Годиновиче — яркий пример того, как женская мудрость и дипломатические способности помогают решать сложные задачи. Согласно сюжету, князь Владимир, желая проверить достоинства своих бояр, спрашивает Ставра о том, чем он может похвалиться. Боярин отвечает, что нечем ему «хвастать»: «Разве мне похвастать молодой женой Василисой Микулишной, старшей дочерью Микулы Селяниновича. Вот такой другой на свете нет!» [Соколов 1941, с. 238]. Разгневанный князь отправляет Ставра в темницу, а Василиса, узнав о случившемся, принимает решение спасти мужа. Она обрезает свои русые косы, надевает мужскую одежду и выдаёт себя за посланника Золотой Орды, прибывшего ко двору князя Владимира за данью. Проявляя блестящие умственные и физические способности, Василиса завоёвывает уважение князя и добивается освобождения Ставра Годиновича. Этот эпизод подчёркивает её ум, находчивость и силу характера [Куликов 2020].

Сюжет отражает важные черты русской национальной культуры. В отличие от западноевропейского рыцарского эпоса, где женщины играют скорее пассивную роль, ожидая спасения

от мужчины, русские былины изображают героинь как активных участниц событий, способных самостоятельно решать сложные задачи [Аникин 2004, с. 164].

Образ Василисы Микулишны отражает ряд ключевых ценностей, характерных для русской культуры [Ольшанский 2021, с. 86]:

- **Разум и находчивость.** Василиса проявляет не только интеллектуальное (игра в шахматы), но и физическое превосходство (стрельба, борьба) в критических ситуациях.
- **Верность и преданность.** Несмотря на угрозу, она готова рисковать собой, менять внешность, чтобы спасти мужа, что подчёркивает важность традиционных семейных ценностей, весьма значимых в русской культуре.
- **Идея равенства.** Женщина способна на те же подвиги, что и мужчина, у неё есть воля и решительность.

Как отмечает М.П. Сафронова, «русские былинные героини, в отличие от западных образов, не просто сопровождают героя, а равноправно с ним решают судьбоносные вопросы, проявляя самостоятельность и решительность» [Сафронова 2019, с. 120].

Текст былины «Про прекрасную Василису Микулишну» содержит множество лингвистических особенностей, которые делают его подходящим материалом для изучения русского языка как иностранного. В качестве лингвистических аспектов рассмотрения былин в настоящей работе были выбраны: глаголы действия/движения, стилистические и лексические особенности фольклорного жанра, а также сами характеристики женских персонажей [Куликов 2020, с. 201]. Перечисленные аспекты помогают изучать систему видовых пар, а с ними приставочные образования и конструкции, освоить специфику русской поэтической речи, познакомиться с особенностями устаревшей лексики, встречающейся и в современной русскоязычной массовой культуре [Ольшанский 2021, с. 93], понимание специфики эволюции и развития которой важно для изучающего русский язык как иностранный.

Следует также отметить, что исходные тексты (на древнерусском языке) следует согласовывать с уровнем владения русским языком студентами, можно брать уже адаптированные сборники былин (например, Е.В. Карнаухова, А.А. Горелова или А.Н. Нечаева) во избежание запоминания студентами устаревших слов и неактуальных грамматических, орфографических правил.

1. Глаголы действия, движения: *хвастать/похвастать, шёл/подошёл/пошёл/зашёл/войти, делать/сделать, скакать/поскакать/соскочить, сесть/рассиживаться/посадить, играть/сыграть, петь/спеть, знать/узнать* и др.

2. Стилистические и лексические особенности, характерные для фольклорного жанра: «жить-поживать, да добра наживать», «голову повесить», «поить-кормить» «и песни поют, и сказки сказывают», «путь держать», «златошёрстные», «горница», «щепы», «заморские», «наземь», «дань» и др.

3. Характеристика женских персонажей: «волос долог, да ум короток» (о Забаве Путятишне, в противовес описанию мудрой Василисы, оставшейся с короткими волосами), «У неё под косой светлый месяц блестит, у неё брови черней соболя, очи у неё ясного сокола! А умнее её на Руси человека нет! Она всех вас кругом пальца обовьёт, тебя, князь, и то с ума сведёт», «...по горнице идёт, словно уточка плывёт, каблуками не пристукивает; он на лавочке сидит, колена вместе жмёт. Голос у него серебряный, руки-ноги маленькие, пальцы тонкие, а на пальцах видны следы от колец» (о Василисе Микулишне) и др.

Эти лингвистические средства помогают иностранным студентам понять структуру и специфику повествования в историко-культурных текстах [Лотман 2001, с. 218]. Кроме того, повторение определённых фраз и выражений в былинах способствует созданию ритмической структуры текста, что облегчает его запоминание и усвоение.

Обратимся к образу сестры Василисы Прекрасной — Настасьи Микулишне. Настасья также является одной из самых ярких и необычных женских фигур русского эпоса. В былинах она предстаёт не только как жена Добрыни Никитича, но и как его равноправный союзник, обладающий превосходной физической силой и стратегическим мышлением [Куликов 2020, с. 188].

Один из наиболее известных сюжетов («О Добрыне и Змее»), связанных с Настасьей Микулишной, рассказывает о встрече богатыря и «богатырки»: после битвы со Змеем Горынычем Добрыня Никитич встречает в поле неизвестного исполина-великана. Богатыря впечатляет рост и сила неизвестного, поэтому он пытается узнать его имя, но великаном-богатырём оказывается Настасья Микулишна, которая даже не замечает Добрыню Никитича. Добрыня злится и нападает на богатырку, но лишь ломает своё оружие, затем пытается сразить незнакомца голыми руками, и только тогда Настасья Микулишна обращает на него внимание. Богатырка с лёгкостью сражает противника и сажает в мешок. Позже он пришёлся по сердцу Настасье, и она решает заключить с ним брак, жить и служить вместе.

Сюжет подчёркивает решительность женщины-богатыря, её способность сохранять собственное достоинство в критических ситуациях. Более того, в некоторых вариантах сюжета она

самостоятельно освобождается из плена, что делает её не просто спутницей героя, но активным участником действия.

Образ Настасьи Микулишны воплощает несколько ключевых аспектов русской культурной традиции [Аникин 2004, с.182]:

- Воинская доблесть и преданность: Настасья обладает недюжинной физической силой, способна властвовать даже над признанными великими богатырями, биться с ними плечом к плечу, но при этом быть верной и любящей женой.
- Свобода и независимость: Настасья не боится действовать самостоятельно, следовать своей воле, что делает её образ особенно актуальным в контексте обсуждения гендерных ролей на Руси (женщины могли распоряжаться хозяйством, исполняли ритуалы, вели в бой дружины).

Как отмечал Д.В. Ольшанский, «фольклорные тексты не просто отражают систему ценностей общества, но и формируют её, закладывая модели поведения, которые становятся эталонными» [Ольшанский 2021, с. 86]. Настасья Микулишна выступает именно таким воплощением сочетания традиционных женских качеств (верность, любовь, забота) и нетипичных, скорее маскулинных (сила, воля, решительность).

Былины с Настасьей Микулишной, как и другие фольклорные тексты, содержат множество особенностей, которые представляют интерес для изучения русского языка как иностранного [Гальскова 2012, с.139]:

1. Глаголы движения и действия: *ехать/выехать/проехать, подходить, прибегать, отправиться, налететь, хлопнуть, занести, догнать, натягивать, отвернуться, кричать, ударить, садиться, привезти, прийти, провести, наедаться, напиваться.*
2. Стилистические и лексические особенности, характерные для фольклорного жанра: «*ежели богатырь*», «*назову же*» (лексический повтор), «*Красно солнышко Владимир стольнекиевский!*» (определение исторической личности — князя Владимира Красное Солнышко), «*почетный пир*», «*силушка*», «*терема*» и др.
3. Характеристики женских персонажей: «*Со своей-то дорогой своей Апраксией*» (описание исторической личности — жены князя Владимира, Апраксии), «*А сидит богатырь на добром кони, А сидит богатырь в платьях женских*», «*Аи же поляница ты удалая, Молода Настасья дочь Никулична!*», «*супротивная*» («непослушная», «непокорная»).

Образ Настасьи Микулишны может быть эффективно использован в преподавании русского языка как иностранного,

поскольку его описание сочетает в себе богатую лексику, динамичные речевые конструкции, в нём находят отражение национальные ценности. Лингвистический анализ текстов о ней помогает студентам осваивать русскую грамматику, синтаксис и лексику, а культурный контекст расширяет их знания о русской традиции [Стернин 2012, с. 94].

Работа с текстами о женщинах-богатырях может быть структурирована поэтапно, чтобы обеспечить постепенное усвоение материала.

Первый этап. Введение в тему

Цель: познакомить студентов с ролью фольклора в русской культуре и значением образов женщин-богатырей.

1. Лекция или презентация:

- Краткий рассказ об истории русских былин и их значении для национальной культуры.
- Описание героинь: Василисы Микулишны, Настасьи Микулишны.
- Демонстрация иллюстраций, связанных с героинями.

2. Обсуждение с аудиторией (примеры вопросов):

- Чем отличаются героини русских былин от аналогичных персонажей в вашей национальной традиции?

3. Подготовительное задание:

- Прочитать адаптированный текст былины и выделить ключевые эпизоды.

Второй этап. Непосредственная работа с текстом

Цель: анализ лингвокультурных особенностей текста.

1. Изучение лексики и грамматики:

- Выделение определений и особенностей смысла (в описании женских персонажей): «*супротивная*», «*мудрая*»; «*волос долог, а ум короток*».
- Работа с глаголами движения: «*везти*», «*летит*», «*идёт*».
- Анализ лингвокультурем: «*дорога*», «*оружие*», «*женитьба*», «*ум*» и др.
- Анализ повторов и их ритмической функции: «*ежели богатырь*», «*назову же*» и др.

2. Дискуссия:

- В чём состоят подвиги Василисы и Настасьи?
- Как их действия связаны с русскими культурными ценностями и представлениями о гендере?

Третий этап. Закрепление материала

Цель: активизировать изученный материал через творческую и практическую деятельность.

1. **Творческое задание:** написать собственный небольшой (10—12 предложений) сценарий для компьютерной игры о русской женщине-богатыре, представить её и рассказать, как в ней могут быть отражены национальные культурные ценности, как игра может быть полезна изучающим русский язык как иностранный или носителям языка.
2. **Театрализация:** разыграть сцены из былины: студенты берут на себя роли героев, используя изученную лексику и грамматические конструкции.
3. **Сравнительный анализ:**
 - Сравнить русских героинь с персонажами других культур (например, Мулан, Жанна д'Арк, Покахонтас).
 - Написать эссе «Почему мне нравятся / не нравятся женщины-богатыри в русских былинах?», «Как сочетаются традиционные женские и мужские качества в русских женщинах-богатырях?».

Четвёртый этап. Практические задания и упражнения

1. Лексические упражнения:

- Заполнить пропуски в тексте подходящими фразами или отдельными словами.
- Составить списки слов, связанных с испытаниями, движением, описанием внешности; устаревших слов и их эквивалентов.

2. Грамматические задания:

- Указать инфинитивы для глаголов движения.
- Построить сложные предложения с использованием выделенных из текста слов.

3. **Творческое задание (коллективное):** группе студентов предлагается нарисовать комикс к сюжетам с использованием в текстовых полях изученной лексики, предварительно распределив в группе функции (кто будет художником, сценаристом, продюсером, сборщиком материалов для историй и пр.).

Методическое использование образов женщин-богатырей в обучении русскому языку как иностранному позволяет объединить изучение языка и культуры, формируя у студентов не только языковые навыки, но и межкультурную компетенцию. Работа с текстами былин помогает иностранным студентам не только развивать языковые навыки, но и формировать в перспективе интерес к изучению русской литературной традиции, воспевающей через женские образы храбрость, мудрость и стремление к справедливости, что делает её важной частью мирового культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Русский язык и литература». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 734 с.
2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. 314 с.
3. Гальскова Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2012. 336 с.
4. Куликов В.В. Лексико-грамматические особенности русских былин в преподавании РКИ // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2020. Т. 24. № 4. С. 782—794.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 703 с.
6. Нечаева И.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык. Курсы, 2004. 376 с.
7. Ольшанский Д.В. Архетипы в русской литературе: от фольклора к современности // Филологические науки. 2021. № 2. С. 85—97.
8. Сафронова М.П. Лингвокультурологический анализ русских народных сказок в контексте преподавания РКИ // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 9. № 3. С. 114—122.
9. Смирнов А.В. Русские былины и их мировое значение. СПб.: Искусство-СПб, 2019. 280 с.
10. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Гос. учеб. педагог. изд-во, 1941. 557 с.
11. Стернин И.А. Лингвокультурология: Введение в специальность. М.: Флинта, 2012. 224 с.
12. Тамарченко Н.Д. Литературоведение: введение в литературную теорию. М.: Высшая школа, 2015. 320 с.

ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ МИРА: ВЗАМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ

УДК 391.9:316.7.22:7.06

**Бай Дуншэн,
Алексеева Галина Васильевна**
Дальневосточный федеральный университет
bai.du@students.dvfu.ru; alekseeva.gv@dvfu.ru

СОХРАНЕНИЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННОЙ ХАЙНАНЬСКОЙ ПАРЧИ ЛИЦЗИНЬ

Лицзинь (парча Ли), традиционная ткань ручной выделки народа Ли на Хайнана, имеет более чем 3000-летнюю историю и считается «живой окаменелостью» китайской текстильной культуры. В данной статье излагается история происхождения, развития и проблемы наследования Лицзинь Хайнана, а также обсуждается практика правительства, организаций и общества в области охраны культурного наследия и инноваций. Исследование показывает, что Лицзинь как важный носитель культуры народа Ли сталкивается с такими вызовами, как отсутствие наследников традиционных ремёсел и сокращение рынка. Благодаря многосторонним усилиям — политической поддержке, обеспечению цифровой охраны и разработке креативных культурных продуктов — Лицзинь в наше время превратился из предмета повседневного обихода в товар. В перспективе предполагается ещё большее укрепление интеграции наследования ремёсел и инновационного дизайна и содействие устойчивому развитию культуры Лицзинь.

Ключевые слова: парча Ли, Лицзинь Хайнана, нематериальное культурное наследие, инновационное развитие, культура Китая

**Bai Dongpeng,
Alekseeva G.V.**
Far Eastern Federal University

Preservation and Innovative Development of Traditional Hainan Li Brocade

Li brocade (Li fabric), a traditional handmade textile of the Li people in Hainan, boasts a history of over 3,000 years and is regarded as a “living fossil” of Chinese textile culture. This article outlines

the origin, development, and inheritance challenges of Hainan Li brocade, and discusses the practices of the government, organizations, and society in the fields of cultural heritage protection and innovation. The research reveals that Li brocade, as an important carrier of Li culture, faces challenges such as a shortage of successors for traditional crafts and a shrinking market. Through multifaceted efforts, including policy support, digital preservation measures, and the development of creative cultural products, Li brocade has transformed from an everyday item into a commodity in contemporary times. The outlook suggests further strengthening the integration of craft inheritance and innovative design, and promoting the sustainable development of Li brocade culture.

Keywords: Li brocade, Hainan Li brocade, intangible cultural heritage, innovative development, Chinese culture

Искусство изготовления парчи Лицзинь — традиционное текстильное ремесло, передаваемое из поколения в поколение народом Ли, этническим меньшинством китайской провинции Хайнань. Парча Ли несёт в себе историческую память и культурный код народа Ли, насчитывающий тысячелетнюю историю, и может быть названа «живой окаменелостью» китайской текстильной культуры. Её долгая история уходит корнями более чем на три тысячи лет назад, и за долгие годы Лицзинь стала свидетелем взлётов и падений общества народа Ли, отражая его быт и духовные стремления.

В 2006 г. Лицзинь была включена в список национального нематериального культурного наследия благодаря своей глубокой исторической основе и уникальной культурной ценности. В 2009 г. она была также включена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, нуждающегося в срочной охране, из-за кризиса наследования и острой необходимости в защите. Эти последовательные действия и внимание не только свидетельствуют о высоком признании культурной ценности Лицзинь, но и подчёркивают её важное место на мировой культурной сцене.

Лицзинь изготавливается из натурального хлопка и конопляного волокна. Эти материалы отражают преклонение народа Ли перед природой и его зависимость от экологии. После ручной окраски нитей ткань тщательно изготавливается на пояском ткацком станке. Это искусство чрезвычайно изысканно и вызывает восхищение. Традиционные узоры парчи Лицзинь часто вдохновлены природой и мифологией, а узоры в виде человека обладают глубоким культурным значением

[Ло Сюань и др. 2023]. Кроме того, распространены геометрические узоры, узоры в виде лягушки, солнца, колосьев риса, других растений или животных, все они отличаются яркими цветами и символизируют диалог между природой и духом народа Ли. Эти узоры являются не только декоративными элементами, но и «особым носителем и символом визуального языка» народа Ли [Ху Тин и др. 2025]. Они воплощают в себе исторические события, религиозные убеждения и философские размышления этого народа и являются важным носителем его культуры.

В условиях глобализации и модернизации наследие и развитие искусства Лицзинь Хайнаня сталкиваются с серьезными вызовами. Однако это также открывает и новые возможности для инноваций и распространения Лицзинь. С одной стороны, изменение современного образа жизни, воздействие иностранной культуры и давление рыночной экономики нанесли сильный удар по традиционной модели наследия Лицзинь, вызвав проблемы, такие как разрыв в передаче ремёсел и сужение рынка. С другой стороны, стремительное развитие цифровых технологий и всё более частые международные культурные обмены также предоставляют новые средства и платформы для инноваций и распространения искусства Лицзинь. В этом контексте подробное изучение исторического происхождения, развития Лицзинь, а также современной практики его наследия и инноваций имеет важное практическое и глубокое историческое значение.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА ЛИЦЗИНЬ ХАЙНАНЯ

Происхождение Лицзинь уходит корнями в неолитическую эпоху. Костяная игла, найденная на раскопках пещеры Луобидун в г. Санья, и каменный пряльный диск, обнаруженный на стоянке Цяошань в г. Линшуй, являются убедительными доказательствами того, что предки народа Ли овладели примитивными текстильными технологиями ещё 12 000 лет назад [Хао Сыдэ, Ван Минчжун 2004]. Во времена периода Чуньцю и Воюющих царств «ткань джибэйбу» народа Ли* экспортировалась

* *Джибэйбу* является одним из образцов традиционных текстильных изделий народа Ли Хайнаня и важной категорией Лицзинь. Слово *джибэй* происходит от древнего названия кашка, поэтому *джибэйбу* обозначает ткань, характерную для народа Ли, изготовленную из волокон кашка. — *Прим. авт.*

Рис. 1. Изображения драконов на Лицзинь.
Источник: <https://finance.sina.com.cn/> (дата обращения: 28.03.2025)

Рис. 2. Графические узоры на Лицзинь.
Источник: <https://www.sohu.com/> (дата обращения: 28.03.2025)

в Центральные равнины по Морскому шёлковому пути, о чём свидетельствует запись в «Шу цзин — Юй гун» (Чтимая книга — Юйгун) о «жителях островов, одетых в травяную одежду, приносящих в дар ткань из раковин», как важное подтверждение ранней торговли [Кунь Аньго 2018]. Во времена династии Хань «ткань Гуанфубу» (*гуанфубу* — особый вид широкой текстильной ткани в древнем Китае) становилась данью; в эпоху Сун в «Гуйхай юхэн чжи» («Записки о землях к югу от гор Гуйлин») говорится о распространении Лицзинь как товара среди народа, что подтверждает его долгую историю производства. В эпоху Тан в «Лин вай дай да» («Ответы о землях за хребтами») ещё больше восхвалялась «ткань джибэйбу» за то, что ремесло её изготовления на тысячу лет опережало таковое в Центральных равнинах [Чжоу Цюйфэй 1999]. В эпоху Мин и Цин искусство Лицзинь достигло своего расцвета, сформировав уникальную систему узоров и эстетику цветов [Лю Дань 2024].

В эпоху Сун текстильные технологии народа Ли были переданы в Центральные равнины. Хуан Даопо (известный китайский мастер текстиля и инноватор в эпоху Сун и Юань), изучив искусство Лицзинь в Ячжоу (нынешний г. Санья), улучшила технологию «перекрёстного наложения нитей и сочетания цветов, а также вытягивания узоров нитями», что способствовало революции в хлопководстве региона Цзяннань и привело к замене льняной хлопковой ткани в качестве основного материала для одежды [Ван Чжэнь 1956]. В эпоху Мин и Цин искусство Лицзинь достигло своего высшего уровня, и такие изысканные техники, как «двусторонняя вышивка» и «драконовые одеяла», вызывали восхищение. В «Чжен дэ цюнь тай чжи» («Описание Цюньчжоу и Тайчжоу при династии Мин») записано, что Лицзинь имеет «сотни цветов и тысячи красок, ослепительно сияет», и поэтому Лицзинь стал императорским товаром [Тан Хоу 2006].

В середине XX в. с быстрым развитием индустриализации искусство Лицзинь постепенно пришло в упадок. В XXI в. его охрана и передача вошли в новую стадию — в 2006 г. традиционные техники прядения, крашения, ткачества и вышивки народа Ли были включены в список национального нематериального культурного наследия Китая; в 2009 г. ЮНЕСКО включила их в «Список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране»; в 2024 г. они были успешно переведены в «Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества», что ознаменовало значительное повышение международного статуса Лицзинь [ЮНЕСКО 2024]. В то же время культурный ген Лицзинь претерпел изменения

в современную эпоху и постепенно интегрировался в нарратив китайской национальной общности [Цзэн Шуцин 2025], демонстрируя адаптацию и трансформацию традиционного ремесла в современном обществе.

ТОРМОЗЯЩИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЛИЦЗИНЬ ХАЙНАНЯ

В настоящее время передача традиций Лицзинь сталкивается с множеством вызовов. Наиболее острой является проблема разрыва в поколениях наследователей. По данным Центра охраны нематериального культурного наследия провинции Хайнань, по состоянию на 2023 г. в Китае осталось только 8 национальных наследователей техник прядения, крашения, ткачества и вышивки народа Ли, средний возраст которых составляет 68 лет, и менее ста народных мастеров владеют полным набором этих техник [Опубликование предложений]. Молодое поколение из-за низкой экономической выгоды и пониженного чувства культурной идентичности более склонно к трудовой миграции, что приводит к серьёзному явлению «межпоколенческого вакуума» в передаче техник.

В то же время и традиционная технология изготовления Лицзинь сталкивается с множеством трудностей. Изготовление одной *тубу-юбки* может занять несколько месяцев, а стоимость достигает десятков тысяч юаней, что затрудняет конкуренцию с текстильными изделиями промышленного производства. Одновременно площади посадок островного хлопка сократились на 90%; растения, используемые в качестве натуральных красителей, находятся на грани вымирания. Только 3 наследователя владеют техникой ткачества на поясном станке [Цзэн Шуцин 2025]. С точки зрения рыночной ориентации, жизненное пространство Лицзинь сильно сжимается текстильными изделиями на основе механизированных технологий, в то время как его культурной ценности уделяется крайне недостаточное внимание. В настоящее время на рынке продукция Лицзинь в основном представлена в виде однотипных сувениров для туристов, и учёные отмечают, что «смешение товаров для повседневного использования и товаров в форме сувениров вызывает когнитивную путаницу» [У Синчжи, Хуан Мэйянь 2024], что ещё больше ослабляет культурную конкурентоспособность Лицзинь.

Кроме того, культурное наследие и инновации Лицзинь также сталкиваются с глубокими противоречиями. Поскольку у народа Ли нет собственной письменности, их уникальные

узоры долго передавались устно и запоминались, а способность молодого поколения к культурной интерпретации этих традиционных символов ослабевает, что приводит к явлению «пустой символики» в дизайнерских инновациях. Некоторые практикующие изготовители, чтобы угодить рыночному спросу, бездумно добавляют современные элементы, тем самым разрушая чистоту традиционного ремесла [Чжу Лин 2024]. Хотя учёные уже попытались создать цифровые платформы защиты, такие как системы визуализации знаний, всеобъемлющая цифровая архивная система ещё не создана, что лишает Лицзинь систематической поддержки для долгосрочного сохранения и распространения.

В целом трудности развития Лицзинь затрагивают многие аспекты, включая наследователей, ремесло, сырьё, рыночную ориентацию, культурные инновации и цифровую защиту, и требуют систематических решений, чтобы предотвратить упадок этого ценного нематериального культурного наследия.

МЕРЫ ЗАЩИТЫ СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА И СООТВЕТСТВУЮЩИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Провинция Хайнань создала систематическую политическую основу, последовательно выпустив «Трёхлетний план действий по защите и развитию традиционных техник ткачества, крашения, вязания и вышивки Ли (2021—2023 гг.)» [Трёхлетний план] и «Пятилетний план действий по защите и развитию традиционных техник прядения, крашения, ткачества и вышивки народа Ли (2025—2029 гг.)» [Пятилетний план]. Новый план предусматривает всестороннее обновление: создаётся сеть защиты на пяти уровнях «провинция — город — уезд — сельское поселение — деревня»; впервые введён «механизм раннего предупреждения об исчезновении ремёсел»; специальный фонд увеличен до 80 млн юаней; построен первый цифровой музей Лицзинь. В области механизмов передачи введена звёздная оценка наследователей, создана первая в стране специальность по лицзиньским техникам на уровне высшего образования, в 25 школах введён обязательный курс. Департаменты культуры и туризма активно содействуют участию изделий Лицзинь в различных выставках, расширяя их влияние.

Научно-исследовательские учреждения добились прорывного прогресса в нескольких областях: Китайская академия тропического сельского хозяйства вывела высокоурожайные сорта островного хлопка, увеличив урожайность с 30 до 80 кг

с гектара; Южно-Китайский ботанический сад Академии наук Китая внедрил технологию микробиологической ферментации, повысив стойкость окраски на 40%; Хайнаньский университет разработал второе поколение числового управляемого поясного станка, который уже восстанавливает 90% традиционных технологий ткачества. База данных узоров Лицзинь «Восточные ткачихи» содержит более 160 видов традиционных узоров и изображений процесса изготовления, предоставляя систематическую информационную поддержку для исследований ремесла. Этнографический институт провинции Хайнань завершил проект спасения устной истории, издав «Большую энциклопедию узоров», и установил сотрудничество с международными учреждениями, такими как Текстильный музей в Лионе (Франция).

Внедрена система «мастер-ученик», в рамках которой идентифицировано 87 наследователей на провинциальном и выше уровнях. Проведена акция «Нематериальное наследие — в школы», охватившая 14 средних и начальных школ; общее количество учеников составило 3500 чел. Высшие учебные заведения также принимают активное участие: Университет Хайнаня и Хайнаньский педагогический университет открыли мастерские Лицзинь, включили техники Лицзинь в профессиональные курсы по дизайну одежды, управлению культурным наследием и т.д. [Чэнь Мо 2025]. Эти меры эффективно решили проблему разрыва в поколениях наследователей и обеспечили специалистов для продолжения ремесла.

Построено 3 культурных промышленных парка, развивается новое направление бизнеса «Лицзинь +». Годовой оборот местного бренда «История Лицзинь» превысил 30 млн юаней, и он успешно вышел на рынки Luxury 12 стран; кооператив «Чанцзян Ли Чжи Юнь» разработал более 200 видов культурно-креативных производных товаров, которые экспортируются на рынки Европы и США. «Экологическая деревня культуры Лицзинь» в уезде Баотин сочетает демонстрацию ткачества с экономикой гостевых домов, что позволяет фермерам увеличивать свой годовой доход в среднем на 23 000 юаней; в г. Учжигань открыто 22 центра изучения нематериального наследия, сформирована цепочка наследования, охватывающая четыре поколения: старшего и среднего возраста, молодёжь и детей. Эта практика не только повысила экономическую ценность, но и способствовала интеграции традиционной культуры в современную жизнь.

Национальный музей провинции Хайнань реализует проект «Цифровой Лицзинь», используя 3D-моделирование и техно-

логию VR для цифрового архивирования 328 шедевров, из которых 87% прошли векторизованную деконструкцию узоров. Показатель повторного использования приложения «Ткацкая мастерская» составляет 41%, что подтверждает эффективность игрового распространения. Предлагается разработать систему виртуальной примерки одежды с использованием технологии дополненной реальности (AR) для повышения иммерсивности межкультурного опыта. Оказывается содействие включению техник Лицзинь в 3 международных проекта по защите нематериального наследия, предлагается далее внедрить технологию блокчейн для создания цифровой библиотеки узоров и формирования экосистемы защиты с совместным участием пользователей. В будущем планируется создать генетическую библиотеку узоров Лицзинь, использовать технологию NLP для анализа семантики узоров и предоставлять интеллектуальную поддержку для дизайнерских инноваций.

В целом нынешняя работа по защите сформировала трёхмерную структуру, основанную на политическом руководстве, технологической поддержке, образовательном наследии и рыночном стимулировании. Стратегический переход от спасательной защиты к инновационному развитию позволил создать более систематизированную, профессиональную и международную систему поддержки, в результате чего Лицзинь, это ценное нематериальное культурное наследие, обретает новую жизнь в современном обществе.

ВЫВОДЫ

Хайнаньская Лицзинь как жемчужина культуры народа Ли несёт в себе тысячелетнюю историческую память и народную мудрость. Виртуозные техники её изготовления и глубокое культурное содержание являются не только важным свидетельством многообразия культур китайской нации, но и делают это искусство выдающимся элементом нематериального культурного наследия человечества. В сегодняшнюю эпоху переплетения глобализации и модернизации Лицзинь сталкивается как с реальными вызовами (разрыв в передаче ремесла, давление со стороны рынка), так и с эпохальными возможностями (цифровое распространение и международные обмены). Благодаря практике «живой защиты», предполагающей создание баз наследия, образовательные проекты в школах и трансграничную интеграцию с современным дизайном, Лицзинь тяготеет к устойчивому развитию, где традиции сосуществуют с современностью.

В будущем защита и инновации Лицзинь должны продвигаться совместно по нескольким направлениям: на политическом уровне следует увеличить финансовую поддержку и защиту интеллектуальной собственности, чтобы пресечь беспорядочную конкуренцию механизированных подделок; на социальном уровне необходимо стимулировать культурную идентичность молодого поколения, привлекая новые силы наследия посредством профессионального образования и рыночных стимулов; на техническом уровне возможно углубить применение цифровых технологий, создать виртуальный музей и систему прослеживания блокчейна, чтобы повысить международную узнаваемость и брендовую ценность Лицзинь. Только внедряя инновации на основе уважения традиционной сути, хайнаньский Лицзинь сможет преодолеть границы времени и пространства, выйти из островного региона на мировую арену и стать блистательной визитной карточкой китайской культуры во внешних обменах. Существование Лицзинь касается не только продолжения ремесла, но и является практикой охраны культурных корней и диалога цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Чжэнь. Сельскохозяйственная книга. Пекин: Средняя Китайская книга, 1956. 896 с. (На кит. яз.)
2. Кунь Аньго. Праведное толкование «Книги документов». Пекин: Средняя Китайская книга, 2018. 1176 с. (На кит. яз.)
3. Ло Сюань, Жун Тяньтянь, Ли Дуань [и др.]. Наследие, дизайн и применение узоров в виде человека Лицзинь Хайнаня на основе модели серой корреляционной степени // Технология шерстяного вязания. 2023. № 51 (12). С. 68—74. (На кит. яз.)
4. Лю Дань. Исследование традиционной цветовой эстетики Лицзинь Хайнаня — на примере диалекта Майфу // Журнал Наньхайских исследований. 2024. № 10 (06). С. 115—123. (На кит. яз.)
5. Опубликование предложений по результатам оценки мероприятий по наследию представителей нематериального культурного наследия провинциального и национального уровня провинции Хайнань за 2023 год // Солнечный Хайнань. URL: https://lwt.hainan.gov.cn/xxgk_55333/0400/202405/t20240508_3659098.html (дата обращения: 28.03.2025). (На кит. яз.)
6. Пятилетний план действий по защите и развитию традиционных техник ткачества, крашения, вязания и вышивки Ли (2025—2029 гг.) // Сайт правительства провинции Хайнань. URL: <https://en.hainan.gov.cn/hainan/szfbgtwj/202503/6b31aa92565d4b1f8a4e184f46d8a40c.shtml> (дата обращения: 28.03.2025). (На кит. яз.)

7. Тан Хоу. Хроника Цюнтай при правителе Чжэндэ. Хайкоу: Изд-во Хайнаня, 2006. 1534 с. (На кит. яз.)
8. Трёхлетний план действий по защите и развитию традиционных техник ткачества, крашения, вязания и вышивки Ли (2021—2023 гг.) // Сайт правительства провинции Хайнань. URL: <https://www.hainan.gov.cn/hainan/szfbgtwj/202105/c1562a403a73443e9f33671e266eff3b.shtml> (дата обращения: 28.03.2025). (На кит. яз.)
9. У Синчжи, Хуан Мэйянь. От предмета быта к товару: исследование эволюции ремесленного наследия Лицзинь Хайнаня // Журнал этнической культуры в первозданном виде. 2024. № 16 (04). С. 63—73, 154—155. (На кит. яз.)
10. Хао Сыдэ, Ван Минчжун. Первоначальное исследование экономической жизни археологических памятников доисторической культуры Хайнаня // Южные культурные реликвии. 2004. № 4. С. 28—34. (На кит. яз.)
11. Ху Тин, Ли Сюэ, Лю Цзюнь [и др.]. Исследование взаимодействия узоров Хайнаньского Лицзиня с дизайном кожаных изделий // Наука и техника кожи. 2025. № 35 (02). С. 88—93. (На кит. яз.)
12. Цзэн Шуцин. Культурная генетическая последовательность и нарратив китайской национальной общины — современные вариации традиционного фенотипа Лицзинь Хайнаня // Журнал Хайнаньского тропического океанического университета. 2025. № 32 (01). С. 97—106. (На кит. яз.)
13. Чжоу Цюйфэй. Ответы за пределами хребтов. Пекин: Средняя Китайская книга, 1999. 328 с. (На кит. яз.)
14. Чжу Лин. Применение узоров Лицзинь Хайнаня в дизайне одежды на фоне цифровизации // Кожевенное дело Запада. 2024. № 46 (14). С. 91—93. (На кит. яз.)
15. Чэнь Мо. Преподавательская практика и исследование наследия техник Лицзинь Хайнаня и дизайна культурно-креативных продуктов с точки зрения нематериального наследия // Ассоциация частного образования провинции Хэнань. [Б.м.], 2025. С. 213—214. (На кит. яз.)
16. ЮНЕСКО добавляет 63 новых элемента в списки нематериального культурного наследия. 09.12.2024. URL: <https://www.eaff.eu/ru/news/2024-12-09-unesco-adds-63-new-elements-to-the-intangible-cultural-heritage-lists> (дата обращения: 28.03.2025).

Бочкарёв Александр Александрович

Даляньский университет иностранных языков

dianyingquhua@163.com

ЦЕННОСТИ СЕМЬИ И РОДИТЕЛЬСТВА В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье рассматривается специфика отражения семейных ценностей в позднесоветском кинематографе, отмечается рост интереса со стороны деятелей кино к семейной теме, указывается на социальные истоки данного интереса в контексте нравственно-ценностного кризиса позднесоветского общества. Подробно рассматриваются кинофильмы «Сладкая женщина» В.А. Фетина, «Однажды двадцать лет спустя» Ю.П. Егорова и «Одиноким предоставляется общежитие» С.И. Самсонова.

Ключевые слова: советское кино, семейные ценности, позднесоветское общество, ценностный кризис

Bochkarev A.A.

Dalian University of Foreign Languages

Family and Parenting Values in Late Soviet-Era Cinematography

The article reviews the specific ways of family values reflecting in late Soviet era cinematography (1970—1980s), highlighting the growing interest of movie-makers to the topic of family life, analyzing the social sources of that trend against the background of ideological and value crisis in late Soviet-era cinematography. The article specifically analyzes three representative movies: Vladimir Fetin's "Sweet woman", Yuri Egorov's "Once upon a time after 20 years" and Samson Samsonov's "Dormitory is available for single workers".

Keywords: Soviet-era cinematography, family values, late Soviet-era society, value crisis

Ценности всякой национальной культуры в наиболее ярком, удобном для научного анализа виде отражены в соответствующей литературно-художественной традиции. Отечественный кинематограф советского периода в данном отношении является богатейшим полем для исследования: он создавался в строгом соответствии с принципом идейности, насыщен ценностными установками и ориентирован на их

трансляцию в массы. Ценностное наполнение советского кино далеко не исчерпывается конструктами советской идеологии или социалистической морали: огромное место в нём занимают гуманистические и даже традиционные ценности русской культуры. Высочайший художественный уровень лучших образцов советского киноискусства обеспечивает их вневременное значение; справедливо будет отметить, что ценностно-воспитательный потенциал классики отечественного кино не исчерпан и сегодня.

В обыденном сознании суть категории «семейные ценности» можно свести к установкам: «семья — это хорошо», «жизнь без семьи — неправильная, неполноценная». В публицистическом дискурсе современной России понятие «семейные ценности» получило широчайшее распространение как элемент национального достояния и ключевое условие общественного процветания [Ковба 2023, с. 7]. Несмотря на общественный консенсус в отношении важности «семейных ценностей», их однозначного определения по сей день не выработано. Не поддаётся сомнению лишь то, что семейные ценности носят фундаментальный характер и относятся к группе наиболее древних, традиционных, исторически укоренённых общественных ценностей, неразрывно связанных с ходом общественной эволюции [Беляева 2008, с. 170]. В работах последних лет приведён весьма основательный список конкретных «русских традиционных семейных ценностей»: единобрачие, целомудрие, престиж семьи, общественное одобрение брака, ранний возраст вступления в брак, многопоколенность и иерархичность семьи, многодетность [Ковальчук 2023, с. 66]. Изучая данный список, нельзя не ощутить известного противоречия между входящими в него ценностями и реальностью семейной жизни в России сегодня (значительный уровень разводов, вестернизация представлений о любви и браке у молодёжи, обилие неполных семей и т.п.). Авторы социологических и педагогических исследований ставят вопрос о кризисе семейных ценностей в среде современной российской молодёжи [Брынцева 2012, с. 62]. Для логики нашего исследования важны два обстоятельства: 1) система «традиционных семейных ценностей» оторвана от реальных экономических оснований; 2) она противоречит ценностной вестернизации, до последнего времени почти безраздельно господствовавшей в российском обществе. Это позволяет оценить понятие «семейные ценности» как социальный феномен, не лишённый противоречий.

Противоречивостью пронизано и современное восприятие категории семейных ценностей в советском обществе

и культуре. Одни исследователи отмечают, что в советский период ценности крепких семейных связей, уважения к старшим поколениям семьи и престижа родительства занимали важное место, а их кризис стал прямым следствием распада советского образа жизни и мышления [Вагин 2016, с. 53]. Другие им возражают: в советском понятии «семья» им видится лишь строго экономический смысл, лишённый всяческой духовности [Зелевская 2004, с. 18]. Третьи признают бытование в СССР ценностей моногамности и родительской ответственности, однако семейную политику советского государства характеризуют как «тоталитарную» и «пропитанную идеологией» [Черникова 2020, с. 21]. Такое противоречие оценок серьёзно затрудняет осмысление проблемы.

Наша позиция такова: в советском обществе ещё в 1920-е гг. сложилась и быстро распространилась определённая система семейных ценностей. Успех в её установлении обусловлен, во-первых, её преемственностью по отношению к традиционным ценностям, во-вторых, её органичной связью с общественной практикой и жизненным укладом. Роль государственных мер в этой сфере мы не включаем в число решающих факторов. Традиционные семейные ценности в советский период были дополнены следующими установками социалистической морали: 1) единство взглядов и интересов родителей и детей; 2) единство целей семейного и общественного воспитания; 3) любовь как основа семейной жизни; 4) единство высокого отношения к труду всех членов семьи. Особого внимания заслуживает признание взаимосвязи семейных и общественных ценностей, а также признание ведущей роли **гуманистических ценностей** любви, равноправия и взаимного уважения.

К середине 1960-х гг. в советском обществе усилились признаки ценностного кризиса: обозначился рост эгоистических тенденций, стремления к материальному благополучию; сегодня этот кризис веры в успех социалистического проекта метко назван «потребительским вариантом восприятия коммунизма» [Фокин 2007, с. 34]. Учитывая неотделимость семейных ценностей от ценностей общественных, в 1960-е гг. начинается размытие ценностного фундамента советской семьи: снижается нетерпимость к разводам, ослабляется смычка семьи и школы, распадаются семейные традиции и связи между поколениями. Ценностная установка «жить для себя» в позднесоветском обществе охватывает всё большую массу молодёжи.

В советском кинематографе ещё в 1960-е гг. тема семейных отношений и ценностей резко сдвигается в сторону усложнения и конфликтности. Кинематографисты, избегая

ясных оценок, всё чаще обращаются к образу семейного распада, непреодолимого непонимания и духовного угнетения в семье («Фокусник» П. Тодоровского (1967), «Три тополя на Плющихе» Т. Лиозновой (1967), «Не самый удачный день» Ю. Егорова (1965), «Четыре страницы одной молодой жизни» Р. Эсадзе (1967) и др.). Тем не менее ни в одном из перечисленных фильмов семейные ценности не подвергались сомнению или отрицанию; художественное внимание кинематографистов по-прежнему утверждало любовь как неотъемлемое условие семейного счастья. Даже в самых противоречивых фильмах 1960-х гг., далеко выходящих за рамки принятой в социалистическом реализме системы ценностных координат («История Аси Клячиной» А. Кончаловского, «Долгая счастливая жизнь» Г. Шпаликова, «Короткие встречи» К. Муратовой), высокая ценность гармоничной семьи, построенной на фундаменте любви, не отрицается. Вместе с тем к концу 1960-х гг. в центре киноповествования чаще оказывается отдельная личность, нежели союз любящих людей.

В 1970-е гг. в СССР происходят заметные общественные изменения, связанные с повышением уровня благосостояния населения и ростом городов. Всё это, в силу действия естественных социально-демографических закономерностей, приводит к изменению облика советской семьи — к снижению числа многодетных семей, усугублению внутрисемейных конфликтов и проблемы пьянства, росту случаев пренебрежения социальными обязательствами в семье, увеличению числа разводов и сокращению средней продолжительности брака [Пихоя 2023, с. 121]. Власти СССР ясно осознавали негативную динамику и предпринимали самый широкий спектр усилий как на идеологическом фронте, так и на уровне конкретных мер социально-экономической поддержки. «Укрепление семьи» в позднесоветский период стало важным элементом государственной политики [Ростова 2012, с. 73], однако большинство негативных процессов, очевидно, носили неуправляемый характер и продолжали усугубляться вплоть до конца советской истории.

Советское киноискусство закономерно двигалось в русле государственной политики, занимая в отношении кризиса семейных ценностей последовательно непримиримую позицию. Критика эгоизма и индивидуализма молодёжи, направление острия сатиры против семейной безответственности, горячий призыв к гармонизации семейных отношений — всё это стало важной темой публицистики, литературы, театра и кино СССР 1970—1980-х гг. Картины «Мачеха» О. Бондарева, «Дочки-матери» С. Герасимова, «Странная женщина» Ю. Райзмана,

«В день праздника» П. Тодоровского, «Слово для защиты» В. Абдрашитова, «Двое в новом доме» Т. Шахвердиева, «Адам женится на Еве» В. Титова и мн. др. призывали к очищению и гармонизации семейной жизни. Патриархи советского кино И.Е. Хейфиц («Впервые замужем») и Ю.Я. Райзман («Частная жизнь») выступили с яркими высказываниями на тему отношений поколений внутри семьи. В начале 1980-х гг. одна за другой выходят картины, защищающие преемственность традиционных семейных ценностей и в условиях нового городского быта («Однажды двадцать лет спустя» и «Отцы и деды» Ю. Егорова, «Одиноким предоставляется общежитие» С. Самсонова, «Белые росы» И. Добролюбова и др.). Признанный мастер позднесоветской мелодрамы В. Мельников посвятил кризису семейных ценностей пять картин: «Мама вышла замуж», «Здравствуй и прощай», «Ксения, любимая жена Фёдора», «Старший сын» и «Отпуск в сентябре».

Не претендуя на полноту охвата, мы разберём три ярких примера, посвящённых продвижению трёх различных групп семейных ценностей: необходимости брака, взаимного уважения и доверия супругов, родительства и многодетности.

Фильм С.И. Самсонова «Одиноким предоставляется общежитие» был снят на киностудии «Мосфильм» в 1982 г. Он вырос из активных идейно-художественных поисков решения проблемы одиночества в позднесоветском городе («Служебный роман» Э.А. Рязанова, «По семейным обстоятельствам» А. Коренева, «Москва слезам не верит» В.В. Меньшова и т.п.). Замысел сценария картины возник у писателя и публициста А. Инина в ходе работы над весьма частным сюжетом: исследованием роли брачных объявлений, которые в 1960—1970-е гг. отвергались официальной идеологией как «непонятные» и «ненужные», но к началу 1980-х гг. получили достаточно широкое распространение в местной советской печати [Кулагин 2023, с. 164]. А. Инин в своём сценарии обратился к психологическому аспекту проблемы знакомства одиноких горожан, однако им не ограничился: фильм и сегодня прекрасно известен благодаря утверждению любви и семьи как высших ценностей, как неотъемлемых частей человеческого бытия.

«Одиноким предоставляется общежитие» — предельно простой и типичный по своей структуре фильм, построенный по всем правилам мелодраматической фабулы «от ненависти до любви». Основное место действия — женское общежитие промышленного предприятия — приобретает символический смысл, представляя в картине как своеобразный «зал ожидания», который девушки мечтают как можно скорее покинуть, боясь

остаться в нём навсегда. Этот страх отражён в реплике Виктора Петровича «Нет ничего более постоянного, чем временное жильё»: одиночество не может рассматриваться как гармоничное человеческое бытие. Режиссёр недаром повторяет снятую с одного ракурса сцену свадьбы: счастливая девушка с новым мужем выходят из общежития, этот путь символизирует их путь к счастью.

Ценностное послание фильма выражается в монологе главной героини Веры Николаевны на партийном собрании: «Одинокий человек не может быть счастливым. Нет ничего страшнее одиночества». Традиционно личным темам любви и семьи в фильме придаётся общественное звучание: «счастливое общество состоит из счастливых личностей».

Последние слова в финале картины — напутствие Веры Николаевны молодой девушке Маше: «Ты, главное, надейся, слышишь, обязательно!». Создание семьи в видении авторов картины — не случайный подарок судьбы, а заслуга самого человека, награда за душевную цельность, терпение и веру в силу любви. Такое ценностное видение, как нам представляется, продолжает гуманистические традиции русской духовной культуры, принимающей возвышенное, духовное отношение к любви и браку, отрицающей легкомысленное, потребительское восприятие последних.

Фильм В.А. Фетина «Сладкая женщина», работа над которым началась в 1975 г., стал экранизацией повести признанного мастера женской психологической прозы И.А. Велембовской. Художественные достоинства литературного первоисточника снискали известность автору и за рубежом: в 1980-е гг. сборник её повестей в КНР издавался как минимум трижды. Экранизация стала сенсацией в кинопрокате, принесла громкую славу актрисе Н. Гундаревой. В сдержанно-положительной рецензии на фильм в журнале «Искусство кино» отмечалось успешное обращение к жанру «очерка нравов» [Мамаладзе 1977, с. 17]. Данный жанр был широко представлен в голливудском кино 1920—1940-х гг., когда киноискусство ещё находило в себе силы указывать на пороки капиталистического общества (в фильмах Ч. Чаплина, О. Уэллса, Ф. Капры и др.). Жанр этот был весьма востребован и в раннесоветском кино, высекавшем ювеналовым бичом нэпманскую пошлость. В 1970-е гг., по мере нарастания признаков нравственного и ценностного кризиса в СССР, жанр снова становится востребован: «Монолог» И. Авербаха, «Афоня» Г. Данелия, «Старый Новый год» О. Ефремова и т.п. В «Сладкой женщине» типичность главной героини не подчёркивается напрямую, но даже самый неискушённый зритель

способен разглядеть в её характере опасные симптомы мещанства как прогрессирующей болезни позднесоветского общества.

В стремлении «жить для себя», «хорошо устроиться» главная героиня фильма Анна Доброхотова отказывается от принятых в советском обществе семейных ценностей, прежде всего от принципа построения семьи на основе взаимного уважения и общности интересов. Окружающие Анну люди живут в иной системе ценностных координат, для них безоговорочно действуют принципы родительской ответственности и взаимного уважения супругов. Уместно вспомнить, что последняя ценность не является изобретением советской идеологии: её утверждению, в частности, посвящён роман Л.Н. Толстого «Семейное счастье» (1859). В. Фетин в своей картине приходит к одинаковому с классиком выводу о «тупике индивидуализма в семейных отношениях». Анна, которая видит в семье лишь совместное ведение хозяйства безотносительно личностных качеств спутника жизни, терпит крах в отношениях с Тихоном, который ищет в семье душевной близости и общих интересов. Авторы картины безапелляционно утверждают возможность построения семьи только на опорах духовной близости и взаимного духовного обогащения самодостаточных и ответственных личностей.

Фильм Ю. Егорова «Однажды двадцать лет спустя», снятый на студии «Мосфильм», посвящён утверждению ценностей родительства и многодетности. Отдельные современные исследователи социальных ролей советской женщины несколько идеализируют высокий общественный престиж материнства в данный период: «Женщина спокойно растит детей, стоит у плиты, социальное материнство высоко почитается в обществе. Она уверена в завтрашнем будущем своих детей» [Федосеева 2013, с. 4]. Работа над фильмом началась с письма в «Литературную газету» многодетной матери, которая жаловалась, что ей приходится решать огромное количество бытовых проблем, и возмущалась тем фактом, что советская культура не замечает многодетных матерей и их проблем. Фильм Ю. Егорова стал откликом кино на эти справедливые претензии, попыткой повысить престиж многодетности и материнства в целом.

В художественной ткани фильма немалое внимание уделяется критике общественного равнодушия к подвигу многодетных матерей. Однако ценность материнства не сводится к его общественному признанию. Показательна горькая исповедь подруги главной героини, которая отказалась от рождения второго ребёнка ради материального благополучия: «Знаешь, мечтала: нарожаю... двух. А потом подумала: пусть уж лучше один,

ну чтобы ни в чём не нуждался...». Авторы фильма утверждают: ценность материнства — во внутреннем осознании женщиной-матерью полноты своего бытия, свободного от внешних обстоятельств подлинного счастья, а выбор женщины в пользу отказа от материнства глубоко трагичен (диалог в сцене с потерянной собачкой: «Детишки-то есть? — Да нет, что вы! У женщин в наш век есть другие интересы»). Эти потребительские «другие интересы» в фильме представлены как ценностный симулякр, форма самообмана.

Родительство как ценность в художественной ткани картины образует с эгоистическим модусом бытия отношения непримиримого противоречия: «Надо немножко забыть о себе и думать всё время только о них (о детях)». С ценностями родительства и многодетности связаны и другие элементы ценностного послания фильма: ценности любви, брака и свободы этих ценностей от социальных предрассудков.

Авторы приведённых картин, добившись убедительных художественных успехов, всё же не смогли оказать достаточного влияния на выравнивание ценностного крена позднесоветского общества в сторону индивидуализма и потребительства. Однако их ценностное наполнение отнюдь не было обусловлено лишь сиюминутными потребностями идеологии. Эти и многие другие советские картины на тему семьи имеют гуманистическую природу, наследуют нравственным традициям классической русской культуры и в качестве носителей ценностей семьи и родительства обеспечивают себе востребованность и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева А.Б. Традиционные семейные ценности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 11 (67). С. 170—175.
2. Брынцева О.С. Роль личности педагога в формировании у старшеклассников ценностного отношения к семье // Воспитание школьников. 2012. № 3. С. 62—66.
3. Вагин Д.Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия. 2016. № 7 (70). С. 52—58.
4. Зелевская Н.А. Ценностный подход к проблеме семейного воспитания // Образование. 2004. № 6. С. 16—25.
5. Ковальчук И.А. Приоритетность семейных ценностей для современной российской молодёжи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 65—68.

6. Ковба Д.М. Семья и семейные ценности в президентском дискурсе: содержание, анализ, дискуссия // Россия и современный мир. 2023. № 2 (119). С. 6—25.
7. Кулагин М.С. Предчувствие знакомства: социалистическая настройка пробных брачных объявлений в советской печати 1970-х гг. // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. № 4. С. 162—193.
8. Мамаладзе Т. Пустая душа // Искусство кино. 1977. № 8. С. 16—26.
9. Пихоя Р.Г. Советское общество: социальный портрет // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2023. № 3 (51). С. 108—141.
10. Ростова О.С. Политика Советского государства в сфере регулирования брачно-семейных отношений (1960—1970-е годы) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2 (85). С. 72—76.
11. Федосеева И.А. Влияние СМИ на формирование моделей маскулинности и фемининности // Журнал медицинских наук Сибири. 2013. № 2. С. 3—7.
12. Фокин А.А. «Потребительский» вариант восприятия коммунизма советским населением на рубеже 50—60-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 11. С. 34—41.
13. Черникова В.Е. Трансформация представлений о семье в российском социокультурном пространстве XX—XXI вв. // Общество: философия, история, культура. 2020. № 5 (73). С. 21—24.

Коноваленко Ирина Владимировна
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
Пекинский политехнический институт
irkonovalenko@yandex.ru

«УЧЁБА» КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ У КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

В статье представлен концепт «Учёба» в культуре Китая, на материале ассоциативного эксперимента рассмотрена ценность обучения для китайских студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Ключевые слова: учёба, культурная ценность, китайские студенты

Konovalenko I.V.
Lomonosov Moscow State University,
Beijing Institute of Technology

“Study” as a Cultural Value Among Chinese Students

The article presents the concept of “study” in Chinese culture, and examines the value of learning for Chinese students studying Russian as foreign language using an associative experiment.

Keywords: education, cultural value, Chinese students

Концепт «Учёба» интересует лингвистов уже не один десяток лет. Учёные рассматривают его как фрагмент русской и других языковых картин мира, их интересует сравнительный лингвокультурологический аспект. Если проанализировать лингвистические работы последнего десятилетия, то мы увидим, что концепт «Учёба» рассматривается исследователями с точки зрения лингвокультурологии, лексикологии, фразеологии [Абзулдинова 2016; Лю Шушуай 2024; Муллагаянова, Абзулдинова 2019; Тулусина 2010].

Цель нашего исследования — рассмотреть на материале ассоциативного эксперимента, что представляет собой концепт «Учёба» в культуре Китая, какую ценность имеет процесс обучения для студентов, изучающих русский язык как иностранный.

«Учёба», на наш взгляд, ценностно нагруженный концепт, представляет профессиональную, наиболее значимую

для студента сферу. Изучая концепт «Учёба», мы можем представить, какой «видят» (чувствуют, осознают) студенты учёбу.

Дадим определение терминов, используемых в работе. Термин «концепт» мы трактуем, вслед за Ю.С. Степановым, как «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [Степанов 2004, с. 43].

Для исследования в работе использована схема-модель В.А. Пищальниковой: тело знака (звуковая оболочка слова); понятие как единица, отражающая объективно существенное в предметах и явлениях, формирующееся в индивидуальном сознании; эмоции, оценка [Пищальникова 2001].

Представим методику реализации эксперимента. В WeChat был проведён опрос на русском языке среди китайских студентов университета МГУ-ППИ (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова и Пекинский политехнический институт), изучающих русский язык как иностранный. Использовался метод свободного ассоциативного эксперимента с регистрацией первого ответа. Исследовались прямые реакции (от слова-стимула к реакции). Получено 100 реакций.

Объектом исследования стало языковое сознание китайских студентов МГУ-ППИ (1—3 курсов, 100 чел., студенты разных специальностей (филологи, биологи, математики), изучающие русский язык как иностранный, с родным языком китайским в возрасте 18—22 лет).

Представим анкету и результаты эксперимента.

Уважаемые студенты!

Центр русского языка МГУ-ППИ и студентка ФФ-303 Ляо Сяо проводит лингвистическое исследование концепта «Учёба».

Мы будем рады, если вы ответите на ряд вопросов.

1. Запишите свои ассоциации (слово, которое первым приходит вам в голову) на слово «учёба».

2. Укажите ваш возраст.

3. Укажите вашу специальность.

Спасибо за сотрудничество!

В рамках данной статьи представим кратко описание структуры концепта. Концепт «Учёба» включает ядро и периферию. В ядро (неединичные реакции) вошли 15 ассоциатов в количестве 56 воспроизведений, что составляет 56%. Частота воспроизведения указана в круглых скобках. Периферию представляют единичные реакции — 44. Всего 100 реакций.

Учёба для китайских студентов очень важна. Они прилагают много сил, времени, старания, чтобы качественно подходить к процессу обучения. Учёба для них очень ценна. Представим в первом приближении (так как эксперимент продолжается,

в дальнейшем планируем увеличить количество респондентов и провести такого рода эксперимент среди российских студентов 1—3 курсов, обучающихся в университете), что показывают результаты проведённого нами ассоциативного эксперимента.

Ядро концепта (ассоциаты с частотностью больше единицы). Для студентов, обучающихся в университете МГУ-ППИ и изучающих русский язык как иностранный, учёба — это прежде всего *университет* (7 реакций), где ты учишься. Это *слова* (7), которые ты учишь, чтобы получать знания. Учёба для китайских студентов — серьёзный труд, поэтому в ядре есть слова *трудно* (5), *устать* (5). Студенты, принявшие участие в опросе, изучают русский язык как иностранный, поэтому в ядре оказалось словосочетание *русский язык* (5). Для студентов также актуальны *зачёты* (4) и *экзамены* (4), *лекции* (2). В ядре также оказываются ассоциаты *книга* (4) / *библиотека* (2), *учитель* (2) и *ученик* (3). Учёба для студентов — это получение знаний (*знания* (2)) и изучение предмета (*изучать* (2), *учиться* (2)).

Таким образом, в ядре прослеживается семантическая группа *учиться/ученик/учитель/изучать*. Частеречная принадлежность представлена в основном существительными, но есть и глаголы, наречия.

Компоненты концепта «Учёба»: ассоциации-понятия и ассоциации-эмоции/оценки. В ядре ассоциации-понятия составляют 44 воспроизведения, ассоциации-эмоции — 10 воспроизведений. Ассоциаты-представления в ядре: *университет, слово, русский язык, зачёты, экзамены, лекция, книга, библиотека, учитель, ученик, знания*. Ассоциаты-эмоции: *трудно, устать*.

Периферия: ассоциаты-представления: *домашнее задание, исследовать, баллы, родство, биология, научный, химия, контрольная работа, слова, ноутбук, строительство, ручка, читать, писать, студент, книги, учить*.

Ассоциаты-эмоции: *удача, сила, стараться, скучная, полезная, интерес, смерть, трудная, трудность, усталый, спать, плохо, нельзя, нужно, орех, свет*.

Периферию концепта нам ещё предстоит проанализировать, но уже можно сказать, что здесь так же, как и в ядре, имеются ассоциации-представления и ассоциации-эмоции.

Что касается соотношения ассоциативных реакций, они представлены парадигматическими и синтагматическими связями. Большинство слов представляют парадигматические ассоциации, т.е. ассоциации именного типа (имена существительные, как и слово-стимул). Синтагматические ассоциации представлены немногочисленными адъективными, адвербиальными и глагольными типами.

Данный метод, на наш взгляд, зарекомендовал себя в качестве инструментария для решения когнитивных, психолингвистических, культурологических задач. Результаты ассоциативного опроса можно рассматривать как «специфический для данного языка и данной культуры „ассоциативный профиль“ образов сознания (лексических единиц)» [Уфимцева 2014, с. 344].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абзулдинова Г.К. Аксиологический аспект концепта «Учёба» как фрагмент русской картины мира // «Филологические чтения»: сб. статей международной научно-практической конференции. [Б.м.], 2016. С. 6—20.
2. Лю Шушуай. Концепт «Учёба» в языковом сознании китайцев, изучающих РКИ // «Актуальные вопросы общества, науки и образования»: сб. статей XVI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 106—108.
3. Муллагаянова Г.С., Абзулдинова Г.К. О метафорических моделях на примере концепта-фрейма «Учёба» // «Актуальные проблемы непрерывного образования»: Материалы международной научно-практической конференции. [Б.м.], 2019. С. 341—347.
4. Пищальникова В.А. Общее языкознание: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 189 с.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
6. Тулусина Е.А. Репрезентация концепта «Lernen» и «Учёба» в немецкой и русской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 20 с.
7. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИРГТУ. 2014. № 9 (92). С. 340—347.

Ни Жанна Владимировна

Владивостокский государственный

университет

Zhanna.Ni2021@vvsu.ru

ФРЕЙМ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ/선생님» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КОРЕЙЦЕВ И РУССКИХ

В статье исследуется одна из актуальных дефиниций лингвистической аксиологии, фрейм «Преподаватель/선생님» в виде чётко организованной иерархической, динамической и наглядной структуры, слоты которой, оставаясь автономными, репрезентируют языковую картину мира, используемую представителями обеих лингвокультур (корейцев и русских) для организации функции образования.

Ключевые слова: лингвистическая аксиология, фрейм «Преподаватель», слот, лингвокультура

Nee Zh.V.

Vladivostok State University

Frame “Teacher/선생님” in the Linguistic Worldview of Koreans and Russians

The article explores one of the current definitions of linguistic axiology, the frame “Teacher/Sonsaengnim” in the form of a clearly organized hierarchical, dynamic and visual structure, which slots remain autonomous, represent the language picture of the world used by representatives of both linguistic cultures (Korean and Russian).

Keywords: linguistic axiology, frame «Teacher», slot, linguistic culture

*Чтобы быть хорошим преподавателем,
нужно любить то, что преподаёшь,
и любить тех, кому преподаёшь.*

В. Ключевский

ВВЕДЕНИЕ

Понятие фрейма в науку ввёл М. Минский. Фрейм по М. Минскому — это структура данных для представления человеку стереотипной ситуации. Например, встретить человека определённого типа или посетить мероприятие определённого типа

[Минский 1979, с. 7]. Ч. Филлмор адаптировал фрейм к потребностям лингвистики. По его определению, фрейм — это ментальная структура, знание которой предопределено понятием, которое имеет языковое воплощение. Согласно Н.В. Степановой, фрейм — это «организованное фоновое знание, а также система хранения информации в памяти человека» [Степанова 2021, с. 26]. Мы будем отталкиваться от понимания фрейма как представления о ситуации. Структура фрейма представлена в виде системы слотов. Настоящее исследование исходит из представления о структуре фрейма как системы слотов, заполненной информацией, семантическими основами.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической базой данного исследования являются научные труды следующих авторов: Д.Б. Измаилян (использование технологий корпусной лингвистики в исследованиях фреймов) [Измаилян 2022]; О.А. Сулейманова, А.В. Соколова (методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины) [Сулейманова, Соколова 2024]; Т.В. Филатьева (семантический фрейм как элемент смыслообразования) [Филатьева 2023]; А.А. Кретов, Ю.А. Стародубцева (русские аксиологемы) [Кретов, Стародубцева 2016]; Е.О. Курмачева (сравнение фрейма «Преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира) [Курмачева 2024]; А.Г. Тимченко, Н.А. Бурмакина (образ идеального учителя: лингвоаксиологическое исследование) [Тимченко, Бурмакина 2022]. Работа выполнена с привлечением Национального корпуса корейского языка.

В ходе исследования применяются сравнительные и эмпирические методы поиска информации, общенаучные методы анализа и синтеза, обобщение и классификация языкового материала, методы семантического и фреймового моделирования. В качестве основных методов использованы аксиологический субъективизм и авторская рефлексия процессов, наметившихся в российской образовательной среде.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В современном мире различаются три уровня ценностной реальности: 1) то, что имеет рыночную цену (в образовании это профессионализм, конкурентоспособность, компетенции, адаптивность к изменениям, стремление к непрерывному

образованию и новизне); 2) то, что обладает аффективной ценностью (в образовании это креативность, карьерный рост); 3) то, что обладает достоинством (в образовании это этичность, своеобразие человеческой индивидуальности, избирательность интеллектуального отражения) [Яковлева и др. 2022, с. 113]. Представления о ценностях могут входить в ядерную часть семантики ключевых для этноса слов. Языковая картина мира каждого этноса содержит в себе своего рода «библиотеку фреймов», пакет знаний, дающих описания типовых объектов и событий. Обозначим дефиниции, которых мы придерживаемся в рамках нашей работы.

- Аксиологема — единица «эмоционально-интеллектуальной оценки», чтобы подчеркнуть ценностный компонент в их семантике [Кретов, Стародубцева 2016].
- Аксиологический субъективизм — рассмотрение новых возникших ценностей как продолжение и развитие традиционных, где детерминирующие «линейки-основания» представляют первооснову формирования образовательных ценностей в аспекте их значимости для индивида и общества [Яковлева и др. 2022, с. 114].
- Дидактическое поведение — поведение, целью которого является объяснение или научение посредством имитации каких-либо действий.
- Фрейм — способ хранения информации, где каждому слоту соответствуют основные элементы понятия.
- Слот — ячейка для хранения информации. Слоты (терминальные узлы) содержат переменную информацию.
- Терминал — это представление и описание предмета, а также информации об отношениях между объектами, о способах использования фрейма [Кульчицкая 2023, с. 191].

Фрейм «Преподаватель/Учитель», в свою очередь, состоит из нескольких «узлов» — крупных смысловых блоков. Мы согласны с определением А.А. Кибрика о том, что смысловые узлы делятся на более мелкие единицы: «слоты» — определённые понятия, заданные узлы и «терминалы» — не заданные узлы. Важно отметить, что в сложно организованной фреймовой структуре слоты сами могут становиться узлами или даже фреймами, образуя свои подструктуры, т.е. система обладает динамикой, гибкостью и способна к расширению и укрупнению.

В логике нашего исследования мы переходим к рассмотрению фрейма «Преподаватель/Учитель» в языковой картине мира россиян.

ФРЕЙМ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ/УЧИТЕЛЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РОССИЯН

«Счастье учителя — осознать, что его урок прошёл не зря, что пришедшее озарение после изученного материала сделало ребёнка умнее, а значит — счастливее», — считает И.Г. Трегубова, учитель Академического колледжа ВВГУ. Какими бы ни были времена, как ни менялось бы образовательное пространство, воспитание нравственного начала в подрастающем поколении было и остаётся приоритетной задачей педагогического процесса. Сформулированные Д. Лихачёвым 25 заповедей человечности можно определить как духовное завещание великого учёного и тем, кто воспитывает подрастающее поколение, и тем, кто ещё лишь на пороге познания мира [Лихачёв 1991, с. 318]. Приведём некоторые из них:

1. Будь искренним: вводя в заблуждение других, обманываешься сам.
2. Будь внимателен — в прошедшем твой исток!
3. Будь патриотом и не будь националистом.
4. Будь скромным — чванство низко и смешно.
5. Выбирай достойное, а не лёгкое.
6. Есть свет и тьма, есть благородство и низость, есть чистота и грязь: до первых надо дорасти, а до вторых стоит ли опускаться?
7. Над временем человек не властен, но будь хозяином своего времени.
8. Не казни себя за ошибку, а извлеки из неё урок.
9. Не уставай в труде и самосовершенствовании: творчески обогащая мир — изменяешь себя, нравственно совершенствуя себя — изменяешь мир.
10. Ни зависти, ни жадности, ни злобы ты в сердце никогда не допускай.
11. Люби людей — и ближних, и дальних.
12. Пей из неиссякаемого источника культуры, но не захлебнись.
13. Старайся всегда соблюдать чувство меры.
14. Твори добро, не видя в том заслуги.
15. Твори по силам — дело не в масштабе.
16. Уважай мысли и чувства братьев своих.
17. Чти прошлое, твори настоящее, верь в будущее!
18. Чти родителей и прародителей своих и всё сотворённое ими сохраняй и почитай.

Мы видим, что фрейм «Преподаватель» в языковой картине мира россиян включает в себя множество концептуальных и семантических аспектов, отражающих понимание этой фигуры в обществе. Преподаватель воспринимается не только как профессионал, занимающийся обучением, но и как фигура, обладающая значительной социальной ролью.

Ключевые характеристики фрейма

1. Профессиональная функция. Преподаватель определяется в первую очередь как человек, обучающий учащихся. Это может быть школьный учитель, преподаватель в университете или репетитор. Слово «учитель» имеет несколько значений, включая наставника, человека, формирующего личность ученика, что подчёркивает его важность.

2. Роль в обществе. В представлении россиян преподаватель является не только транслятором знаний, но и духовным руководителем, чья ответственность включает воспитание учеников. Ассоциируется с авторитетом, добротой и терпением.

3. Культурные компоненты. Связь между преподавателем и учеником рассматривается через призму пословиц и поговорок. Например, пословицы: «Хорошие учителя создают хороших учеников», «Учитель в школе, что посев в поле», «По ученику и об учителе судят», «Ученику — удача, учителю — радость», «Тетрадь — зеркало ученика и учителя», «Дерево и учитель познаётся по плоду», «Быть учителем, перестав быть учеником, невозможно», «Почитай учителя, как родителя», «Родители создают тело, учителя душу», «От учителя наука», «И гряда книг не заменит хорошего учителя» — подчёркивают важность взаимодействия и взаимной ответственности.

4. Ассоциативные связи. Со словом «преподаватель» ассоциируются различные характеристики, такие как *добрый, справедливый, терпеливый, строгий*, что формирует положительный имидж у обучающихся.

Становление преподавателя как духовной личности является ключевым условием восприятия его профессиональной деятельности не только как средства заработка, но и как особой миссии — служения себе, своей семье, близким, детям, окружающим людям и в конечном счёте — Отечеству [Борзова 2024, с. 33].

Можно сделать вывод, что одностороннее развитие интеллектуальной личности при игнорировании её духовно-нравственной составляющей таит в себе серьёзную угрозу, особенно

применительно к профессии преподавателя. Знание наук в отрыве от подлинного гуманизма, острый ум при глухоте сердца ограничивают и деформируют личностное развитие преподавателя.

ФРЕЙМ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ/선생님» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КОРЕЙЦЕВ

Данный фрейм представляет собой многослойное концептуальное образование, учитывающее культурные, образовательные и социальные аспекты, присущие корейскому обществу. Он не только описывает роль преподавателя, но и отражает определённые культурные ценности и нормы, связанные с образованием и воспитанием.

Ключевые характеристики фрейма

1. Социальный статус и уважение. В корейском обществе учителя традиционно занимают высокий статус. Слово *선생님* (*сонсэнним*) не только означает «учитель», но и включает в себя суффикс уважения «*ним* — *님*», что подчёркивает его авторитет.

2. Роль и функции. Преподаватель воспринимается не просто как образовательный работник, но и как наставник, моральный ориентир, воспитатель. Эталонные характеристики включают терпение, мудрость и заботу о своих учениках. Важные термины, такие как «*кёюг* — *교육* — *教育*», означающий «обучение — образование — просвещение — воспитание» и «*хаксын* — *학습* — *學習*» означающий «учение — учёба — занятие», играют значительную роль в понимании функций преподавателя. Преподаватели не только передают знания, но и формируют личности студентов.

3. Культурные ассоциации. Фрейм «Преподаватель/Сонсэнним/선생님» также включает такие культурные ассоциации, как родительская забота и передача ценностей. Это указывает на глубокую связь между учащимися и преподавателями, которая выходит за рамки обычного обучения.

4. Структурные аспекты. Фрейм «Преподаватель/Сонсэнним/선생님» включает в себя слоты и терминалы.

Слоты содержат «методику и технологию преподавания — *교수법*», «форму обучения — *학습 형태*», «возрастные группы учащихся — *학생 연령대*», «поведение — *행동*», «дистанцию — *간격*», «вежливость и такт — *예의와 재치*» и т.д.

Терминалы связаны с выражениями: *Почему учитель? / 왜 선생님? Как учитель / 선생님처럼 / Чей вы родитель? 누구의 학부모님?*, где к каждому добавляется контекст — культурные ожидания и нормы.

Приведём примеры использования фрейма «Преподаватель/Сонсэнним/선생님» в языке.

В корейских материалах часто встречаются такие выражения, как: «Учитель должен заботиться о каждом ученике / 선생님은 모든 학생들을 돌봐야 한다», «Учитель — это не только работа, это — призвание / 선생님은 직업일 뿐만 아니라 소명이기도 합니다». Эти предложения демонстрируют, что преподавание воспринимается как богоугодное дело, наделённое высокими моральными стандартами. Фрейм «Преподаватель/Сонсэнним/선생님» в Южной Корее структурируется вокруг уважения, высоких ожиданий и культурных норм, создавая глубокую связь между учителем и учеником, что ярко отражает ценности корейского общества в области образования. Для дальнейшей работы мы обратились к Национальному корпусу корейского языка. Фрейм «Преподаватель/Сонсэнним/선생님» выдал результаты: практических примеров — 4733; из них предложений — 2556, диалогов — 1916, словосочетаний — 261, примеров толкования слов — 10, пословиц и поговорок — 0, лексический пример — 1. Рассмотрим всего три частотных существительных для каждого семантического представления.

1. 선생님 (先生님) — учитель, преподаватель. (Уважит.) 학생을 가르치는 사람 — человек, обучающий учеников.

2. Мистер, господин, госпожа, мисс / 어떤 사람의 성이나 직업에 붙여 그 사람을 높이는 말. Слово присоединяется к фамилии или профессии какого либо-человека для вежливого обращения к нему.

3. Мужчина / 나이가 어지간히 든 사람을 대접하여 이르는 말. (Уважит.) Слово, с которым обращаются к человеку в возрасте.

Затем мы сделали попытку классифицировать факты таким образом, чтобы в каждом кластере получить одно семантическое представление стереотипной ситуации, для которой каждый слот включает частотное существительное. В качестве алгоритма систематизации данных мы в нашей работе взяли «Иерархию фактографических отношений» [Родионов 2024, с. 13]. На рис. 1 представлена структура фрейма «Преподаватель/선생님».

Можно сделать вывод, что представление полученного материала в виде фреймовой структуры «Преподаватель/Сонсэнним/선생님», на наш взгляд, достаточно продуктивно, поскольку фрейм обладает такими свойствами, как иерархичность (указывает на подчинение одних единиц другим), динамичность (позволяет допустить изменчивость входящих в его состав

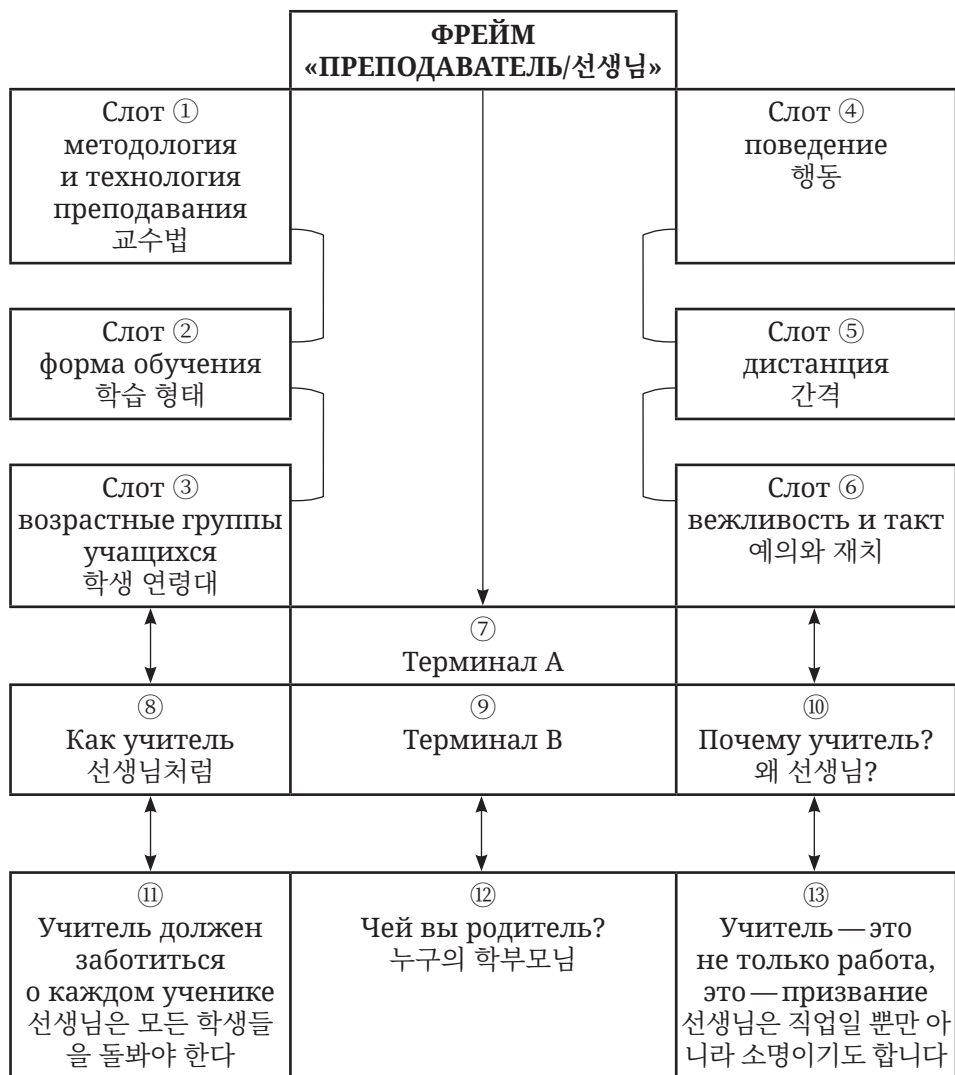

Рис. 1. Структура фрейма «Преподаватель/선생님»

компонентов), и даёт возможность представить исследуемый материал наглядно, в виде чётко организованной структуры, в которой все элементы, оставаясь автономными, образуют единое поле — языковую картину мира жителей Южной Кореи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведение сравнительно-сопоставительного анализа позволяет выявить, как понятие «Учитель/Преподаватель/Сонсэнним/선생님» отражает культурные и социальные представления россиян и корейцев, которые могут варьироваться в зависимости от исторического контекста и региональных различий. Таким образом, фрейм «Учитель/Преподаватель/Сонсэнним/선생님» в языковой картине мира россиян и корейцев представляет собой многомерное понятие, включающее в себя профессиональные, культурные и личностные аспекты. Этот фрейм подчёркивает значимость роли преподавателя в современном обществе и его влияние на развитие будущих поколений.

Под фреймом «Преподаватель/선생님» в языковой картине мира корейцев и русских мы понимаем инварианты стереотипов, используемых представителями обеих лингвокультур для организации функции образования (обучение + воспитание), а также определённые средства организации опыта и инструменты познания; специфическое лингвоаксиологическое обеспечение, которым располагает язык этноса для наименования и описания отношений.

Анализируя фрейм «Преподаватель/선생님» в языковой картине мира корейцев и русских, лингвисты учитывают как экстралингвистические факторы (обстоятельства, сопровождающие описываемые события, фон, поясняющий эти события, оценку участников события), так и собственно лингвистические (лексическо-грамматические особенности, синтаксические явления разных по типологии языков).

Метод аксиологического субъективизма дал возможность рассматривать фрейм «Преподаватель/선생님» в качестве детерминирующей «линейки-основания» в аспекте значимости профессии преподавателя/учителя для индивида и общества.

Дизайн исследования фрейма «Преподаватель/선생님» позволяет утверждать, что ценностный компонент в структуре и семантике отражён в обеих лингвокультурах, следовательно, данный фрейм является аксиологемой.

Выполненная работа не претендует на исчерпывающее решение проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борзова Т.А. Формирование ценностно-мировоззренческой сферы личности будущих педагогов // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6 (109). С. 31—34.
2. Измаилян Д.Б. Использование технологий корпусной лингвистики в исследованиях фреймов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 24—30. DOI: 10.36622/AQMPJ.2022.41.54.003.
3. Кретов А.А., Стародубцева Ю.А. Русские аксиологемы по данным МАСа-2 // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 140—154.
4. Кульчицкая Е.Р. Репрезентация фрейма HEALTHY/UNHEALTHY EATING в американском медиадискурсе // ДИСКУРС. 2023. Т. 9. № 3. С. 188—198. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-188-198.
5. Курмачева Е.О. Сравнение фрейма «Преподаватель» в русской и китайской языковых картинах мира (на материале ассоциативного эксперимента) // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2. № 2. С. 94—102.
6. Лихачёв Д.С. Раздумья / сост. и общ. ред. Г.А. Дубровской. М.: Дет. лит. 1991. 318 с.
7. Минский М. Фрейм для представления знаний: пер. с англ. М.: Энергия, 1979. 152 с.
8. Родионов А.Н. Композиционные зависимости и формулы высокопорядковых отношений реляционных моделей данных // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2024. № 10. С. 1—14. DOI: 10.36535/0548-0027-2024-10-1.
9. Степанова Н.В. Перспективы критических исследований различных типов дискурса. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. 199 с.
10. Сулейманова О.А., Соколова А.В. Методологический потенциал фреймового моделирования и языковой картины мира: дивергенция и конвергенция // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 4. С. 123—133.
11. Тимченко А.Г., Бурмакина Н.А. Образ идеального учителя: лингвоаксиологическое исследование // Языкознание. Филологический форум. 2022. № 3 (20). С. 138—151.
12. Филатьева Т.В. Семантический фрейм как элемент смыслообразования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. № 23 (2). С. 169—174.
13. Яковлева И.В., Черных С.И., Косенко Т.С. «Аксиологический разворот» в российском образовании: позиция субъективизма // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 4. С. 113—127. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-4-113-127
14. Национальный институт корейского языка. URL: https://krdict.korean.go.kr/rus/dicMarinerSearch/search?nation=rus&nationCode=5&ParaWordNo=&mainSearchWord=%ED%8B%80&_csrf=7865da11-63fc-498b-923b-0234e37af522 (дата обращения: 01.04.2025).

Огородняя Ольга Витальевна

Луганский государственный

педагогический университет

ogorodnyaya02@mail.ru

РУССКАЯ КАРТИНА МИРА КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ЦАРЬ»

В статье автор предпринимает попытку выделить понятийные характеристики концепта «Царь» с построением полевой модели концепта и его периферии на основе сказок А.С. Пушкина, паремий русского языка, Национального корпуса русского языка, воссоздав часть русской картины мира в диахронии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения исторических национальных концептов, которые особенно интересны в современном быстро меняющемся мире. Отмечается междисциплинарный характер статьи, что расширяет её возможности для дальнейших исследований.

Ключевые слова: концепт, царь, А.С. Пушкин, паремии, русское лингвистическое пространство

Ogorodnaya O.V.

Lugansk State Pedagogical University

The Russian Worldview as a Space for Studying the National Historical Concept of “Tsar”

In the article, the author attempts to identify the conceptual characteristics of the concept of “tsar” with the construction of a field model of the concept and its periphery based on the fairy tales of A.S. Pushkin, paremias of the Russian language, the National Corpus of the Russian language, recreating part of the Russian picture of the world in diachrony. The relevance of the study is due to the need to study historical national concepts, which are especially interesting in the modern rapidly changing world. The interdisciplinary nature of the article is noted, which expands its possibilities for further research.

Keywords: concept, tsar, A.S. Pushkin, parodies, Russian linguistic space

*Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, Царя, Царя храни!*

Возможность ретроспективного взгляда на особенности русской культуры и истории позволяет на данный момент говорить об исторических концептах власти, которые изучаются сейчас особо пристально. Одним из таких выступает концепт «Царь» для русской лингвокультуры.

Целью нашего исследования является анализ пространства русской картины мира, в которой использовался национальный исторический концепт «Царь».

Актуальность выбранной темы состоит в том, что концепт «Царь» является общественно-политическим, важным для исторического кода русского народа, поэтому изучение подобных концептов особенно интересно в контексте политических событий. В современной лингвистике практически отсутствуют работы, посвящённые исследованию концепта «Царь». Обращение к историческим сведениям позволяет сказать о том, что данная работа носит междисциплинарный характер.

Поставленная цель определяет **задачи**, основными из которых являются:

1. Осуществить анализ научной литературы по данной проблеме.
2. Рассмотреть понятие исторического концепта.
3. Выявить языковые пространства, в которых употребляется изучаемый концепт.

Объектом данного исследования выступил концепт «Царь».

Предмет исследования — лингвокультурологический потенциал русской картины мира как пространства изучения концептов.

Теоретической базой исследования послужили труды лингвистов Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова и др.

Начать изложение наших мыслей логично с краткой лингвистической справки о сущности концепта в языке. Лингвокультурологи, исследуя концепт как культурный феномен, проникают в его суть с точки зрения культурного, лингвистического и социального опыта отдельной социокультурной интеграции. Ю.С. Степанов понимает концепт как составную единицу, вбирающую в себя «коллективные ценности, которые у каждого

носителя языка свои, он представляет и национальное языковое сознание» [Степанов 1997]. Е.В. Бабаева отмечает, что концепт выступает той структурой сознания, в которой фиксируются ценности социума [Бабаева 1989]. В рамках нашей работы мы рассматриваем концепт «Царь» не только как лингвокультурный, но и исторический. «Для историка возможность плодотворного использования понятия „концепт“ заключается в том, что концепт тесно связан с языком, который является основным средством выражения мысли, — замечает М.В. Кузьмина. — При этом когнитивный аспект анализа исторического прошлого состоит в том, чтобы в анализе концептов опираться на понятия и представления, свойственные современникам изучаемой эпохи» [Кузьмина 2017, с. 306]. В современном языкознании крайне мало работ, посвящённых исследованию исторических концептов. Ю.С. Степанов одним из методов изучения концепта видит исторический аспект, предполагающий исследование исторического слоя концепта. В рамках нашей работы мы остановимся на этом постулате и будем понимать исторический концепт как концепт, который имеет развитие во времени своего значения и исторические корни, отражающие исторические события, имена, даты и пр.

Русская земля знала много сильных царей, которые вершили судьбы народа: Борис Годунов, Василий IV Шуйский, Алексей I Тишайший, Пётр I и другие правители. Ни один из царей до сих пор не получил единодушного мнения о своей личности в истории, но каждый из них заслуживает отдельного разговора не на одну страницу. В 1547 г. Иван Грозный принял титул царя (наследственного монарха, государя), до этого момента словом *цесарь* в русском языке обозначали византийского императора [Семёнов 2003]. По данным этимологов, слово *царь* возникло в «др.-рус. эпоху как аллегроформа из *цесарь* < *цѣсарь* < лат. Caesar „Цезарь“ (римский политик, диктатор и полководец)» [Шанский, Боброва 2004]. В «Малом академическом словаре» находим толкование: «1. Титул монарха в некоторых странах, а также лицо, носившее этот титул. 2. *Пер.* Тот, кто подчиняет окружающих своему влиянию или превосходит всех в каком-л. отношении» [Словарь русского языка 1999]. В России слово *царь* употребляется в качестве титула славянских монархов. Образ царя на Руси неразрывно связан с православием, ведь известная фраза «царь — помазанник Божий» * берёт свои истоки

* *Помазанник* от Таинства Миропомазания, традиция которого берёт своё начало с поставления на царство Феодора Иоанновича 31 мая 1584 г., что свидетельствовало о принятии им особых даров на своё служение, и именно из Миропомазания вытекал особый статус царя в Церкви и государстве.

ещё с ветхозаветных времён; сам апостол Христов Пётр заповедует: «Бога бойтесь, царя чтите» (1Петр. 2,17), а об Иисусе Христе Иоанн Богослов писал: «На одежде и на бедре Его написано имя: „Царь царей и Господь господствующих“» (Откр. 19). Образ царя (мы берём собирательный образ, не останавливаясь на персоналиях) немного стереотипен, и должен был соответствовать определённым критериям: он — лидер своего народа, посредник между Богом и людьми, христоролюбивый, созидательный и устремлённый к духовному, это идеал христианского правителя, который имел небесное предназначение царской власти. По справедливому замечанию А.А. Царевского, «русский человек привык в царе своём видеть избранника и помазанника Божия, а в суде, велениях и распоряжениях его — волю самого Царя небесного» [Царевский 1898]. Любое действие или приказ царя народ воспринимал смиренно и безропотно, усматривая в этом испытание, посланное Богом, да и сам Бог в библейском учении — «истинный Царь всей человеческой истории». Поэтому диада «Царь-Бог» для русского человека не ставится под сомнение, а принимается как догма. Неспроста в эпитафии мы взяли строки гимна Российской империи с 1833 по 1917 г. — «Боже, Царя храни!», который появился в 1833 г. и звучал на всех официальных мероприятиях с участием императора. «Сильный, державный» царь в глазах своего народа не мог поступать иначе, как только по совести и велению Божьему.

Священные образы царей запечатлены во всех формах русского творчества: иконописи, живописи, гравюрах, фольклоре, исторических песнях, стихотворениях великих М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, Н.С. Гумилёва и, несомненно, А.С. Пушкина. Творчество А.С. Пушкина даёт большой простор для изучения разнообразных концептов. Царской теме поэт посвятил немало произведений, «статистика свидетельствует, что слово „царь“ входит в десятку наиболее употребительных слов языка Пушкина и занимает там вместе с однокоренными второе-третье место» [Лепяхин 2019, с. 6]. А.С. Пушкин рисует целую галерею образов и персонажей со своим русским колоритом. Обратим внимание на «Сказку о царе Салтане» [Пушкин 1992] и «Сказку о золотом петушке» [Пушкин 1937], где концепт «Царь» выражен наиболее ярко.

«Сказка о царе Салтане» выпущена в 1831 г., в годы правления Николая I. Это сказка, которую читают, исследуют, рисуют и находят в ней новые смыслы не одно десятилетие. Литературоведы выдвигают версию, что имя *Салтан* — переложение «султана» Османской империи на русский манер (в арабском языке имя означает «властитель»). Нет никаких подтверждён-

ных исследований, что Николай I — прототип царя Салтана, но такая версия обсуждается учёными время от времени. Сказка показывает резкий конфликт между светлым и тёмным миром, где царь выступает одним из главных героев, ведь и сама сказка названа в честь Салтана, а не царевича Гвидона или других героев. С первых строк поэт показывает читателям статус: *«Я б для батюшки-царя / Родила богатыря», «Царь Салтан сидит в палате / На престоле и в венце», «В царство славного Салтана»* — и «батюшка-царь» будет рефреном по всему произведению. Царь бывает и гневливым (*«Как услышал царь-отец, / Что донёс ему гонец, / В гневе начал он чудесить / И гонца хотел повесить»*), и гостеприимным (*«Царь Салтан зовёт их в гости»*). Понятно, что есть и ряд негативных черт царя, из-за которых царица с царевичем попали в беду, однако поэт их не подчёркивает. Царь Салтан вместе с тем великодушен: он прощает Бабариху и остальных, строивших козни, несмотря на все причинённые ему невзгоды: *«Царь для радости такой / Отпустил всех трёх домой»*. Поскольку сказка, как правило, заканчивается счастливым концом, то и в этом случае мы видим благополучное разрешение ситуации. Увидев отношение поэта к образу царя, чуть позже построим полевою модель концепта «Царь», соединив все найденные субконцепты в процессе исследования.

«Сказка о золотом петушке» выпущена в 1834 г., также в годы правления Николая I. Она самая обсуждаемая, спорная и по-разному интерпретируемая из всего пушкинского цикла. Пушкинисты настаивают на моменте исторического интертекста: поэт вдохновился арабским фольклором, произведениями западных писателей, прежде чем написать свою сказку, А.А. Ахматова находит памфлетные намёки и элементы сатиры на самого царя Николая I, другие исследователи отмечают аллюзию на царя Бориса Годунова; в любом случае, царь Дадон — собирательный образ властителей. Имя *Дадон* позаимствовано у нашего земляка В.И. Даля в «Сказке первой» из сборника «Русские сказки» 1832 г. (это вполне реальная версия, поскольку В.И. Даля и А.С. Пушкина связывали дружеские узы). Совсем другой образ царя показан в этом произведении. Это стареющий правитель (*«Тут соседи беспокоить / Стали старого царя»*), который в молодые годы не церемонился со своими соседями: *«Жил-был славный царь Дадон. / С молоду был грозен он / И соседям то и дело / Наносил обиды смело»*. Его правление уже долгие годы не приносит положительных изменений государству, ведь он царствует, *«лёжа на боку»*, однако отношение его народа до сих пор уважительное и возвышенное:

«Царь ты наш! отец народа! — / Возглашает воевода, / — Государь!». Царь не властен над эмоциями: «Со злости / Инда плакал царь Дадон, / Инда забывал и сон», и даже в сердцах совершил убийство: «Царь хватил его [звездочёта] жезлом / По лбу». Дадон богат: «Царь скопца благодарит, / Горы золота сулит», при этом слаб моральным духом: обольщённый красотой и чарами врага — Шамаханской царицы, Дадон забыл о смерти горячо любимых сыновей. Все эти цитаты показывают царя как не сумевшего противостоять искушениям и уже не способным вести внутреннюю политику государства и быть полноценным главой. Царь Дадон — отрицательный персонаж, да, царь может быть и таким — как будто говорит нам поэт. В этой сказке нет счастливого конца, вопреки принятым «сказочным» нормам, — и этим тоже она не похожа на остальные сказочные произведения из цикла поэта. Сказки А.С. Пушкина стали поистине русским самобытным явлением, на которых выросло и ещё вырастет не одно поколение, а для филологов они — неиссякаемый простор для исследований.

Возвращаясь к русскому лингвистическому пространству, обратимся к паремиям — необъятному хранилищу культуры и мудрости русского народа. В пословицах и поговорках «закономерно и циклично отражаются национальные общечеловеческие ценности, которые являются предметом рассмотрения лингвокультурологии» [Огородняя 2024, с. 205]. Рабочим определением возьмём выражение Л.Б. Савенковой: «устойчивая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания» [Савенкова 1997, с. 37]. В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля немало пословиц, связанных с властью. Приведём некоторые, преднамеренно упорядочив их в классификации.

1. Царь — практически Бог, он наделён Божьими «правами»: *Царь далеко, а бог высоко. До царя далеко, до бога высоко* [Даль 1989, с. 29]; *Карать да милловать — богу и царю* [Даль 1989, с. 189]; *Никто против бога да против царя* [Даль 1989, с. 212]; *Богу приятно, а царю угодно* [Даль 1989, с. 106]; *У бога да у царя всего много* [Даль 1989, с. 213]; *Бог знает да царь* [Даль 1989, с. 213]; *Царь от бога пристав* [Даль 1989, с. 213]; *Коли царь бога знает, бог и царя и народ знает* [Даль 1989, с. 213].

2. Царь может быть великодушным: *Виноватого бог простит, правого царь пожалует* [Даль 1989, с. 108]; *Бог милостив, а царь жалостлив* [Даль 1989, с. 213].

3. Царь — необходимость: *Светится одно солнце на небе, а царь русский на земле* [Даль 1989, с. 212]; *Нельзя земле без царя стоять* [Даль 1989, с. 213]; *Без царя — земля вдова* [Даль 1989, с. 213]; *Грозно, страшно, а без царя нельзя* [Даль 1989, с. 213]; *Где ни жить — одному*

царю служить [Даль 1989, с. 220]. **4. Царь — главный, вершитель судеб:** *Народ — тело, царь — голова* [Даль 1989, с. 213]; *Воля царя — закон* [Даль 1989, с. 213]. **5. Царь может быть гневливым:** *Царь не огонь, а, ходя близ него, опалишься* [Даль 1989, с. 214]. **6. Царь немного «оторван» от простого народа:** *Царю из-за тына не видать* [Даль 1989, с. 214]; *Не ведает царь, что делает псарь* [Даль 1989, с. 214]. И отдельной строкой В.И. Даль приводит ряд предметов с приставкой царь-, которые выделяются размерами и красотой среди других: *Царь-зелье. Царь-колокол. Царь-пушка. Царь-девица. Царьград* [Даль 1989, с. 215]. Во всех приведённых паремиях лексикограф показывает только одно положительное отношение к царю как объекту власти. Он сильный, воинственный и грамотный, хотя может и не вникать в проблемы своих подданных.

Далее с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) составим характерные субкоцепты концепта «Царь» с помощью цитат из русских произведений. Для удобства работы с источником мы выделим временные периоды: 1910—1921; 1922—1960; 1961—1990, 2000-е.

1. Бог есть Царь: *«Но господь, царь небесный, — владыка и над нами и над тобой, барин»* [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]; *«Христос — Царь Небесный, земной образ Его мало выражен»* [Н.А. Бердяев. Русская идея (1946)].

2. Царь — необходимость: *«Русский царь — отец, а немец — враг народа...»* [Д.С. Мережковский. Александр Первый (1922)].

3. Царь — главный, вершитель судеб: *«Но если царь завоюет одну часть света, он не успокоится, пока не захватит ещё другую такую же»* [Л.Н. Толстой. Путь жизни (1910)]; *«Ибо царь есть государственный центр и источник спасения и строительства своего народа»* [И.А. Ильин. Основные задания монарха (1948—1954)].

4. Царь обладает отрицательными чертами: *«Жил-был один царь — очень злой, глупый и жадный»* [Борис Заходер. Сказки для людей (1960—1980)]; *«Царь людей в тюрьмы сажал и в ссылки ссылал»* [Анатолий Кузнецов. Бабий яр (1965—1970)]; *«Нонче какой бы ни вышло неувязки — во всё царь виноватый!»* [Сергей Залыгин. Комиссия (1976)]; *«Пусть дело тёмное — всё равно: опять царь погубил поэта»* [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986—1987)].

5. Царь — человек, обладающий умом, прозорливостью и другим положительными чертами: *«Как все гениальные умы, великий царь понимал мистическую цену времени!»* [М.О. Меншиков. Воздушная оборона (16.01.1910)]; *«Очаровал*

его любознательный **царь** стремительностью вникать во всё самому, чтобы дела не проронить» [Сергей Каменев. Город белых парусов // «Вокруг света» (1984)]; «Отсюда утверждения старого доброго типа „**царь** добрый, бояре злые“. [Кавказ в Москве (1996) // «Итоги» (03.09.1996)].

6. Сравнение кого-то или чего-то другого с царём, «царь» в переносном значении: «Бальмонт — как **царь** на голубом троне-кресле» [М.И. Цветаева. Бальмонту (к тридцатипятилетию поэтического труда) (1920—1925)]; «Человек — **царь** природы, и царствует он в силу своего разума» [М.О. Гершензон. Мудрость Пушкина (1919)]; «Конечно, все считают меня храбрым: ведь лев — **царь** зверей!» [А.М. Волков. Волшебник Изумрудного города (1939)]; «...когда мы жили на даче Крабау — я нашла **царь-гриб**» [А.А. Ахматова. Автобиографическая проза (1957—1965)]; «Завтрашний колхозник, хозяин на земле. **Царь** природы, можно сказать... Ты всем зелёным миром повелевать должен уметь» [А.И. Мусатов. Стожары (1948)]; «Прочёл я одну книжку, там сказано: человек — **царь** природы» [А.Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга третья. Хмурое утро (1941)]; «Ведь даже **царь** зверей — лев цепенеет, когда в цирке качается на качелях» [Марта Баранова, Евгений Велтистов. Тяпа, Борька и ракета (1962)]; «Как он, возвращаясь с женой с победного банкета в дребадан, беседовал с **Царь** Колоколом» [А.С. Черняев. Дневник (1976)]; «Он — **царь** всего тела и находится на самом верху, потому что из всех тварей земных лишь человек — разумный и прямоходящий» [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)].

Из выборки НКРЯ можно заметить, что несколько классификаций перекликаются с классификациями, приведёнными в блоке паремий, а самая обширная группа — последняя, когда значение *царь* вышло за рамки однозначного «правитель» и перешло в переносное значение в том числе.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем выделить понятийное ядро концепта «Царь» с ближней образно-оценочной периферией: *Божий промысел, великодушие, гнев, вершитель*; и дальней эмотивной периферией: переносные значения слова *царь*: это *Царь-колокол, царь зверей (лев), царь природы (человек)*. Из этого понимаем, что образ царя в русской культуре, литературе и картине мира обладает амбивалентными характеристиками и чертами, свойственными любому человеку, хотя царь не любой человек, он всегда намного выше обычного, даже приближенный к небесному Царю. Понятийные признаки концепта «Царь» не ограничиваются названными и могут иметь продолжение в дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологической картин мира: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 438 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2 т. / вступ. слово М. Шолохова; худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. Т.1. 431 с.
3. Кузьмина М.В. Формирование исторических понятий (концептов) на примере французских средневековых источников // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы II Международной научно-практической конференции, Рязань, 20—21 апреля 2017 года. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2017. С. 305—309.
4. Лепяхин В.В. Пушкин о царях и царе // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2 (20). С. 6—9.
5. Огородняя О.В. Русские паремии о гостеприимстве как средство отражения национальной культуры // Слово и культура без границ: аксиологический аспект: сб. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2024. С. 204—211.
6. Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке. М., Л.: Academia, 1937. 17 с.
7. Пушкин А.С. Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди. Петрозаводск: Карелия, 1992. 36 с.
8. Савенкова Л.Б. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии // Филологический вестник Ростовского государственного университета. 1997. № 1. С. 36—39.
9. Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 702 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
12. Толкования на 1-е послание Петра 2:17. URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?1Pet.2:17&r> (дата обращения: 01.04.2025).
13. Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
14. Царевский А.А. Значение православия в жизни и исторической судьбе России. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. 151 с.
15. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: происхождение слов. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2004 (Тул. тип.). 398 с.

УДК 81'42

Курмачева Елена Олеговна
Дальневосточный федеральный
университет
kurmacheva.eo@dvfu.ru

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ КАК ОДНА ИЗ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена исследованию категории оценки в профессиональном дискурсе. Анализируются языковые средства выражения оценки, их функционирование и роль в формировании профессиональной идентичности. Особое внимание уделяется наиболее характерным типам оценки в профессиональном дискурсе. Выявляются прагматические стратегии, связанные с выражением оценки в профессиональной коммуникации преподавателей.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, профессиональная языковая картина мира, категория оценки, оценочность, языковые средства

Kurmacheva E.O.
Far Eastern Federal University

Evaluation as a Distinctive Feature of Professional Discourse

This article focuses on the category of evaluation in professional discourse. It analyzes the linguistic means of expressing evaluation, their functioning, and their role in the formation of professional identity. Special attention must be given to the most characteristic types of evaluation in professional discourse. The pragmatic strategies related to the expression of evaluation in teachers' professional communication are revealed.

Keywords: professional discourse, professional linguistic picture of the world, category of evaluation, evaluativeness, linguistic means

Категория оценки является междисциплинарной и рассматривается в разных областях научного знания. В философии она связана в первую очередь с аксиологическим аспектом — изучением ценностей и их роли в человеческом бытии. В психологии рассматриваются психологические аспекты оценки, а именно — когнитивные процессы, участвующие в её формировании. Важна категория оценки и в лингвистике. Оценочные средства подсвечивают отношение говорящего к объекту действительности, что важно для понимания семантики языковых единиц и их системности [Новикова 1994, с. 10].

Категория оценки непосредственно связана с профессиональным дискурсом: она играет значительную роль в формировании аксиологических ориентиров и коммуникативных стратегий. По нашему мнению, именно аксиологическая (ценностная) составляющая демонстрирует специфику профессионального дискурса больше, чем терминологический аппарат данной области знаний.

Цель статьи — показать специфику оценочности в профессиональном дискурсе. Основной **задачей** является представление языкового материала, позволяющего говорить о том, как оценочность проявляется в этом виде дискурса. Поскольку в статье рассматривается педагогический дискурс как одна из разновидностей профессионального, эмпирическим **материалом** для исследования послужили расшифрованные аудиозаписи речи преподавателей русского языка как иностранного (РКИ) в высшем учебном заведении.

Остановимся подробнее на понятии дискурса. Оно связано с разными научными дисциплинами, такими как философия, литературоведение, социология и т.д. В лингвистике дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее одновременно и динамический процесс языковой деятельности, и её результат — текст. Дискурс всегда протекает в определённом коммуникативном пространстве и соотносён с конкретной культурой или социальной общностью, группой [Речицкая 2018, с. 108].

В статье мы останавливаемся на одной из разновидностей дискурса — профессиональном дискурсе. Уже в самом названии содержится непосредственное указание на связь этого типа дискурса с коммуникацией, протекающей во время профессиональной деятельности, в нашем случае — педагогической. Профессиональный дискурс — это «вербально-опосредованная коммуникация, понимаемая как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определённым комплексом норм, стереотипов

мышления и поведения» [Голованова 2013, с. 32]. Важно уточнить, что профессиональный дискурс определяется как «общение специалистов между собой», но также и как «общение специалистов с теми, кто к ним обращается для получения консультации либо профессиональной помощи» [Бейлинсон 2009, с. 145].

Понятие дискурса связано с понятием картины мира, под которой мы понимаем упорядоченную картину знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании [Попова, Стернин 2007, с. 51]. Знания и представления народа о действительности фиксируются в единицах национального языка, т.е. формируют языковую картину мира. Если языковая картина мира отражает общие знания и представления о мире, то профессиональная языковая картина мира — совокупность представлений и понятий, характерных для конкретной профессиональной области. Профессиональная языковая картина мира оказывает сильное влияние на профессиональный дискурс, поскольку установки говорящих, их взгляды и представления обуславливают выбор коммуникативных стратегий и тактик.

Важно помнить, что любая картина мира (и языковая, и профессиональная) — это не точная копия мира, а его интерпретация, т.е. *оценивание мира* и формирование неких суждений о нём. При этом оценка не сводится к истинности-ложности — она отражает ценностные ориентации говорящего, т.е. представляет аксиологическую рамку. Оценка объединяет социальные стереотипы, личностные предпочтения и прагматику общения, создавая «концептуальный мир» коммуникантов. Оценочное значение «заключено в интерпретации мира человеком», а значит, категория оценки непосредственно связана с картиной мира (в т.ч. и профессиональной).

Категории оценки посвящены работы таких известных лингвистов, как Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, А. Вежбицкая. В работах всех вышеперечисленных исследователей прослеживается мысль о том, что оценка пронизывает все уровни языка от аффиксов до целых высказываний, но ярче всего проявляется на лексическом уровне. Под категорией оценки в нашей работе мы, вслед за Н.Д. Арутюновой, понимаем результат сопоставления реальных свойств оцениваемого объекта с идеализированной моделью мира, соответствие которой связано с понятием хорошего, а несоответствие по какому-либо из присущих ей параметров — с понятием плохого [Арутюнова 1988, с. 59].

Оценка — многоплановое и сложное понятие. Оценку можно рассматривать с точки зрения структуры (оценивающий субъект-

ект, объект оценки, характер оценки и её основания), типа (утилитарная, гедонистическая, этическая и т.д.), языковых средств, которыми она выражается (грамматические, интонационные), способа выражения (эксплицитная, имплицитная).

На данный момент нет единой классификации оценочных значений. Одной из самых активно используемых классификаций оценок является классификация, предложенная Н.Д. Арутюновой. Прежде всего, она разделяет оценки на общие и частные. Общая оценка представляет собой холистическую оценку и связана с аксиологическим итогом [Арутюнова 1988, с. 75]. Частная оценка более разнообразна, так как связана с определённым аспектом рассматриваемого объекта. Среди частных выделяются три группы оценок: 1) сенсорные, связанные с ощущениями и чувственным опытом; 2) сублимированные, «гуманизирующие» сенсорные оценки; 3) рационалистические, непосредственно связанные с практической деятельностью человека [Арутюнова 1988, с. 77]. Классификация Н.Д. Арутюновой не раз становилась предметом дискуссий. Так, Н.В. Сердобольская и С.Ю. Толдова отмечают, что классификация Н.Д. Арутюновой ориентирована на оценку объекта, а не на оценку ситуации. Они предлагают свою классификацию, которая лишь частично совпадает с классификацией Н.Д. Арутюновой, разделяя все оценки на: 1) интеллектуальные; 2) истинностные; 3) универсальные; 4) психологические; 5) дедуктивные; 6) вероятностные; 7) временные; 8) количественные [Сердобольская, Толдова 2005, с. 437]. Сложно возразить А.А. Алексеевой, которая подчёркивает, что большинство классификаций оценок «строятся на материале словарей или корпусов текстов, основную часть которых составляют художественные и публицистические произведения» [Алексеева 2019, с. 7]. Возможно, именно этот факт не позволяет применить существующие классификации к аудиозаписям, отражающим педагогический дискурс, так как оценочные единицы часто не вписываются в рамки разработанных классификаций.

В статье предпринята попытка описать типы оценок, встречающиеся в речи преподавателей в рамках педагогического дискурса.

Наличие общей холистической оценки является одной из характерных черт педагогического дискурса. Преподаватели склонны оценивать как самих студентов и их работу на занятии, так и компоненты профессиональной деятельности (учебные пособия, образовательные ресурсы, подготовку к урокам). Холистическая оценка в речи преподавателей РКИ может быть как прямой, так и косвенной.

Холистическая прямая оценка выражается на лексическом уровне языковыми единицами, имеющими положительное или отрицательное значение — прилагательными «хороший», «плохой»: «*Это вы **хороший** вопрос задали*», «*Желаю вам **хороших**/многочисленных студентов на этой платформе*», «*Нужно просто найти **хорошего**/опытного преподавателя*», «*Девочка одарённая/ и очень **плохая**/ как мне показалось вначале/ память*», «*Конечно/ у нас столько людей с синдромом самозванца/ что я бы в последнюю очередь переживала/ что студент получит **плохой** урок по оверпрайсу// Гораздо вероятнее/ это будет **хороший** урок за копейки*». Оценка также может выражаться синонимичными (в т.ч. контекстуальными) единицами рассмотренных выше прилагательных: «*Если преподаватель **сильный** методист/ вы/ скорее всего/ не узнаете/ что он противный человек*», «*На одном подфаке была **ужасная** оплата/ но коллектив **отличный***», «*Всегда считаю/ что полторы тысячи за час/ это ужас **ужасный***», «*Ок/ значит/ в любом случае **правильная** схема обучения будет такой...*». Наряду с прилагательными яркое оценочное значение могут иметь и существительные: «*А теперь внимательно подумайте// Сказали всякую **хреновень***», «*Такую **прелесть** увидела [у ученика] в тетради*». Интересно отметить, что положительная оценка преобладает в педагогическом дискурсе. Преподаватели стараются быть менее категоричными и склонны подмечать положительные стороны.

Косвенная холистическая оценка также связана со шкалой «хорошо-плохо», но выявляется не только на уровне конкретных лексем. В первую очередь оценка может выражаться сравнением и реализовываться через синтаксические средства, а именно конструкции с союзом «как»: «*Ну что вы на задание смотрите/ **как на новые ворота!***» (прим. сравнение с бараном, которое тактично опущено, является указанием на неосведомлённость студента). Другим характерным для преподавателей способом дать оценку является использование фразеологизированных конструкций: «*Станислав/ **не тяните кота за хвост**/ вы всё знаете/ отвечайте*» (прим. глубинное содержание — «вы очень медленно и неуверенно отвечаете, чем провоцируете моё раздражение, ваш ответ плох»), «*Ну/ чего вы **ждёте**/ Роберт? У моря погоды?*» (прим. глубинное содержание — «отвечайте быстрее, вам никто не подскажет»), «*Так/ какие-нибудь вопросы есть по этой лексике? Все запомнили эти слова? Молчите/ как будто **воды в рот набрали***» (прим. выражение недовольства неактивностью аудитории). Оценка может выявляться и на прагматическом уровне. Ярким примером является использование преподавателями такой речевой тактики,

как описание своего внутреннего состояния для оценивания ситуации или действий студентов: *«Вот вы так хорошо сегодня рассказывали/ все отвечали/ что преподаватель испытала блаженство»*, *«Я внутри содрогнулась от вашего ответа!»*, *«Хуан/ вы так Цветаеву читали на Дне Пушкина// У меня аж сердце сжалось»*.

Кроме общей холистической оценки в педагогическом дискурсе функционируют и частные оценки. Если следовать классификации Н.Д. Арутюновой, то можно утверждать, что в рассматриваемом дискурсе преобладают сублимированные и рационалистические оценки.

Среди сублимированных оценок часто встречается этическая оценка, т.е. оценка, базирующаяся на понятиях норм морали. Оценке подлежит поведение коллег, иными словами, этической оценке чаще всего подвергаются сами субъекты — преподаватели, на что указывают качественные прилагательные с соответствующим значением: *«Важно чтобы была не только методика/ но ещё и преподавательская этика заложена»*, *«Сохраняя коллегиальную этику/ я не высказываюсь по этому поводу»*, *«Мы с коллегами часто учениками или курсами делились/ просто есть профессиональная этика»*, *«Есть этика преподавателя/ так как час занятий стоит достаточно дорого/ тратить время на проверку дэзз при ученике не совсем правильно»*. Если же этическая оценка направлена на ученика, то ей подвергаются не личные качества учащихся, а их поведение в рамках осуществления профессиональной коммуникации, т.е. во время занятий. В этом случае оценка преимущественно реализуется через наречия со значением «несоответствия правилам или ожиданиям»: *«Это недопустимо в университете»*, *«Если она огрызалась/ скандалила/ то конечно неприемлемо/ а задавать вопросы по учебному процессу она имеет право»*, *«Я человек/ а не чья-то собственность/ и подобное поведение недопустимо не только в ситуации студент/ преподаватель»*.

Можно утверждать, что более всего распространены в педагогическом дискурсе рационалистические оценки: утилитарные, нормативные, телеологические.

Предметом утилитарной оценки, связанной с критерием пользы или её отсутствием, выступает качество образовательных услуг, учебных материалов, проведённых занятий, а также, в силу специфики преподавания РКИ, рост уровня языка у учащихся. Утилитарная оценка на грамматическом уровне реализуется через прилагательные, существительные, наречия с корнем «польз-»: *«Плюс коллеги делятся полезными материалами/ рабочими листами»*, *«В любом случае/*

материалы по песням очень **полезны**», «Домашние задания/ вещь хоть и **полезная**/ но не всегда», «Если вы сами **не видите пользы** в изучении русского/ то вы вряд ли сможете её транслитировать неопределившимся ученикам», «Я **не вижу большой пользы** в том чтобы она читала мне статьи вслух». Оценка может приобретать негативный характер, который подчёркивается антонимичными по смыслу прилагательными: «Словари не скажу что **бесполезны**/ но не совсем то», «Это тратит время урока студента и **бесполезный формат**», «Вообще/ я не видела за семнадцать лет педагогической практики **бесполезных учебников/ всё от цели зависит**», «Зазубривать **бесполезно**/ если не понимают», «Работа преподавателем имеет **вредные факторы**», «Не буду здесь развивать **вредное мнение о методике**».

Доминирование утилитарной оценки, по нашему мнению, свидетельствует об особой черте ценностной системы респондентов. Преподаватели сфокусированы на том, чтобы их профессиональная деятельность (а также способствующие ей материалы) приносила пользу.

Преподаватели также склонны давать нормативную оценку. Она, в соответствии со спецификой преподавательской деятельности, часто реализуется как «оценка в баллах»: «Если [скажешь] на экзамене любых/ всё/ садись **два**», «Это ответ на **пятёрку**», «Это вполне заслуженная **двойка** на экзамене». Это типичная черта для педагогического дискурса, которая отделяет его как от других типов институционального дискурса (медицинского, религиозного, политического), так и от личностного (обиходного, бытийного), где норма маркируется через другие показатели. Однако больший интерес представляет то, что само понятие нормы в профессиональном педагогическом дискурсе отличается от понятия нормы в других институциональных и личностных дискурсах. Значение нормы в педагогическом дискурсе можно сформулировать как «в соответствии с **ожиданиями преподавателя**», а не «не имея отклонений от нормы», «естественным образом». Нормативная оценка лучше всего прослеживается в использовании наречия «нормально»: «Им надо разжёвывать/ сами не хотят даже в словарь смотреть/ **нормально сесть и сделать дэээ**», «Чтобы **нормально подготовиться** [к экзамену] по моему мнению/ не меньше полугода надо заниматься/ каждый день», «Реально лучше один человек/ который готов **заниматься нормально**/ чем десять которые будут нервы трепать», «Фонетика да/ лучше с носителями/ и то/ **могут не объяснить нормально**», «Она всё **нормально слушает**/ изучает».

Таким образом, можно утверждать, что за норму в педагогическом дискурсе принимается некое представление преподавателей о том, как должен проходить образовательный процесс и как должны вести себя его участники. На наш взгляд, это прямое отражение ценностных установок, укрепившихся в профессиональной картине мира преподавателей.

В профессиональном педагогическом дискурсе имеет место и телеологическая оценка, т.е. оценка достижения (или не достижения) некой цели. Наличие этого типа оценки (равно как и утилитарной) свидетельствует об особом взгляде преподавателей на свою деятельность. Достижение результата *студентами*, безусловно, является одной из основополагающих ценностей в их профессиональной картине мира. Телеологическая оценка реализуется как на уровне семантического значения лексемами с общим значением «приводя к желаемому результату, отличаясь высоким уровнем исполнения», так и через грамматические средства — степеней сравнения (выражающихся как аналитически, так и суффиксально): «*Какие знания необходимы человеку/ чтобы **качественно/ эффективно/ успешно** преподавать иностранный язык?*», «*Чем больше погружения в язык/ тем быстрее и **эффективнее** обучение/ тем **крепче** нейронные связи*», «*Чтобы обучение языку шло **эффективно**/ студенту должно быть психологически комфортно*», «***Неэффективные** занятия влияют на мотивацию ученика*», «*Надо использовать **наиболее эффективные** пособия и платформы*», «*Этому **наиболее качественно** учат специалисты-русисты*», «*Именно **качественные** уроки занимают по подготовке гораздо больше времени/ чем занятия чисто по грамматике*», «*Этот у-эм-ка считается **наиболее удачным** для работы на базовом уровне на подфаке*», «*С таким количеством [студентов] можно **вполне успешно** работать/ если ещё к тому же все одного уровня*», «*У первой своя методика/ причём **достаточно успешная***».

Собранный эмпирический материал позволяет говорить о том, что оценочность пронизывает весь педагогический дискурс. Специфика профессионального педагогического дискурса заключается в типах используемых оценок. Общая холистическая оценка выражается как прямо, так и косвенно, и чаще содержит положительную коннотацию. Частные оценки преимущественно представлены рациональными типами (утилитарная, нормативная, телеологическая), что указывает на ценностный аспект преподавательской профессиональной картины мира: для них важно приносить пользу своей деятельностью, добиваться поставленных целей, следовать определённым стандартам (нормам).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 5—15.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Бейлинсон Л.С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. 2009. № 1. С. 145—149.
4. Голованова Е.И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1. С. 32—35.
5. Новикова О.В. Категория оценочности в языке прозы В.П. Некрасова: дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1994. 203 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2007. 101 с.
7. Речицкая С.В. Понятие «дискурс» в современной лингвистике // Философия и наука в культурах Запада и Востока: сб. статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2018. С. 107—108.
8. Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Оценочные предикаты: тип оценки и синтаксис конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: труды Международной конференции «Диалог'2005». М.: Наука, 2005. С. 436—443.

Ли Цзин

Дальневосточный федеральный
университет
li.tczin1@dvfu.ru

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА
ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В статье анализируются языковые средства реализации коммуникативной стратегии презентации образа высшего учебного заведения в социальной сети «ВКонтакте». Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью социальных сетей в формировании имиджа вузов и необходимостью изучения региональных особенностей их презентации. Выделяются четыре основные доминанты, посредством которых реализуется указанная стратегия: активность вуза, его достижения, качество образования, сочетание традиций и инноваций.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, стратегия презентации, образ высшего учебного заведения, социальная сеть

Li Tczin

Far Eastern Federal University

**Language Means of Presenting
the Image of a Higher Education Institution
in Social Networks: A Regional Aspect**

The article analyzes the language means of implementing a communicative strategy for presenting the image of a higher educational institution on the VKontakte social network. The relevance of the study is due to the growing role of social networks in shaping the image of universities and the need to study the regional features of their presentation. There are four main dominants through which this strategy is implemented: the activity of the university, its achievements, the quality of education, a combination of traditions and innovations.

Keywords: communicative strategy, communicative tactic, presentation strategy, image of a higher educational institution, social network

В текущую эпоху цифровой коммуникации социальные сети становятся инструментом для формирования имиджа компаний и предприятий — как государственных, так и частных. Не являются исключением и высшие учебные заведения, для которых ведение страниц в социальных сетях — это не только способ информирования широкой аудитории о жизни вуза, но и инструмент рекламы, платформа для выстраивания собственного уникального образа.

Цель нашего исследования — выявить языковые средства реализации коммуникативной стратегии презентации образа вуза в социальных сетях с учётом регионального аспекта. В качестве материала использованы посты из официальных групп в социальной сети «ВКонтакте» семи российских университетов, расположенных в разных регионах страны:

- Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);
- Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск);
- Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону);
- Северный (Арктический) федеральный университет (г. Архангельск);
- Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград);
- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
- Санкт-Петербургский государственный университет.

В определении ключевых понятий мы следуем за О.С. Иссерс, в работах которой *коммуникативная стратегия* трактуется как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, или «глобального намерения», а *коммуникативная тактика* — как одно или несколько действий, которые способствуют реализации коммуникативной стратегии [Иссерс 2008, с. 50]. Стратегию презентации в широком смысле можно интерпретировать как «общее понятие для ряда частных стратегий, реализация которых позволяет объективировать, активировать и со-активировать в коммуникации разнообразные сведения о многочисленных качествах субъекта той или иной категории» [Гришаева 2024, с. 94].

Как показали наши наблюдения, в исследуемом материале коммуникативная стратегия презентации образа вуза реализуется на основе четырёх основных доминант: *активность, достижения, качество образования, сочетание традиций и инноваций*. Рассмотрим, как каждая из них репрезентируется в анализируемых текстах.

Демонстрация активности вуза осуществляется в двух направлениях: 1) университет представляется как организатор масштабных событий; 2) сообщается об участии представителей университета в значимых научных, общественных, культурных, спортивных событиях.

В первом случае основная тактика заключается в демонстрации инициативы и способности вуза к организации значимых мероприятий: *ДВФУ в этом году уже в пятый раз выступает организатором* направления «Востоковедение: китаеведение, корееведение, японоведение» Всероссийской олимпиады студентов «Я — профессионал» (23.01.2023, ДВФУ); *Северо-Восточный федеральный университет выступил организатором* дискуссионных площадок Январского совещания работников образования (21.01.2025, СВФУ); *В честь 35-летия генетической службы республики стартовала V межрегиональная научно-практическая конференция* «Актуальные вопросы медицинской генетики на Крайнем Севере». *Со-организатором* научного мероприятия *выступает СВФУ* (06.06.2024, СВФУ); *В САФУ прошёл III Российско-китайский видеомост*, посвящённый взаимодействию в лингвистике и педагогике в эпоху цифровизации (12.12.2024, САФУ).

Анализ приведённых примеров позволяет выделить ключевые языковые средства, используемые для подчёркивания организаторской роли вуза: акцентные глагольные конструкции («выступил организатором», «стартовала конференция», «прошёл видеомост»). Дополнительными тактиками при этом являются тактики указания на масштабность мероприятия (например, *всероссийская олимпиада*, *межрегиональная научно-практическая конференция*), а также на их регулярность (*в пятый раз выступает*; *пятая конференция*, *3-й видеомост*).

Во втором случае активность вуза демонстрируется посредством указания на вовлечённость его сотрудников и обучающихся в различные мероприятия, проводимые за его пределами. Например: *Учащиеся ДВФУ приехали на Всемирный фестиваль молодёжи*, который проходит на федеральной территории Сириус — здесь собрались **20 000 участников из 188 стран мира и 5000 волонтёров**, в число которых также вошли наши студенты! (02.03.2024, ДВФУ); *Делегация САФУ участвует в стратегической сессии* по обновлению проекта развития научно-образовательных центров **мирового уровня** (21.03.2025, САФУ); *СВФУ присоединился к Всероссийской акции* «Свеча памяти» (08.05.2024, СВФУ); *БФУ вступил в состав кластера предприятий высоких технологий и инжиниринга*

«Креономика» (05.02.2025, БФУ); СПбГУ участвует в ПМЭФ! Наши ведущие эксперты выступают на круглых столах и дискуссиях, посвящённых ключевым вопросам глобальной экономики, а также здравоохранения, цифровизации, образования и науки (07.06.2024, СПбГУ).

Как и в первой группе, в данном случае дополнительными тактиками также выступают указание на масштабность (20 000 участников из 188 стран) и статус (Всемирный фестиваль молодёжи, Всероссийская акция).

Вторая доминанта — достижения вузов — реализуется в трёх основных направлениях: 1) вклад в развитие и улучшение жизни региона, страны, планеты; 2) победы преподавателей и студентов; 3) позиции в рейтингах.

Вкладом в развитие и улучшение жизни считаются новые разработки, результаты исследований и образовательной деятельности, например: В Северном (Арктическом) федеральном университете было подготовлено более двух тысяч высококвалифицированных специалистов, которые работают не только в Архангельской области, но и в других регионах страны (21.03.2024, САФУ); Разработка защитит сельскохозяйственные посевы от насекомых-вредителей и патогенных микроорганизмов (10.06.2024, ЮФУ); Студентка #СПбГУ Елизавета Чуришуква рассказала, что нововведение также позволит снизить углеродный след и тратить меньше ресурсов нашей планеты (30.09.2022, СПбГУ).

Не менее значимы победы и успехи преподавателей и сотрудников. Например: Молодой учёный из ЮФУ занял второе место на II Всероссийской школе НЦФМ (30.05.2024, ЮФУ); Русский народный спорт: проект преподавателя ДВФУ победил в конкурсе «Море возможностей» (31.05.2024, ДВФУ); 11 учёных #СПбГУ стали лауреатами премии Правительства Петербурга за выдающиеся результаты в области науки и техники, а также в сфере высшего и среднего профессионального образования (31.05.2024, СПбГУ); Профессор СВФУ Инга Никулкина выиграла грант РФФИ в размере двухсот тысяч евро (11.02.2020, СВФУ).

Важным аспектом является также позиционирование вузов в рейтингах. Например: БФУ в топ-20 в рейтинге RAEX. По пяти направлениям Балтийский федеральный вошёл топ-20 лучших вузов страны (24.05.2024, БФУ); Эндаумент-фонд СВФУ признан одним из лучших в стране! Университет занял 2-е место в рейтинге Минобрнауки России в номинации «Цитадель инвестиций в будущее» (13.12.2024, СВФУ); СПбГУ — в топ-5

лучших университетов стран БРИКС по версии Ассоциации составителей рейтингов (18.10.2024, СПбГУ).

Третья доминанта — *качество образования* — проявляется в указании на наличие квалифицированных преподавателей, предоставление студентам практики, разнообразие дисциплин и инновационных образовательных технологий. В таких постах указывается, что процесс обучения осуществляется в соответствии с высокими стандартами и с привлечением уникальных ресурсов. Например: *Синхронный перевод (обучению будущих синхронистов помогает специальное оборудование — оно очень редкое, однако ЮФУ входит в число немногочисленных вузов, которые такой возможностью располагают) (22.03.2024, ЮФУ); Проект «Цифровая кафедра» — это программа профессиональной переподготовки, предусмотренный федеральным проектом национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (20.12.2023, ЮФУ); С того момента ведущие эксперты филиала ведут подготовку студентов по востребованным дисциплинам согласно высоким стандартам Московского университета (19.03.2024, МГУ).*

Качество образования в представленных примерах маркируется посредством лексики с семантикой уникальности и инновационности («редкое оборудование»), глагольных конструкций, указывающих на специфику образовательного процесса («помогает оборудование», «ведут подготовку»), а также сочетаний, указывающих на соответствие государственным и международным стандартам («федеральный проект», «высокие стандарты», «согласно стандартам Московского университета»). Данные языковые средства объективно демонстрируют уровень образовательных услуг и соответствие современным требованиям академической среды.

Наконец, четвёртая доминанта — *указание на ценность традиций и значимость инноваций*. Ценность традиций демонстрируется через уважение к истории и культуре страны, региона, города, к родному языку: *Студенты и сотрудники университета приняли участие в выставке клубов исторической реконструкции Приморского края, где прикоснулись к артефактам трёх эпох и узнали больше о ключевых событиях в истории России, таких как Великая Отечественная и Первая Мировая войны, а также о военно-тактических играх в Приморском крае (01.03.2024, ДВФУ); С 3 по 7 июня Студсовет ШИГН, ВИ-ШРМИ и ШП ДВФУ проводят неделю, посвящённую русскому языку и Дню рождения А.С. Пушкина (02.06.2024, ДВФУ);*

Студенты и преподаватели разных вузов страны, а также профессиональные художники **представили в Университете свои работы, посвящённые поэтизированному образу Петербурга** — города, который воспел в своих стихотворениях Александр Пушкин (30.05.2024, СПбГУ).

В свою очередь, следование инновационному пути демонстрируется посредством указания на использование новейших технологий и разработок. В частности, об этом свидетельствует активное использование слов с приставками «нео-», «нано-», «нейро-»: Конференция **«Нейронауки в XXI веке: проблемы и перспективы»**, одним из организаторов выступает СВФУ (30.05.2024, СВФУ); Учёные Академии биологии и биотехнологии ЮФУ вместе с коллегами из других российских вузов, Китая, Индии и Польши **разработали способ получения наносеребра из сока цитрона** (10.06.2024, ЮФУ); **Неокампус@ikbfu**: стартовали отделочные работы в одном из общежитий кампуса (11.06.2024, БФУ); Благодаря строительству кампуса у нас сложилось **опережающее развитие будущее**. В рамках форума запланированы доклады **о новейших научных достижениях** (19.03.2024, МГУ).

Обращают на себя внимание и словосочетания **«опережающее развитие будущее»**, **«новейшие научные достижения»**, которые также указывают на стремление к инновационности.

Помимо ключевых доминант, которые выявлены в постах каждого вуза, о специфике презентации каждого учебного заведения говорит и отражение некоторых их региональных особенностей. Региональная специфика семи вузов определяется их стратегическим позиционированием в контексте геополитического, экономического и культурного своеобразия территорий, на которых они функционируют.

Так, региональная специфика ДВФУ проявляется в фокусе на ключевых областях науки и образования, соответствующих особенностям Дальнего Востока и стран Азиатско-Тихоокеанского региона. К основным направлениям исследований и образовательным программам, о которых сообщается в постах, относятся: востоковедение; взаимодействие со странами АТР в различных научных, экономических и других сферах; биотехнологии: **ДВФУ... выступает организатором направления «Востоковедение: китаеведение, корееведение, японоведение»** (23.01.2023, ДВФУ); **Открылась первая в России Передовая инженерная школа для работы со странами АТР в нефтегазовом секторе** (13.02.2025, ДВФУ); **Это ЕДИНСТВЕННАЯ школа на Дальнем Востоке и одна из трёх в России по био-**

технологической специализации, получивших статус Передовых инженерных школ федерального значения (03.07.2023, ДВФУ).

Северо-Восточный федеральный университет позиционирует себя как центр исследований, интегрирующий приоритеты устойчивого развития северных территорий, что отражается в ведущих направлениях его деятельности: атомная энергетика; горное дело и геологоразведка; сохранение языкового и культурного наследия: **Участники экспертной дискуссии «Проекты опережающего развития азиатской России: энергетика доверия» обсудили сооружение наземной атомной станции малой мощности «РИТМ-200Н» и модульных атомных реакторов на севере Якутии (28.03.2024, СВФУ); Одно из преимуществ обучения в горном институте и геологоразведочном факультете — это оплачиваемые производственные практики, которые входят в трудовой стаж (21.05.2024, СВФУ); Конкурс был посвящён Дню родного языка и письменности в Якутии и 25-летию кафедры восточных языков и страноведения (17.02.2025, СВФУ).**

Южный федеральный университет позиционирует себя как важный образовательный и научный центр для южных регионов России. К основным направлениям исследований и образовательным программам относятся: сельское хозяйство; судоходство; экология и водные ресурсы: **В преддверии этой даты учёные ЮФУ провели исследование на пробах почвы всей территории дельты Дона для определения закономерностей распространения полициклических ароматических углеводородов (ПАУ), опасных для здоровья человека и сельского хозяйства (25.11.2023, ЮФУ); Рассказываем, как в лаборатории «Наноструктурные материалы для электрохимической энергетике» ЮФУ разрабатывают новый экологичный вид топлива для морских судов (29.09.2022, ЮФУ); Сотрудники Института наук о Земле ЮФУ изучают экологическое состояние озёр юга европейской части России (25.11.2024, ЮФУ).**

Северный (Арктический) федеральный университет — ключевой научно-образовательный центр, специализирующийся на решении экосистемных, технологических и социальных вызовов Арктики. В числе ключевых направлений исследований, на которые делается акцент в постах, — арктические исследования; водные биоресурсы и рыбное хозяйство; морские технологии: **В САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск) состоится Арктическая научная школа для молодых учёных (21.03.2024, САФУ); Международный форум «Арктические рубежи» в третий раз собрал студентов со всего мира, чтобы обсудить**

проблемы устойчивого развития (04.03.2018, САФУ); На пленуме научно-методического совета **по рыбному хозяйству** участники обсудили **перспективы совместных проектов и образовательные инициативы САФУ в сфере водных биоресурсов** (11.10.2024, САФУ); Студент направления «Судовождение» Арсений Аруев испытал на себе экипировку моряков в **Высшей школе рыболовства и морских технологий** (14.02.2025, САФУ).

Балтийский федеральный университет — ведущая научно-образовательная платформа Балтийского региона, которая решает экологические, технологические и социальные задачи Калининградской области. В числе приоритетных направлений — океанология и морские исследования; инновационные материалы и медицина: БФУ **активно готовит специалистов-океанологов** (08.06.2024, БФУ); С 3 по 5 февраля в стенах Кантзианы пройдут лекции, семинары, интенсивы, лабораторные практикумы **по актуальным направлениям морских исследований**: морская биология, климатический и экологический мониторинг морей, геология и геофизика Балтики (04.02.2025, БФУ); Учёные БФУ предложили **использовать коллаген из медуз для лечения ран и ожогов** (07.02.2025, БФУ).

В отличие от рассмотренных выше вузов, МГУ и СПбГУ являются классическими университетами с более длительной историей. Вследствие этого анализ их постов в социальных сетях не позволяет выделить «региональный компонент». Оба этих вуза позиционируют себя как классические университеты, делающие акцент на фундаментальные исследования, на историю и традиции. В связи с этим на странице МГУ, например, ведутся тематические рубрики, посвящённые жизни и достижениями великих учёных, истории научных открытий, разработок: **Сегодня — 191 год со дня рождения Дмитрия Менделеева. Рассказываем малоизвестные факты об одном из самых великих учёных России** (08.02.2025, МГУ); **15 марта 1948 года было принято постановление Совета министров СССР № 803, предписывавшее «построить в течение 1948—1952 годов для Московского государственного университета новое здание на Ленинских горах»** (29.11.2024, МГУ).

В свою очередь, в постах на официальной странице СПбГУ много внимания уделяется Петербургу как культурной столице России, его истории: **Петербург — 319! Казалось бы, история города изучена досконально, но до сих пор существует множество легенд о его строительстве** (27.05.2022, СПбГУ); **Выставку о 300-летней истории служения Университета стране представили в Заксобрании Петербурга** (07.02.2025, СПбГУ).

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить способы реализации коммуникативной стратегии презентации образа вуза, используемые российскими университетами для конструирования имиджа в социальных сетях. Мы видим, что региональный аспект выступает основой для формирования уникального образа учебного заведения, интегрируя локальные особенности в глобальный образовательный дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гришаева Л.И. Презентация субъекта как коммуникативная стратегия: условия для реализации, причины и следствия трансформаций // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2024. № 21. С. 94—138.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Менжулина Дарья Евгеньевна
Дальневосточный федеральный
университет
menzhulina.de@dvfu.ru

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧЕЛОВЕКЕ В ПУБЛИЧНОМ ДИАЛОГЕ

Статья посвящена роли метафорического переноса в структурировании представлений о человеке в публичном диалоге на материале расшифрованных записей телепередачи «Белая студия». Опираясь на положения когнитивной теории метафоры, автор анализирует, как концептуальные структуры из сферы-источника используются для осмысления и объяснения природы человека, со всем многообразием его проявлений и со всеми экзистенциальными вопросами, которыми он задаётся.

Ключевые слова: метафорический перенос, когнитивная метафора, публичный дискурс, диалог, человек

Menzhulina D.E.
Far Eastern Federal University

Metaphorical Structuring of Conceptions of the Human Being in Public Dialogue

This article explores the role of metaphorical transfer in structuring conceptions of the human being in public dialogue, drawing on transcriptions from the television program “White Studio”. Based on the principles of cognitive metaphor theory, the author analyzes how conceptual structures from source domains are used to comprehend and explain human nature, with all its diverse manifestations and the existential questions it raises.

Keywords: metaphorical transfer, cognitive metaphor, public discourse, dialogue, human

Многие учёные обращали внимание на метафоричность человеческого сознания (А. Ричардс, Э. Маккормак, М. Блэк [Ричардс 1990; Маккормак 1990; Блэк 1990] и др.). Это наблюдение о метафоричности человеческого мышления легло в основу когнитивной теории метафоры, получившей широкое распространение благодаря работам Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Они выдвинули тезис о том, что метафора возникает не потому, что она нужна, а потому, что без неё невозможно обойтись. «Метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами *процессы мышления человека в значительной степени метафоричны* (выделено нами. — Д.М.). <...> Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека» [Лакофф, Джонсон 2004, с. 27].

Метафора понимается исследователями как когнитивный процесс, посредством которого структуры знания из одной концептуальной области (сферы-источника) используются для структурирования другой (сферы-мишени). Этот процесс метафорической проекции, часто однонаправленный, позволяет переносить характеристики и отношения из знакомой области (или более понятной) в менее знакомую (менее понятную), обеспечивая тем самым понимание и категоризацию окружающего мира. Данная статья посвящена исследованию того, как этот механизм метафорического переноса проявляется в публичном диалоге и структурирует целые коммуникативные эпизоды [Баранов 2004, с. 7—21].

Материалом исследования послужили расшифрованные записи передачи «Белая студия» (канал «Культура»). Телепередача представляет собой интервью с представителями творческих профессий, среди которых режиссёры, актёры, художники, поэты, писатели, композиторы, музыканты и др. Особое внимание в интервью уделяется произведениям, которые оказали влияние на становление личности гостей, на их творчество и мировоззрение. Такое акцентирование приводит к тому, что человек как феномен часто становится предметом обсуждения, в результате которого коммуниканты пытаются объяснить, что значит быть человеком через отвлечённые предметы и свой опыт обращения с ними. Подсвечивая ту или иную характеристику личности, характера или состояния, коммуниканты переносят свой опыт взаимодействия с окружающим миром на человека со всем многообразием его проявлений и со всеми экзистенциальными вопросами, которыми он задаётся.

Например, в интервью Дарьи Златопольской с актёром и кинорежиссёром Юрием Быковым коммуниканты, говоря о фильме «Дурак», переходят к обсуждению героев фильма, а после и к обсуждению человеческой природы и предназначения человека в целом. Они выделяют особый тип человека, который «стремится / не боится идти туда, где можно потерять вообще всё». Юрий Быков называет такой тип человека, который не может не делать, горящим шаром, что приводит

к возникновению метафоры ЧЕЛОВЕК — ГОРЯЩИЙ ШАР. Это первое упоминание «горящего шара» в интервью. Данный перенос обусловлен не контекстом или индивидуальным опытом говорящего, а устойчивой связью огня со страстью (к какому-то делу), что отражено в одном из закреплённых значений глагола «гореть», т.е. «быть охваченным каким-л. сильным чувством, со страстью отдаваться какому-л. чувству» [Словарь русского языка 1999, с. 254].

Быков: Он человек/ который свой максимализм не перерос/ и это не плохо не хорошо/ это вот то что говорит Артём/ это то как же он сказал/ вот на таких людях всё держится/ так вот/ мне кажется что если мы говорим про Диму Никитина/ есть люди которые действительно чувствуют себя в моменте/ как вот вы сказали там/ не могущими не идти и не вести за собой/ он своё дело сделал// Если ты чувствуешь что ты можешь по-другому и ты знаешь как/ но пытаешься ради тщеславия оставаться Димой Никитиным это зло/ потому что ты уже по сути не являешься вот этим/ как сказать/ горящим шаром/ а пытаешься его имитировать//

Златопольская демонстрирует понимание и согласие с высказыванием режиссёра (*Очень точно// Как вы правильно сейчас очень точно сказали...*), продолжая беседу в рамках предложенного метафорического переноса (*...ты не можешь имитировать что ты горящий шар/ в этом проблема многих людей/ которые пытаются имитировать что они горящие шары/ а на самом деле у них как бы другие цели и задачи//*). Метафора не развивается и не структурирует отрывок, несмотря на принятие ведущей предложенной знаковой системы, так как гостю интервью важнее развить (закончить) раннее начатую мысль. На возвращение к этой мысли указывает метатекстовый маркер *«Возвращаясь к тому о чём мы говорили...»*. Тем не менее в результате этого возвращения мы можем уточнить мишень метафорического переноса: по мнению Юрия Быкова, горящим шаром является не любой человек и не каждый творческий человек, а человек, который понял своё предназначение. В результате можно проследить, как на протяжении небольшого отрывка интервью продолжительностью меньше двух минут происходит сужение мишени метафорического переноса: Человек — это горящий шар → человек (который понял своё предназначение) — это горящий шар. В процессе обсуждения подсвечиваются и уточняются разные характеристики человека, наиболее важные для коммуниканта в конкретный момент беседы, и обозначаются условия, при которых человек действительно является «горящим шаром» или только «имитирует» его (*Понять*

своё предназначение и быть равным ему/ это счастье/ понять своё предназначение и не быть ему равным/ это несчастье/ а не понять своё предназначение/ ещё большее несчастье//).

В ходе дальнейшей беседы Златопольская спрашивает гостя, в каком из этих трёх состояний сейчас находится он сам, и, отвечая на вопрос ведущей, Быков возвращается к заданной ранее знаковой системе, говоря о том, что быть горящим шаром он не хочет. Метафора ЧЕЛОВЕК — ГОРЯЩИЙ ШАР структурирует дальнейший отрывок интервью, в котором состояние, когда человек действует из внутренней необходимости и без осмысления себя, представляется горящим шаром, который не может остановиться или измениться, только сгореть или стать чёрной дырой. Кроме этого «горящий шар» может подвергаться внешнему воздействию: его могут пытаться затушить, посыпая песком, т.е. мешать осуществлению предназначения.

Златопольская: *А вы в каком из этих трёх?*

Быков: *Я сейчас в понимании нахожусь// В понимании своего предназначения// Я не могу вам соврать// Знаете/ если я сейчас скажу/ что я чётко понял/ что мне нужно делать.../*

Златопольская: *Вы находитесь в процессе понимания своего предназначения//*

Быков: *Что мне делать дальше?*

Златопольская: *Конечно// Но до конца ещё не.../*

Быков: *Нет/ потому что по разным обстоятельствам я уже понял.../ Понимаете/ какая штука? Я/ во-первых/ очень сильно разочаровался во многих других.../ и явлениях/ и людях/ которые мне казались безупречными// Оказалось/ что это очень не так/ как мне казалось/ и что под этим была такая/ оказывается/ даже не то/ чтобы фальшивая/ это немножко наивно так обозначать/ но такая/ скажем/ конформистская/ конструктивная опора/ что меня аж в пот вбросило в какой-то момент/ как я наивно себе представлял/ как всё устроено// Соотнося с этим себя/ я и в себе обнаружил такие же вещи// И вдруг начал понимать/ что я/ наверное/ не бесталанный человек// Но хочу ли я оставаться в состоянии наивности? Нет// Хочу ли я быть горящим шаром? Тоже нет// То есть я хочу действительно понять/ что я из себя представляю//*

Златопольская: *Пока немножечко вы горящий шар.../ Несмотря на всё.../*

Быков: *Ну нет/ нет нет// Знаете/ я вообще думаю что горящий шар.../*

Златопольская: *Несмотря на весь песок/ которым вас посыпают//*

Метафора ЧЕЛОВЕК — ЭТО ГОРЯЩИЙ ШАР структурирует два коммуникативных эпизода интервью, объединённых одной темой. Беседа модерировается ведущей, которая вводит совершенно новую тему с помощью вопроса (*Вот вам нравится фильм «Побег из Шоушенка»?*). Обращение к значимому для гостя произведению — частотный приём, используемый в интервью. Все гости телепередачи перед беседой предоставляют список значимых для них книг и фильмов, поэтому этим вопросом Дарья Златопольская не делает новое предположение, а просит подтвердить информацию, которая у неё уже есть. После получения подтверждения ведущая предлагает собеседнику свою интерпретацию идеи фильма для дальнейшего обсуждения. Принимая тему, Быков создаёт структурную метафору ЧЕЛОВЕК (разум человека) — ЭТО ТЮРЬМА. В ходе исследования тюрьма встречалась как сфера-источник для метафорического осмысления разных явлений. Например, с идеей несвободы, заключения в тюрьме прочно связано представление людей о любви. В данном фрагменте интервью актёр переносит опыт физического заключения в неволе на состояние, когда человек «заключён» в своих чувствах, в частности в чувстве вины, и сам становится собственной тюрьмой. В качестве примера коммуникант приводит сюжет упомянутого фильма, в котором главный герой жил в тюрьме 30 лет, но свободным стал не после побега, а только после того, как смог простить сам себя за смерть жены. Быков противопоставляет это состояние «заключения» в себе чувству внутренней свободы, только обретая которое, по его мнению, человек может быть счастлив. Златопольская принимает предложенную знаковую систему и продолжает коммуникацию в её рамках. По мнению режиссёра, настоящая тюрьма — это не место и не обстоятельство, а состояние, в котором живёт человек.

Быков: Ну да/ для меня это вообще хрестоматийная/ как это сказать/ не дилемма.../ я вообще думаю что **тюрьма** это **человек**/ ну то есть в определённом смысле/ для **человека** нет больше тюрьмы чем **он сам**/ поэтому когда в «Побеге из Шоушенка» Морган Фрейн говорит/ Энди Дюфрейн **прожил 30 лет взаперти и прополз километры мочи и испражнённый и выбрался оттуда свободным**/ и меня вот когда каждый раз когда я смотрю меня щёлкает/ и он **выбирается из этой тюрьмы**/ как мне кажется по драматургии/ тогда когда **он понимает** что он больше **не виноват** перед своей женой// Не тогда когда его **отпускают обстоятельства** или когда **появляется возможность**/ он понял что он для себя больше

*не виноват/ так же как и мальчик у Жака Адиара/ который там правда не 30 лет там/ сколько/ 5 или 6 лет/ но если бы этот мальчик не попал бы в эту тюрьму/ он бы с этой девчонкой/ с ребёнком на руках в финале не ушёл/ потому что он был не просто обалдуй который ни читать ни писать не умеет/ он человек который вообще не понимал чего он хочет/ причём имейте в виду/ что Энди Дюфрейн всю жизнь будет жить под чужим именем на берегу моря/ но он **будет свободен/** потому что он будет **свободен внутри/** потому что он эту **свободу внутреннюю заслужил/** а никакой другой кроме **внутренней свободы** нету/ и это всё на сказке для малышей что есть абсолютная свобода/ есть только твоя **личная внутренняя свобода** в твоих **личных внутренних обстоятельствах/** и она может быть кстати недлительная/ но мне кажется вот как раз задача **найти свою форму свободы** и **быть** в этой форме свободы **счастливым/** вот это главное/ я в этом абсолютно убеждён сейчас/ главное/ **почувствовать себя внутри свободным** и **счастливым/** потому что всё остальное/ это навязано/ я не обесцениваю свои предыдущие картины/ и их максимализм даже не обесцениваю/ например мне ближе гораздо «Майор» именно потому что в «Майоре» рассказывается о том/ что герой Дениса Шведова/ попытавшись быть **максимально честным/** как оказалось **не оказался честным ни для кого/** а вот в поиске своего **формата свободы** и **счастья** есть по-моему/ по крайней мере стремление к этой **правде//***

Метафора ЧЕЛОВЕК — ЭТО ТЮРЬМА структурирует два коммуникативных эпизода. Продолжая разговор в рамках заданной метафоры, Златопольская связывает первый коммуникативный эпизод со вторым, с помощью вопроса подсвечивая другую часть метафоры: «Вы сказали что тюрьма это всегда сам человек/ как оттуда выбираться?» Внимание коммуникантов переносится с рассуждения о том, что является тюрьмой, на способ, с помощью которого можно из этой тюрьмы освободиться. Быков связывает чувство внутренней свободы с чувством счастья, которое он находит в простых вещах.

Таким образом, мы увидели, как в рамках одного интервью человек пытается ответить на ключевые экзистенциальные вопросы с помощью метафор разной степени образности: в зависимости от цели и наиболее важной в данный момент характеристики человека коммуниканты обращались к образам более ярким (горящий шар) или менее ярким (тюрьма). «Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём»

[Арутюнова 1990, с.14]. На примере метафорического переноса ЧЕЛОВЕК—ГОРЯЩИЙ ШАР мы проследили, как сужается цель метафорического переноса, что говорит нам о непрерывном процессе метафоризации, продолжающемся на протяжении всей коммуникации: *Человек — это горящий шар* → *человек (который понял своё предназначение) — это горящий шар*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.
2. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7—21.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153—172.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 254 с.
5. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 358—386.
6. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44—67.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А—Й. 702 с.

Михеева Ирина Владимировна
Дальневосточный федеральный
университет
miheeva.iv@dvfu.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕЛЕСКОПИИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается актуальный для современной лингвистики феномен телескопии с точки зрения его лингвокреативного потенциала. Анализируется механизм образования телескопных слов и словосочетаний, а также особенности их функционирования на примере франкоязычного песенного дискурса. Выделяются функции, реализуемые телескопными словами и словосочетаниями в дискурсе. Делается вывод о системном характере взаимодействия формы, функции и значения телескопных слов и словосочетаний в песенном дискурсе.

Ключевые слова: словообразование, неологизм, телескопия, песенный дискурс

Miheeva I.V.
Far Eastern Federal University

Linguocreative Potential of Portmanteau Words and Its Realization in French-Speaking Song Discourse

The phenomenon of portmanteau words, which is relevant for modern linguistics, is considered from the point of view of its linguocreative potential. The mechanism of formation of portmanteau words and word combinations is analyzed, as well as the peculiarities of their functioning on the example of French-speaking song discourse. The functions realized by portmanteau words and word-combinations in discourse are singled out. The conclusion about the systemic character of interaction of form, function and meaning of portmanteau words and word combinations in song discourse is made.

Keywords: word formation, neologism, portmanteau words, song discourse

Целью настоящей статьи является рассмотрение актуального для современной лингвистики феномена телескопии с точки зрения его лингвокреативного потенциала. Поскольку язык является динамичной системой, он остро реагирует на все изменения, происходящие на лексическом уровне языка. Особенно

явно эти изменения прослеживаются в рамках песенного дискурса, который не только отличается актуальностью в плане формы и содержания, но и является благодатной сферой для проявления лингвокреативности автора-исполнителя или автора слов песни.

Тема телескопии во французском языке не раз привлекала внимание лингвистов, таких как И.Н. Гавришина, Н.В. Яковлева [Гавришина, Яковлева 2019], И.Н. Кузнецова [Кузнецова 2008], О.В. Курских [Курских 2016], М.Е. Миловидова, Л.П. Воскобойникова [Миловидова, Воскобойникова 2021], С.В. Слепцова, И.С. Степанищев [Слепцова 2022], Т.И. Скоробогатова [Скоробогатова 2019], А.А. Стрельцов [Стрельцов 2022], Н.С. Цверкун [Цверкун 2022], Л.В. Эрстлинг [Эрстлинг 2010], М. Persson [Persson 2023], С. Vorger [Vorger 2012] и др.

Актуальность темы исследования объясняется неухающим интересом учёных к теме лингвокреативности, а также способам её реализации в разных типах дискурса. Отмечается, что телескопия в большей степени характерна для художественной литературы, языка прессы, рекламного дискурса, а также служит для образования слов разговорного стиля [Миловидова, Воскобойникова 2021, с.142]. Интерес к данной теме определяется ещё и актуальным материалом исследования, который постоянно пополняется за счёт новых франкоязычных песен. Новизна работы заключается в отсутствии исследований, посвящённых телескопии, выполненных на материале франкоязычного песенного дискурса.

Материалом исследования послужили тексты франкоязычных песен, отобранные методом сплошной выборки, охватывающие временной промежуток конца XX в. — начала XXI в., взятые с франкоязычных сайтов paroles.net и ivyslam.bandcamp.com.

Телескопия — это не только один из наиболее интересных способов образования неологизмов, но также и один из самых продуктивных. Телескопия — это словообразовательная модель, получившая распространение благодаря произведениям Льюиса Кэрролла. Он первым дал определение своим необычным словам: «You see it's like a portmanteau — there are two meanings packed up into one word» (Это как чемодан, в нём словно упакованы два значения).

Во французской лингвистике также встречаются такие термины как *télescopage* (телескопия), *mots-valises* (слова-чемоданы), *mots emboîtés* (слова-вставки), *mots-centaures* (слова-кентавры), *amalgame* (амальгама), *mots-gigognes* (слова-матрёшки), *croisement* (скрещивание), *greffe* (прививка), *emoitement* (вхождение, вкладывание), *mots-sandwiches* (слова-бутерброды)

[Кузнецова 2008, с. 103; Vorger 2012]. В нашей работе мы будем рассматривать все вышеперечисленные термины как синонимы *телескопному слову* и будем оперировать данным термином.

Вслед за О.В. Курских под телескопным словом мы понимаем «слово, составленное из сегментов двух исходных слов (при этом деление слов на сегменты не связано с их делением на морфемы) или из двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания» [Курских 2016, с. 104]. В основном телескопные слова создаются путём усечения одного из исходных компонентов (апокопы или аферезы) с обязательным звуковым наложением. Усечение компонентов является необязательным, обе лексемы могут оставаться целыми, но непременным условием является наложение их друг на друга. Смысл телескопного слова выводится из значений исходных компонентов.

Мы разделяем мнение О.В. Курских по поводу того, что следует отличать телескопию от словосложения, поскольку в механизме телескопии есть одно существенное отличие, а именно — соединение не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов, при этом важным является наличие у обоих слов общего звукового сегмента. Помимо этого, механизм телескопии действует не только на уровне слова, но и на фразовом уровне, где тоже наложение происходит с помощью общего звукового фрагмента [Курских 2016, с. 104].

В нашей работе, помимо рассмотрения семантики телескопных слов и словосочетаний, мы также выделили функции, реализуемые данными единицами в песенном дискурсе, которые в той или иной степени характерны для всех лексических единиц. К ним относятся следующие функции: номинативная, функция языковой экономии и людическая функция.

Ярким примером телескопного слова служит лексема *la tristitude*, которую использует в качестве названия песни исполнитель *Oldelaf*:

(1) *La tristitude*,

C'est quand tu viens juste d'avalier un cure-dent,
Quand tu te rends compte que ton père est Suisse-Allemand,
Quand un copain t'appelle pour son déménagement,
Et ça fait mal [La tristitude. Paroles.net].

(Грустиночество,

Это когда ты только что проглотил зубочистку,
Когда ты понимаешь, что твой отец — швейцарский немец,
Когда друг звонит тебе по поводу переезда,
И это больно).

На примере данного телескопного слова разберём механизм образования подобных слов. Название песни *La tristitude*

образовано от двух лексем *tristesse* (грусть) и *solitude* (одиночество), что можно перевести как «чувство грусти, испытываемое вследствие одиночества». Новая лексема образована без звукового наложения, т.е. путём сочетания апокопы (*tristesse*) и афезы (*solitude*). Смысл новой лексемы складывается из значений двух лексем, используемых для её образования. Что касается функций, присущих данной лексической единице, мы бы в данном примере выделили номинативную функцию (т.е. название явления, чувства, которому в языке ещё не придумали название в виде целой лексемы), и функцию языковой экономии (т.е. способность телескопного слова компактно передать смысл, заключённый в значениях двух исходных компонентов). Рассмотрим ещё примеры телескопных слов:

(2) Si tu veux bouffer pour 3 fois rien, j’connais bien tous les petits coins un peu poisseux. On y retrouvera tous les vauriens, toute la jet-set *des aristocrasseux* [Saint-Denis. Paroles.net].

Вышеприведённый пример иллюстрирует механизм образования телескопного слова, в котором присутствует общий слог *-cra*, в месте которого и происходит слияние двух основ путём сочетания апокопы *aristocrats* и целого слова *crasseux*. Схема выглядит следующим образом:

Aristocrasseux = *aristocrats* (аристократы) + *crasseux* (грязный) → грязные аристократы. В данном примере телескопное слово реализует в первую очередь номинативную и людическую функцию, т.е. функцию создания языковой игры.

Механизм телескопии действителен и на фразовом уровне, где также происходит наложение с помощью общего звукового сочетания. Например:

(3) Son frère lui, ne désirait que les cougars athlétiques
Aux lèvres gonflées, figées, *la chirurgie est statique* [Tant que les gens font de l’amour. Paroles.net].

(Её брату нужны были только атлетичные пумы.

С надутыми губами, ботоксными лицами, пластическая операция — это статичное решение).

В примере (3) приведено наиболее «удачное» телескопное словосочетание, которое образовано из двух лексем, имеющих общий компонент — слог или даже один звук (форма глагола *être* и звук [e]), служащий своего рода «мостиком» при наложении одной лексемы на другую. Схема образования данного телескопного словосочетания выглядит следующим образом:

La chirurgie est statique (хирургия статична) = *La chirurgie esthétique* (пластическая хирургия) → пластическая хирургия приводит к тому, что лица становятся статичными.

На наш взгляд, в вышеприведённом примере телескопное выражение выполняет в первую очередь людическую функцию, т.е. ту, которая заключается в конструировании новой, оригинальной, нарушающей обычную норму лексической единицы, расшифровка которой требует от адресата определённых ментальных усилий.

Далее схематично приведём примеры телескопных слов, выявленных нами во франкоязычном песенном дискурсе.

(4) *Les sambassadeurs* = **samba** (самба) + **ambassadeurs** (послы) → послы самбы [Les sambassadeurs. Paroles.net].

(5) *Tectrice de frigo* = **tetrice** (игра Тетрис) + **actrice** (актриса) → женщина, обладающая талантом компактно класть продукты питания в холодильник [Saint-Denis. Paroles.net].

(6) *La décadanse* = **décadence** (декаданс) + **danse** (танец) → танцевальный декаданс [La décadanse. Paroles.net].

(7) *Slamérica* = **slam** (слэм, поэтическое направление) + **America** (Америка) → название вымышленного континента, где все сочиняют и читают слэм [Slamérica by Ivy].

(8) *Attachiante* = **attachante** (очаровательная) + **chiante** (надоедливая) → женщина очаровательная, но слишком надоедливая [Attachiante. Paroles.net].

(9) *La solassitude* = **solitude** (одиночество) + **lassitude** (скука) → скука, испытываемая от постоянного одиночества [La solassitude. Paroles.net].

(10) *Apocalypstick* = **apocalypse** (апокалипсис) + **lypstick** (губная помада, англ.) → губная помада во время апокалипсиса [Apocalypstick. Paroles.net].

Проанализировав ряд примеров, мы делаем вывод о том, что механизм образования телескопных слов в песенном дискурсе примерно един и представляет собой чаще всего наложение двух исходных элементов путём сочетания апокопы и афрезы, либо апокопы и целого слова. В каждом из случаев мы наблюдаем системное взаимодействие формы, функции и значения телескопных слов и словосочетаний, которое выражается в одновременной реализации ряда функций, с преобладанием одной из них.

Таким образом, телескопия во франкоязычном песенном дискурсе представляет собой не только продуктивную словообразовательную модель, но и способна реализовывать ряд функций в дискурсе: номинативную, функцию языковой экономии и людическую. Важная составляющая механизма образования новых слов путём телескопии заключается в объединении в новом слове, помимо двух форм, ещё и двух значений. Телескопные слова являются самостоятельными лексическими единицами,

отличающимися информативной ёмкостью и лингвокреативностью. Кроме этого, они реализуют функцию языковой экономии, позволяя с помощью одной лексемы передать значения двух понятий, заключённых в неё. Это достаточно экономичный способ словообразования, позволяющий избежать избыточности в языке и способствующий передаче минимумом средств, зачастую одной лексемой, максимума смысла. Отметим также, что телескопные слова способны реализовывать людическую функцию, позволяя автору неологизма реализовать в полной мере свой лингвокреативный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавришина И.Н., Яковлева Н.В. Телескопные термины во французском языке: типология моделей образования и способы перевода // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 1 (17). С. 5—12.
2. Кузнецова И.Н. Паронимическая неология во французском языке // Риторика ↔ лингвистика: сб. статей. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2008. Т. 2. С. 100—108.
3. Курских О.В. Телескопия в современном поэтическом слэме (на материале французского языка) // *Philology. International scientific journal*. 2016. № 3 (3). С. 103—105.
4. Миловидова М.Е., Воскобойникова Л.П. Телескопия как наиболее продуктивный способ образования французских неологизмов, возникших в период пандемии COVID-19 // *Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: Материалы III Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25—26 марта 2021 г.* / отв. ред. К.В. Чайка. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021. С. 140—145.
5. Скоробогатова Т.И. Об истории изучения телескопных образований и определении их статуса в современном французском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 4. С. 100—103.
6. Слепцова С.В. Телескопия как один из способов словообразования (на материале французской публицистики) // *Романо-германская филология и межкультурная коммуникация: Сборник научных работ студентов, магистрантов, аспирантов. Материалы студенческой научной конференции в рамках недели науки ИМКиМО-2022 г., Белгород, 28 апреля 2022 г.* Белгород: Эпицентр, 2022. Вып. 5. С. 45—48.
7. Стрельцов А.А. Словообразовательный потенциал телескопических слов // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2022. Т. 41. № 2. С. 373—385.

8. Цверкун Н.С. Телескопные явления как уникальный способ обогащения словаря (на примере французского языка) // Романо-германские языки: интеграция методик преподавания и филологии: Материалы VII Международной очно-заочной научно-практической конференции, Горловка, 2 декабря 2022 г. Горловка: Горловский институт иностранных языков, 2022. С. 309—310.
9. Эрстлинг Л.В. Телескопные слова во французском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: «Филология». 2010. № 4 (22). С. 132—142.
10. Paroles de la chanson Apocalypstick par Jane Birkin. URL: <https://www.paroles.net/jane-birkin/paroles-apocalypstick> (дата обращения: 31.03.2025).
11. Paroles de la chanson Attachante par Bash. URL: <https://www.paroles.net/bash/paroles-attachante> (дата обращения: 31.03.2025).
12. Paroles de la chanson La décadanse par Serge Gainsbourg. URL: <https://www.paroles.net/serge-gainsbourg/paroles-la-decadanse> (дата обращения: 31.03.2025).
13. Paroles de la chanson La Solassitude par Stromae. URL: <https://www.paroles.net/stromae/paroles-la-solassitude> (дата обращения: 31.03.2025).
14. Paroles de la chanson La Tristitude par Oldelaf. URL: <https://www.paroles.net/odelaf/paroles-la-tristitude> (дата обращения: 31.03.2025).
15. Paroles de la chanson Les sambassadeurs par Serge Gainsbourg. URL: <https://www.paroles.net/serge-gainsbourg/paroles-les-sambassadeurs> (дата обращения: 31.03.2025).
16. Paroles de la chanson Saint Denis par Grand Corps Malade. URL: <https://www.paroles.net/grand-corps-malade/paroles-saint-denis> (дата обращения: 31.03.2025).
17. Paroles de la chanson Tant Que Les Gens Font De L'amour par Grand Corps Malade. URL: <https://www.paroles.net/grand-corps-malade/paroles-tant-que-les-gens-font-l-amour> (дата обращения: 31.03.2025).
18. Persson M. Les mots-valises: avec ou sans tête(s). La distribution du sens chez les mots-valises français. 2023. URL: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1767209/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).
19. Slamérica by Ivy. URL: <https://ivyslam.bandcamp.com/album/slam-rica> (дата обращения: 31.03.2025).
20. Vorger C. Poésie slamoureuse: expression du désir et explosion. Néologique dans le slam français // Presses Universitaires de France «Nouvelle revue d'esthétique». 2012. № 10. P. 83—94. URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelle-revue-d-esthetique-2012-2-page-83.htm> (дата обращения: 11.03.2025).

Роднова Мария Андреевна
Дальневосточный федеральный
университет
marie_amur@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЦЕНКИ
В ГИПЕРЖАНРЕ «ИНТЕЛЛЕКТ-ШОУ»
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕВОГО ЖАНРА
«СООБЩЕНИЕ»)

Статья посвящена описанию способов выражения оценки в речевом жанре «сообщение» на материале российских телевизионных интеллект-шоу. В результате исследования установлено, что специфика репрезентации оценки обусловлена типом интеллектуальной игры.

Ключевые слова: речевой жанр, оценка, медиадискурс, интеллект-шоу, интеллектуальная игра

Rodnova M.A.
Far Eastern Federal University

**Representation of Evaluation
in the Hypergenre “Quiz Show”
(On the Example of the Speech Genre “Report”)**

The article is devoted to the analysis of devices of expressing evaluation within the speech genre “report”. The material is Russian television intellectual shows. The results show that the representation of evaluation is determined with the intellectual game type.

Keywords: speech genre, evaluation, media discourse, quiz show, intellectual game

Одной из единиц жанровой параметризации медиадискурса является генеральная интенция. В качестве главной коммуникативной установки медиажанров Т.В. Шмелёва определяет информирование. При этом в жанрах медиадискурса реализуется и дополнительная интенция, в связи с чем «полинтенциональность медиажанра можно выразить формулой „информирование + ...“» [Шмелёва 2012, с. 33].

Объектом нашего исследования является информативный жанр, имеющий дополнительную установку на оценку, — речевой жанр «сообщение», функционирующий в рамках гипержанра «интеллект-шоу», который «объединяет в своём составе несколько жанров» [Дементьев, Седов 1998, с. 19].

Гипержанр «интеллект-шоу» мы рассматриваем в соотношении с коммуникативным событием «интеллектуальная игра». Под коммуникативным событием понимаем «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова 2009, с. 13].

В зависимости от дополнительной коммуникативной установки выделяем разновидности интеллектуальной игры: «аутентичная», «периферийная» и «комплементарная». Если коммуникативной целью ведущего «аутентичной» интеллектуальной игры является популяризация знаний, то основная установка участников «периферийной» игры — это формирование положительного настроения. «Комплементарная» игра занимает промежуточную позицию. В качестве «аутентичной» интеллектуальной игры рассматриваем интеллект-шоу «Умницы и умники», примерами «периферийной» интеллектуальной игры являются шоу «Где логика?», «Кто хочет стать миллионером?», «Пятеро на одного», «Сто к одному», «Устами младенца», к «комплементарной» интеллектуальной игре относим шоу «Мы — грамотеи», «Что? Где? Когда?», «Слабое звено».

Нами были проанализированы расшифрованные фрагменты указанных выше интеллект-шоу с целью выявления оценочных средств, характерных для речевого жанра «сообщение» во всех типах интеллектуальной игры («аутентичной», «периферийной» и «комплементарной»), а также способов оценки, которые определяют специфику данного речевого жанра в рамках определённого типа интеллектуальной игры.

Реализация речевого жанра «сообщение» происходит в начале интеллектуальной игры, во время установления контакта. Адресатом сообщения является массовая аудитория (телезрители). Коммуникативная инициатива принадлежит ведущему.

В зависимости от тематической направленности речи выделяем варианты сообщения, характерные для всех типов интеллектуальной игры: «сообщение о факте» и «сообщение об игроках».

«Сообщение о факте» посвящено информации из сферы культуры, которая соотносится с выпуском конкретного шоу. Коммуникативная цель ведущего заключается в формировании у массового адресата ценностного восприятия феномена культуры, который является предметом речи. Наблюдаются отличия в предмете оценки, обусловленные типом интеллектуальной игры: если в «аутентичной» оценка даётся великим достижениям прошлого (творчество известных писателей),

то в «комплементарной» освещаются знаменательные события современности, а в «периферийной» характеризуются феномены современной культуры (например, реклама). Типичным средством выражения положительной оценки является оценочная лексика:

Ведущий игры «Умницы и умники». *Есть один замечательный русский писатель девятнадцатого века/ о котором мы вообще не говорили// Николай Семёнович Лесков/ это очень интересный сочинитель/ как про него говорили многие знающие люди;*

Ведущий игры «Что? Где? Когда?». *Сегодня воскресенье/ 17 декабря// Этот день запомнится успешным возвращением на Землю киноэкипажа «Первого канала»// Это утро началось с такого радостного известия;*

Ведущий игры «Устами младенца». *Современные дети уже точно знают/ что реклама/ это не только двигатель торговли/ но и залог уверенного продвижения вперёд по карьерной лестнице/ и этого не надо стесняться/ как это делает Иван Филоненко// (далее участник игры Иван Филоненко задаёт игрокам вопрос о рекламе)*

«Сообщение о факте» имеет дополнительную коммуникативную установку в зависимости от типа интеллектуальной игры.

В «аутентичной» интеллектуальной игре «сообщение о факте» направлено на популяризацию знаний и посвящено освещению великих историко-культурных событий, связанных с определённым выпуском интеллект-шоу «Умницы и умники». С целью аргументации выбора темы выпуска ведущий активно использует средства авторизации:

Ведущий игры «Умницы и умники». *Николай Семёнович Лесков/ это очень интересный сочинитель/ как про него говорили многие знающие люди//*

В «комплементарной» интеллектуальной игре «сообщение о факте» направлено на привлечение внимания телезрителей к образу игрока и на формирование восприятия интеллектуальной игры как значимого феномена культуры. Сообщение посвящено знаменательному современному событию, хронологически связанному с игрой. Специфическим средством выражения оценки в таком случае выступают прилагательные и порядковые числительные, указывающие на круглую дату:

Ведущий игры «Что? Где? Когда?». *Сегодня/ 10 апреля/ состоится не просто вторая игра Весенней серии/ а сотая игра Александра Друзы;*

Ведущий игры «Что? Где? Когда?». *Сегодня мы открываем юбилейный/ сорок пятый сезон в клубе «Что? Где? Когда?»//*

Другой вариант речевого жанра «сообщение» — «сообщение об игроках» — находит воплощение в коммуникативной ситуации, когда ведущий представляет игроков. Коммуникативной целью «сообщения об игроках» является создание имиджа игроков.

С целью акцентирования внимания телезрителей на достижениях игроков ведущий активно использует оценочную лексику. Наблюдаются отличия в предмете оценки, обусловленные типом интеллектуальной игры.

В «аутентичной» и «комплементарной» играх предметом оценки являются достижения участников, связанные с игрой: **призёр регионального финала; абсолютный победитель регионального финала** («Умницы и умники»); **шестикратный обладатель Хрустальной совы** («Что? Где? Когда?»).

В «периферийной» интеллектуальной игре упоминаются профессиональные достижения или даётся положительная оценка характера и внешности: **настоящие звёзды** («Где логика?»); **уникальные спортсменки** («Кто хочет стать миллионером?»); **самый остроумный; самый красивый и харизматичный** («Сто к одному»).

Выбор предмета оценки обусловлен коммуникативной целью ведущего: ведущие «аутентичной» и «комплементарной» игр стремятся оказать влияние на модель поведения массового адресата (мотивировать к интеллектуальному развитию, поскольку игрок становится образцом для подражания), в то время как коммуникативная цель ведущего «периферийной» игры ограничивается установкой на развлечение.

Другим типичным способом репрезентации оценки в «сообщении об игроках» является градационный ряд, основанный на перечислении оценочной лексики, отображающей путь участников к успеху в игре:

Ведущий игры «Умницы и умники». *Приглашаются/ Вероника Солнцева// В четвертьфинале **выиграла** пролог/ ай-ай-ай// и сама себе **проиграла** на жёлтой дорожке/ однако на трибуне **заработала** шесть орденов и **вышла в полуфинал** на вакансию;*

Ведущий игры «Что? Где? Когда?». *Капитан команды/ магистр игры «Что? Где? Когда?»/ **обладатель Хрустальной совы/ обладатель звания «Лучший капитан Клуба» Виктор Сиднев;***

Ведущий игры «Кто хочет стать миллионером?». *В нашу игру вступают те/ кто умеет играть/ и главное/ **выигрывать**// Российские синхронистки/ **многократные олимпийские чемпионки/ а вот теперь триумфаторы Олимпиады в Токио**//*

В «сообщении об игроках» обнаруживаются и специфичные для определённых типов интеллектуальной игры средства оценки, обусловленные реализацией особых коммуникативных установок.

Так, в связи с тем, что призом для победителей «аутентичной» интеллектуальной игры является зачисление в МГИМО на бюджетной основе, ведущим активно используется профессиональная лексика из сферы дипломатии. Например, представлены номинации «*посланник*» («глава дипломатического представительства 2-го класса; полное официальное наименование, употребляемое в официальном обиходе, — Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр») [Дипломатический словарь, с. 404] и «*полномочные представители*» («в междунар. праве — официальное лицо, наделённое полномочиями действовать от имени государства в сфере междунар. отношений») [Васильева 2016]:

Ведущий игры «Умницы и умники». *Со всех концов России к нам приехали умницы и умники/ **полномочные и чрезвычайные посланники** молодой трудолюбивой и талантливой России;*

Ведущий игры «Умницы и умники». *К нам в Москву приехали **ваши полномочные представители** из Архангельска/ Владикавказа/ из Вологодской области и Республики Северная Осетия-Алания/ из Калининграда и Чукотского Автономного округа//*

Таким образом, проведённый анализ показал, что функционирующий в рамках гипержанра «интеллект-шоу» речевой жанр «сообщение», помимо реализации информативной установки, направлен на формирование системы ценностей массовой аудитории, а также имеет целью формирование имиджа игроков. В этой связи сообщение характеризуется наличием лексических средств оценки: оценочной лексики и градационного ряда, основанного на её перечислении.

Выделены способы выражения оценки, свойственные определённому типу интеллектуальной игры, поскольку реализация тех или иных оценочных средств обычно обусловлена дополнительной коммуникативной установкой ведущего: установка на популяризацию знаний в «аутентичной» интеллектуальной игре, привлечение внимания к образу игрока и формирование восприятия интеллектуальной игры как значимого феномена культуры в «комплементарной» интеллектуальной игре, установка на создание положительного настроения в «периферийной» интеллектуальной игре. В «аутентичной» интеллектуальной игре в речевом жанре «сообщение» активно

используются средства авторизации и профессиональная лексика. Специфика «сообщения» в «комплементарной» интеллектуальной игре заключается в наличии оценочной лексики, указывающей на значимость определённой даты или события.

Установлены отличия в выборе предмета оценки в зависимости от типа интеллектуальной игры. Если в «аутентичной» и «комплементарной» интеллектуальных играх предметом оценки являются достижения участников, связанные с игрой, то в «периферийной» интеллектуальной игре даётся оценка их профессиональным успехам, характеру и внешности. В «аутентичной» интеллектуальной игре освещаются великие культурные достижения прошлого, тогда как в «комплементарной» даётся оценка знаменательным современным событиям, а в «периферийной» упоминаются феномены современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
2. Васильева Т.А. Полномочный представитель // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/3155346> (дата обращения: 18.07.2025).
3. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. 107 с.
4. Дипломатический словарь: в 3 т. / гл. ред. А.А. Громыко [и др.]. 4-е перераб. и доп. изд. М.: Наука, 1985. Т. 2. 510 с.
5. Шмелёва Т.В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи. 2012. № 8. С. 26—37.

Фёдоров Данил Романович
Луганский государственный
педагогический университет
Danilfedorov3224@yandex.ru

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФРЕЙМЫ В БИОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Работа исследует взаимодействие нейролингвистических подходов и биоэтики, акцентируя внимание на роли фреймов в формировании биоэтических дискуссий. Автор рассматривает, как нейролингвистические модели могут способствовать пониманию и анализу этических вопросов, возникающих в контексте современных биомедицинских исследований и технологий. Особое внимание уделяется применению нейровизуализации и других нейронаучных методов для изучения когнитивных процессов, лежащих в основе принятия моральных решений. В работе также обсуждаются потенциальные последствия использования нейролингвистических фреймов для биоэтики, включая их влияние на общественное восприятие и нормативное регулирование в области биомедицины. Исследование подчёркивает важность междисциплинарного подхода, объединяющего нейронауки, лингвистику и этику, для глубокого понимания и решения сложных биоэтических проблем современности.

Ключевые слова: нейролингвистика, фрейм, биоэтика, дискурс, экстракорпоральное оплодотворение, десакрализация, когнитивистика

Fedorov D.R.
Lugansk State Pedagogical University

Neurolinguistic Frames in Bioethical Discourse

The work explores the interaction of neurolinguistic approaches and bioethics, focusing on the role of frames in shaping bioethical discussions. The authors consider how neurolinguistic models can contribute to understanding and analyzing ethical issues that arise in the context of modern biomedical research and technology. Special attention is paid to the application of neuroimaging and other neuroscientific methods to study the cognitive processes underlying moral decision-making. The paper also discusses the potential implications of using neurolinguistic frameworks for bioethics, including their impact on public perception and regulatory regulation in the field of biomedicine. The study highlights the importance

of an interdisciplinary approach combining neuroscience, linguistics, and ethics to deeply understand and solve complex bioethical problems of our time.

Keywords: neurolinguistics, frame, bioethics, discourse, in vitro fertilization, desacralization, cognitive science

В контексте современных психологических технологий нейролингвистическое программирование (НЛП) и специфика его приёмов активно и результативно набирают обороты путём упрощённого воздействия на реципиента. Здесь переход от простого к сложному характеризует новизну и тонкость употребляемых технологий. Подобные технологии обеспечивают решение актуальных проблем в различных сферах, что не могло не стать дискурсивным объектом исследования для учёных. Первые попытки НЛП были предприняты ещё в 1970-х гг. американскими учёными Дж. Гриндером (лингвист) и Р. Бендлером (психолог), однако современность трактует их труды как *псевдонаучные*, ссылаясь на устаревшие исследования о функционировании мозга как лакуны в подходах к изучению межличностных коммуникаций.

Однако нейролингвистика как отрасль, имеющая свой генезис на стыке двух научных дисциплин, доказывает свою новизну, обращая наше внимание на различные *фреймы* (сценарии), фигурирующие повсюду. Впервые подобным вопросом заинтересовался А.Р. Лурия, рассуждая в своих работах о синергии языка и сознания [Лурия 1979, с.105, 186]. Современной отечественной школой нейролингвистики принято считать Петербургскую — Балонова-Деглина, под руководством Т.В. Черниговской. Татьяна Владимировна утверждает, что язык является *интерфейсом между Вселенной, нами и нашим мозгом*, позволяет передавать мысли, переживания, воспоминания. Таким образом, язык выступает средством взаимодействия людей и обеспечивает возможность более или менее единого понимания реальной действительности, а мозг использует контекст и известные ему алгоритмы для обработки получаемой информации и принятия необходимого решения или установления какого-либо мнения, оценивая при этом фрейм.

Предпринимаем смелое решение для выявления взаимодействия специфики нейролингвистических фреймов внутри дискурса (биоэтического) путём анализа рекламы суррогатного материнства, являющейся предметом гуманистических дискуссий и конфликтом морали и антиморали. Для достижения

поставленной цели нам необходимо описать найденные в современной рекламе фреймы, а также выделить в них нейролингвистические приёмы. Они обладают чётким алгоритмом, возможно, действующим индивидуально на сознание в зависимости от многих факторов: его широты, массовости, глубины и т.д.

Подобное воздействие основано на вербальных способах коммуникации, поскольку, как утверждается, слово обладает памятью (состояние *déjà vu*, например), архаичностью и мотивацией, являясь семиотическим ядром; а также на невербальных средствах как продуктах экспликации, способных установить рамки восприятия, что формирует процесс взаимоотношения адресата и нейролингвистического фрейма. Всё это гипотетически описывает суггетивность и прагматичность лексем, употребляемых в нейролингвистических приёмах. Обобщая сказанное, следует отметить, что взаимосвязь данных приёмов чётко выделяется в контексте мультидисциплинарных дискурсов.

Cultural bioethics, как сформированное А. Гейнсом понятие, определяет взаимодействие морали и антиморали на арене гуманистических проблем и прецедентов, таких как эвтаназия, суррогатное материнство и пр. [Курленкова, Гейнс 2011]. Сам биоэтический дискурс пропагандирует гуманистические ценности, их идеалы, нормы и догматы, взаимоотношения субъектов и объектов как систему познания и самопознания человека. Стремительное развитие данного направления уже внедряет его в историю и философию антропологии, определяя всё новые возможности восприятия жизни и устройства людей, внося «коррективы» в уже имеющиеся духовно-нравственные законы. Общий резонанс обуславливается темами, которые затрагивают процессы рождения и смерти человека, что а priori должно подвергаться философским границам и чётким процессуальным алгоритмам.

Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) на сегодняшний день не обладает эффектом феномена, однако широко затрагивает круг заинтересованных людей (получить желаемое *in vitro*) по причине неоднозначности процесса. Одним из институтов, обладающих возможностью формирования общественного мнения и этичности, — Церковью — данная процедура подверглась осуждению из-за негуманного характера, так как во время процедуры «лишние» эмбрионы ликвидируются, а согласно учению свт. Григория Богослова, душа формируется в момент зачатия [Григорий Богослов 2004, с. 70]. Иными словами, участники ЭКО принимают на себя ампула душегубцев. Высокий уровень социальной заинтересованности в данной

процедуре сугубо интимен, однако обусловлен употребляемыми фреймами. Конкретизируя, здесь мы придерживаемся понятия Н.С. Молчановой о том, что фреймы — это структуры системы знаний о различных предметах действительности на основе языкового, психологического и социального опыта человека [Некрасов, Молчанова 2009]. Именно связь «опытов» порождает, закладывает и мотивирует в сознании определённые события. Категоризация фреймов на приведённом примере резонансного события, вызвавшего социальный интерес, многообразна:

- 1) фреймы, связанные с зарождением новой жизни: учреждения «Новая жизнь», «Линия жизни», «Поколение Next», «ЭмбриЛайф», «За Рождение»;
- 2) cliché: «Аист», «Колыбель»;
- 3) фреймы, мотивирующие к материнству: «Мать и дитя», «Мама, папа и малыш», «Здоровая семья» [ЭКО клиники в России].

Анализируя вышеизложенные примеры, резюмируем, что внедрение фреймов даже в названия учреждений, осуществляющих ЭКО, уже мотивирует заинтересованных лиц путём ассоциативных рядов, а также пропаганды развития материнства, находясь в общей связи с дизайнами логотипов, что даёт право обозначить употребляемые фреймы как *невербальные*. Подобная нейролингвистическая практика сложилась и с рекламой суррогатного материнства, в основе которой лежат фреймы 2, 3 (приведённые выше) [Рейтинг агентств суррогатного материнства в России]. Однако социальное мнение в данном случае дифферентно. Вопрос морали не актуализируется за счёт того, что в современной практике подобный вид медицинских «услуг» обусловлен договором, что антигуманно по отношению к телу и целостности как матери, так и ребёнка. Фрейминг подобного в биоэтическом дискурсе также визуально-текстовый и акцентирован на положительных эмоциях биологических родителей (например, фото счастливых семей), а также игнорировании возможных негативных сценариев сторон договора. Это является нейролингвистическим манипулированием, основанным на десакральных лексемах *дара* материнства и *гуманизма*, что приводит к коммерциализации тела.

Это подтверждает, что нейролингвистические фреймы отличаются своим многообразием и часто противоречивостью. Данный факт связан с тем, что биоэтика как междисциплинарная область включает в себя элементы медицинского, философского, теологического и политического дискурсов. Фреймы помогают структурировать сложные биоэтические проблемы,

такие как эвтаназия, аборт, трансплантация органов и новые репродуктивные технологии. Они влияют на восприятие и интерпретацию этих проблем как медицинскими работниками, так и широкой общественностью.

Подводя описательный итог, отметим, что нейролингвистические фреймы играют ключевую роль в формировании и интерпретации биоэтического дискурса. В условиях стремительного развития биомедицинских технологий и изменения социальных норм понимание этих фреймов становится критически важным для адекватного восприятия и обсуждения биоэтических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорий Богослов, свт. О душе / пер., вст. статья и прим. свящ. Андрея Зуевского // Богословский вестник. 2004. № 4. С. 69—90.
2. Курленкова А.С., Гейнс А.Д. Об антропологии биомедицины и «культурной биоэтике» // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 2 (2). URL: https://medanthro.ru/?page_id=973 (дата обращения: 15.02.2025).
3. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 319 с.
4. Некрасов С.И., Молчанова Н.С. Значение теории фреймов в современной науке // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2009. № 16 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-teorii-freymov-v-sovremennoy-nauke> (дата обращения: 15.02.2025).
5. Рейтинг агентств суррогатного материнства в России. URL: <https://koenigs.ru/medicine/rejting-agentstv-surrogatnogo-materinstva-v-rossii> (дата обращения: 15.02.2025).
6. ЭКО клиники в России. URL: <https://ekodeti.ru/catalog/rossija/page-6> (дата обращения: 15.02.2025).

СТРОЙ ЯЗЫКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 811.161.1

Лю Ян

Благовещенский государственный
педагогический университет
497719778@qq.com

К «РАСШИФРОВКЕ» КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ: ИЗ ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *БАБЬЕ ЛЕТО*

В статье описывается история фразеологизма *бабье лето*, опровергающая устойчивое представление о том, что это выражение является исключительно русским. В поисках различий между славянской и восточной картинами мира неожиданно обнаруживается единство культур, имеющих больше сходств, чем различий. Однако исследование показывает, что символы, вкладываемые в одно и то же понятие, могут быть разными. *Ключевые слова:* стереотип, межкультурная коммуникация, культурный код, фразеологизм, хрононим, этимология, образ, символ

Liu Yang

Blagoveshchensk State
Pedagogical University

Interpretation of Cultural Code: The Origin of the Idiom “Indian Summer”

The article describes the history of the phraseological unit *Indian summer*, which refutes the persistent notion that this expression is exclusively Russian. In the search for differences between the Slavic and Eastern worldviews, the unity of cultures with more similarities than differences are suddenly revealed. However, the study shows that the symbols used in the same concept can be different.

Keywords: stereotypes, intercultural communication, cultural codes, idioms, chrononym, etymology, imagery, symbol

«Слово — не только устройство для передачи информации, но и инструмент мысли и аккумулятор культуры. Способность аккумулировать в себе культурные смыслы — свойство живого языка» [Хроленко 2009, с. 78]. Такая информация

и составляет социально-исторический, национально обусловленный культурный компонент смысловой структуры слова. Взаимосвязь языка и культуры проявилась в направлении, ставшем в настоящее время очевидным, — в лингвокультурологическом, начавшем особенно интенсивно развиваться на рубеже XX—XXI вв. Изучение языка в союзе с культурой является надёжным мостом взаимопонимания между народами. Продемонстрируем данную мысль на примере фразеологизма *бабье лето*.

В русском языке фразеологизм употребляется в его основных значениях: 1) 'погожие, тёплые дни в начале осени'; 2) 'о возрасте женщины 40—45 лет'; 3) 'тонкая и лёгкая паутина, летающая по полям и лесам и предвещающая сухую осень' [Русская фразеология 2007, с. 384]. Первое значение соотносится с хрононимом — обозначением отрезков или точек календарного времени в годовом цикле [Атрошенко и др. 2015, с. 5], связанным с именами собственными (именами святых). *Бабьим летом* называются разные периоды времени: со дня Успения Пресвятой Богородицы 15/28 августа до Рождества Богородицы 8/21 сентября; со дня преподобного Симеона Столпника 1/14 сентября до Рождества Богородицы; со дня Симеона Столпника до Покрова Богородицы 1/14 октября. Несмотря на отсутствие точного времени бабьего лета, очевидно одно: в русской культуре *бабье лето* — это хрононим, связанный с несколькими погожими днями осенью, обычно две недели. Его значение можно объяснить только в контексте культуры, истоки которой нужно искать в славянстве в сравнении с другими народами.

Бабье лето у македонцев называли *цыганским летом*, у болгар — *цыганским или сиромашко* («нищее») *лято*, т.е. «лето убогих, нищих» — цыган, не имеющих постоянного жилья. Знание культурных традиций, берущих начало в глубокой древности со времён славянства, даёт возможность правильного объяснения и других фразеологизмов в русском языке: например, *сиротская зима* в значении 'о тёплой мягкой зиме' с мотивировкой «в такую зиму и раздетый сирота не замёрзнет» [Русская фразеология 2007, с. 251] кажется явно недостаточной для понимания внутренней формы фразеологизма, с которой связан образ. Мотивировку фразеологизма, по всей видимости, можно объяснить аналогией с болгарским языком, построенной по типу *цыган* — *сирота* (оба жалкие, нищие) и одновременно — противоположностью времён года: как тёплыми днями бабьего лета не будет холодно нищим цыганам, так тёплой зимой — сиротам.

Выражение *бабье лето* входит в состав различных «календарных» текстов: примет, приговоров и т.п. У западных славян бабье лето связывается с летающими по воздуху нитями

осенней паутины, поэтому выражение *бабье лето* имеет второе (иногда единственное) значение — ‘паутина, летающая в дни бабьего лета’. Это явление объясняется действиями мифологических персонажей. В одном круге текстов это пряха. По преданию полабских славян, её можно было видеть во время полнолуния: она сидит на луне и вертит колесо прялки (в роли пряжи у западных славян обычно выступает Богородица — «панна Мария»). Она сбрасывает свою пряжу (*bab'e Iato*) на землю, чтобы напомнить женщинам о приближении зимы, когда наступит пора сесть за прялку. В другом круге текстов акцентирован мотив мифической одежды: паутина — нити савана Богородицы («панна Марии»), который распался, когда она вознеслась на небеса (в чешском *babulek* ‘осенняя паутина’) [Славянские древности 1995, с. 126—127]. Вполне понятно, почему одно из значений в русском языке — ‘тонкая и лёгкая паутина, летающая по полям и лесам и предвещающая сухую осень’: оно появилось как результат заимствования из культуры славянских народов, основной чертой которых было мифологическое сознание. Это же значение характерно и для немецкого языка, в котором *Altweibersommer*, *Frauensommer*, предположительно, возникли под славянским влиянием [Русская фразеология 2007, с. 384].

Нередко *бабье лето* толкуется как время женских работ: уборки хлебов, прядения льна и т.п. Отсюда значение фразеологизма *бабье лето* в русских говорах — ‘время, когда женщины убирают лён’, ‘время уборки хлеба, трав’ и т.п. На русском северо-востоке фразеологизм употребляется в значении ‘женское гулянье, связанное с окончанием полевых работ’: *Бабье лето бабы празднуют в сентябре по окончании летних работ. Собирают со всего селения продукты, варят пиво, веселятся и устраивают гулянье. В бабье лето всем бабам и девкам обязательно надо одевать цветную одежду: «платок, фартук ли, чтобы осень была нарядная и жизнь была хорошая».*

С бабьим летом связаны приметы: *Если бабье лето ненастное — осень холодная; Если первый день бабьего лета ясен, то и осень будет тёплая; Если до бабья лета дождь, то бабье лето вёдерное становится* [Атрошенко и др. 2015, с. 44; Славянские древности 1995, с. 126—127; Русская фразеология 2007, с. 384].

На примере фразеологизмов *бабье лето*, *сиротская зима* мы показали: «знакомиться с пословичным фондом чужой культуры без раскрытия внутренней формы фразеологизмов, без получения представления о системе национальной образности в целом — это всё равно что ходить по Дому бытия национального духа с завязанными глазами, а потом самоуверенно заявлять о своём знакомстве с ним» [Корнилов 2010, с. 227].

А иногда по незнанию можно утверждать, что в одном языке существуют выражения, а в других напрочь отсутствуют, и делать ошибочные выводы о явлении лакунарности. Такой подход опровергает история выражения *бабье лето*, которое существует в китайском языке совершенно независимо от славянских языков. И его происхождение объясняется иными причинами.

В эпоху Даогуан династии Цин, Гу Лу написал книгу под названием «Цинцзялу». В этой книге описывается погода после начала осени (в июле по сельскохозяйственному календарю) следующей пословицей: 朝立秋, 淘飕飕; 夜立秋, 热咩咩. Это означает, что если утром (или днём) осень приходит, то погода будет очень прохладной; если ночью осень приходит, то погода будет жаркой и сухой. Если после начала осени погода всё ещё остаётся очень жаркой и невыносимой, она называется «бабье лето», прямое значение — «осенний тигр» [Гу Лу 1986, с. 117]. До сих пор такое выражение популярно среди людей. Например, пословица 秋后还有个母老虎 — *после начала осени ещё осенний тигр (бабье лето)* [Вэнь Дуанчжэн 2004, с. 747]. Почему это не осенний лев или осенний дракон? В глазах китайцев тигр — символ силы и храбрости. Например, в восьмой главе книги «Общий смысл нравов и обычаев» есть запись: «虎者, 阳物, 百兽之长也, 能执搏挫锐, 噬食鬼魅» / «Тигр — мужественное животное, вождь всех зверей, способный ловить, сбить гонор и пожирать призраков» [Ин Шао 2021, с. 383]. Используя данные современной науки, чтобы объяснить образование *бабье лето / осенний тигр*, можно сказать, что высокое субтропическое давление в западной части Тихого океана, которое контролирует погоду Китая, осенью постепенно перемещается на юг, но затем повышается в северном направлении. Под влиянием этого высокого давления становится солнечно и менее облачно, солнце яркое, а температура воздуха повышается. Такая погода как деспотический тигр.

Таким образом, сравнивая выражение *бабье лето* в славянских языках, частью которого является русский язык, с китайским языком, мы убеждаемся в том, что оно имеет сходное значение: это тёплые и даже жаркие дни. Но внутренняя форма фразеологизма связана с иной образностью, так как «национально-культурный компонент плана содержания, очевидный при сравнительном подходе, базируется, как правило, на образной составляющей и увязывается с когнитивно значимыми различиями между языками» [Добровольский 1997, с. 47]. В поисках различий между славянской и восточной картинами мира неожиданно обнаруживается единство культур, имеющих больше сходств, чем различий. Однако исследование

показывает, что символы, вкладываемые в одно и то же понятие, могут быть разными. Такие исследования являются полезными, так как на фоне развития русско-китайских отношений, увеличивающихся учебных обменов и совместных программ являются интересными для налаживания межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атрошенко О.В., Кривошапова Ю.А., Осипова К.В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / науч. ред. Е.Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.
2. Вэнь Дуанчжэн. Китайский большой и полный словарь пословиц. Шанхай: Шанхайское лексикографическое изд-во, 2004. Т. 1. 1371 с. (На кит. яз.)
3. Гу Лу. Цинцзялу / пер. Лай Синься. Шанхай: Шанхайское изд-во «Древняя книга», 1986. 198 с. (На кит. яз.)
4. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37—48.
5. Ин Шао. Общий смысл нравов и обычаев / пер. Сунь Сюэся, Чэнь Туншэн. Пекин: Китайское книгоиздательство, 2021. 475 с. (На кит. яз.)
6. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: КДУ, 2010. 346 с.
7. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Ок. 6000 фразеологизмов. 4-е изд. / авт.-сост. А.К. Бирих, В.М. Мокиненко, Л.И. Степанова. М.: АСТ АСТРЕЛЬ, 2007. 926 с.
8. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. 584 с.
9. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / под ред. В.Д. Бондалетова. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.

Содномтунрэв Бархас

Монгольский государственный
университет науки и технологии
Barhas1125@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается вопрос об актуальности изучения фразеологизмов, которые являются важными единицами языка, и о трудности их перевода. Сложно понять чужую русскую речь и русскую литературу, не зная русских фразеологизмов. Чтобы понять и переводить русские фразеологизмы, необходимо хорошо знать культуру русского народа, его национальные особенности.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, лингвострановедение, культура, эквивалент

Sodnomtunrev Barkhas

Mongolian University of Science
and Technology

Some Problems in Translating Russian Phraseological Units into Mongolian

The article discusses the relevance of phraseological units, which are important in a language, and the difficulties in translating them. It is difficult to understand Russian speech and Russian literature without knowing Russian phraseological units. To understand and translate Russian phraseological units, it is necessary to know the culture of the Russian people and their national characteristics well.

Keywords: phraseological unit, semantics, linguistic country studies, culture, equivalent

Каждый язык по-своему отражает объективную действительность. «Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культуры» [Воробьев 1994, с. 64].

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью любого языка, составляют богатство языка и художественной литературы. Они отражают жизнь людей, окружающую среду, традиции, культуру и мышление.

Русские фразеологизмы, пословицы и поговорки являются важной частью повседневного русского языка. Они постоянно встречаются как в письменной, так и в устной речи. Изучение наиболее распространённых фразеологизмов сделает для кого-то русский язык более родным, поэтому было бы неплохо освоить некоторые из этих выражений. Иногда мы думаем, что нам не нужно изучать фразеологизмы, потому что мы всегда можем заменить их другими словами, перефразировать предложение. Однако на практике оказывается, что обойтись без фразеологизмов довольно сложно. Эти выражения делают речь живой и яркой. Поэтому, если вы хотите знать русский язык на достаточно высоком уровне и говорить как носитель языка, необходимо уделить время изучению фразеологических единиц.

Э. Сепир отмечает, что язык тесно связан с культурой: он прорастает в неё, выражает её, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом и, наконец, составляет важную часть культуры народа, живущего в определённое время в определённом месте [Сепир 2011, с. 223].

Иногда сложно понять чужую русскую речь и русскую литературу, не зная фразеологизмов. А чтобы понять русские фразеологизмы, необходимо хорошо знать культуру русского народа, его национальные особенности. Иначе говоря, с одной стороны, чтобы в совершенстве овладеть русским языком, необходимо понимать русские фразеологизмы, а с другой стороны, знание и понимание русских фразеологизмов является критерием степени владения русским языком.

Учёные предлагают несколько методов перевода фразеологизмов и считают, что основным способом является фразеологический перевод, который включает в себя метод фразеологического эквивалента и метод фразеологического аналога; выделяется также нефразеологический перевод. Однако при всём разнообразии методов фразеологизмы по-прежнему представляют трудность при переводе их на другие языки, в частности — на монгольский язык.

Поскольку фразеологизмы не всегда имеют буквальный смысл, студентам необходимо ознакомиться с их значением и использованием. Сопоставление фразеологических единиц, их анализ и толкование повысят интерес монгольских студентов к овладению материалом, через сопоставление родного

языка и культуры студенты могут постигать культуру носителей русского языка. Неодинаковые языковые средства, в том числе лексика, в известной мере связаны с национальной спецификой.

В сопоставлении видны сходства и различия русской и монгольской фразеологии, возможны эквиваленты и аналогии двух языков. Такое сопоставление обогатит страноведческие знания учащихся и активизирует их познавательную деятельность.

Как известно, между родственными языками наблюдается наличие большого числа сходных семантических и структурно-синтаксических особенностей на уровне фразеологии. Для монголов русские фразеологизмы не столь близки — русский и монгольский языки неродственные.

Считаем, что сопоставление лингвострановедческих объектов двух неродственных языков представляет определённый метод преподавания. Сопоставительный анализ специфики русских и монгольских фразеологизмов на основе соответствующей учебной и научной литературы [Аким 1985; Бадамдорж 2003; Фёдоров 2008; Чой 1970] позволяет выделить три группы:

В первую группу можно отнести фразеологизмы с идентичным значением. Например:

взять голыми руками /овладевать, захватывать без особого труда, без особых усилий/ — **нүцгэн гараар барих** /онц их хөдөлмөр, онцгой хүчин чармайлтгүйгээр эзэмших/

видеть насквозь /хорошо знать, кого-либо: его мысли, намерения/ — **нэвт харах** /хэн нэгнийг сайн ойлгох, хэн хүний санаа бодол, зориго эрмэлзлэлийг мэдэх, хийх ажил, учруулах төвгийг нь урьдчилан харах/

видно как на ладони /очень ясно, отчётливо/ — **алган дээр мэт харагдах** /онц тодорхой, ялгарахуйц, бүрэн бүтэн харагдах/

кожа да кости /о чрезвычайной худобе, об очень худом человеке/ — **яс арьс болох** /хүн, амьтны маш их турах, ясан хэлхээ болох/

золотые руки /умение, способность очень хорошо делать что-либо/ — **алтан гартай** /их уран хүн, чадварлаг хүн/

Из приведённых выше примеров видно, что в русском и монгольском языках имеются одинаковые фразеологизмы, совпадающие не только семантически и образно, но даже в лексико-грамматической характеристике; одинаково и их ситуационное употребление. Освоение этой группы фразеологизмов не представляет для монголов больших трудностей. Практическая работа с этой группой проводится путём дословного перевода.

Ко второй группе по степени трудности можно отнести фразеологизмы, имеющие в монгольском языке эквиваленты

только в плане содержания, но с лексико-грамматическими расхождениями. В этих фразеологизмах отражены психология народа, традиции, быт, культура. Например:

по горячим следам — **ямааны мах халуун дээрээ** /не теряя времени принимать меры/

водить за нос — **нүглийн нүдийг гурлиар хуурах** /обманывать/

волков бояться — **в лес не ходить** — **хийвэл бүү ай, айвал бүү хий** /быть решительным/

держать язык за зубами — **амаа хамхих** /молчать, не говорить лишнее/

Такие фразеологизмы в русском и монгольском языках семантически близки друг другу. Практическая работа с этой группой проводится следующим образом: сначала дословно приводятся фразеологизмы, потом учащиеся стараются догадаться о смысле этих выражений и находят соответствующие по смыслу выражения на монгольском языке.

Самой трудной для монгольских студентов является третья группа русских фразеологизмов. В неё входят фразеологизмы: **во всю Ивановскую, в Тулу со своим самоваром не ездят**, которые сугубо отражают национальные аспекты. В таких фразеологизмах ярко и живо отражается внеязыковая действительность (элементы материальной и духовной культуры русского народа).

Русские фразеологизмы с национальной спецификой можно классифицировать по следующим группам:

1. Фразеологизмы, связанные с русской историей:

адмиральский час — **үдийн цайны цаг**,

казанская сирота — **уйлан дугарч царайчлах**.

2. Фразеологизмы традиционно-бытового характера:

бить баклуши — **цаг дэмий өнгөрүүлэх**,

заварить кашу — **холион бантан хутгах**.

3. Фразеологизмы, связанные с русской действительностью:

путёвка в жизнь — **амьдралын замыг нээж өгөх**,

стоять на вахте — **тасралтгүй, сэтгэл харамгүй ажиллах**.

Национальная специфика русских фразеологизмов данной группы делает их не переводимыми на монгольский язык. При их переводе, как правило, искажается специфика образных компонентов, на которых и держится вся семантика фразеологизма. Происходит в некоторой степени потеря информации за счёт экспрессивности и образности выражения. Поэтому они семантизируются в монгольской аудитории не путём перевода, а лишь комментированием — выявлением фразеологического фона, цель которого — постижение идиоматичности и обобщённой мысли этих лингвострановедческих объектов.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что фразеологизмы являются одним из самых ярких украшений нашей речи. В отличие от свободных сочетаний они не создаются в процессе коммуникации, а воспроизводятся в речи как готовые единицы. Большинство фразеологизмов содержат в своём составе слова, понятные всем, но их значение может оставаться неясным, они не переводятся дословно. Поэтому на уроках студентам объясняется их значение и отмечаются особенности употребления. Фразеологизмы состоят всегда из одних и тех же компонентов, которые располагаются друг за другом в строго установленном порядке. Знакомство с фразеологизмами поможет студентам увидеть и понять, как соотносятся между собой язык и культура. Без знания фразеологизмов учащимся будет трудно овладеть русским языком и свободно общаться с носителями языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аким Г. Монгол-Орос, Орос-Монгол өвөрмөц хэлцийн товч толь [Монголо-русский, русско-монгольский краткий фразеологический словарь]. Улаанбаатар, 1985. (На рус. и монг. яз.)
2. Бадамдорж Д. Монгол хэлний үгийн сангийн утга зүй [Семантика монгольской лексики]. Улаанбаатар, 2003. (На монг. яз.)
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
4. Воробьёв В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М.: ИРЯП, 1994. 75 с.
5. Воробьёв В.В. Культурология: (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. 2-е изд. М.: Прогресс, 2011. 656 с.
7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008. 880 с.
8. Чой Лувсанжав. Орос-Монгол хэллэгийн толь [Русско-монгольский разговорник]. Улаанбаатар, 1970. (На рус. и монг. яз.)

Чжан Шэннань

Благовещенский государственный
педагогический университет
2279428549@qq.com

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)

В статье сделан краткий обзор диахронических, исторических и этимологических словарей, на основе которых может быть описана история слов, заимствованных из китайского языка. *Ключевые слова:* синхрония, диахрония, этимология, лексикография

Zhang Shengnan

Blagoveshchensk State
Pedagogical University

Etymological Studies of Vocabulary in Russian and Chinese Linguistics (Based on Etymological Dictionaries)

The article provides a brief overview of diachronic, historical, and etymological dictionaries that can be used to describe the history of words borrowed from the Chinese language.

Keywords: synchronicity, diachronicity, etymology, lexicography

Этимология как наука о происхождении слов является важным инструментом для понимания исторического развития языков и культур.

Цель данной статьи — сделать обзор русских и китайских лексикографических источников для выявления истории русско-китайских заимствований.

«Заимствования — нормальное явление и в развитии языков на разных ступенях их развития», — писал Ф.П. Филин [Филин 1981, с. 77]. Русско-китайские заимствования являются важным показателем экономического, политического и культурного взаимодействия. С одной стороны, китайская лексика была заимствована в русский язык, что обогатило русскую лексическую систему и способствовало распространению китайской

культуры в России. С другой стороны, в китайский язык были введены русские заимствования, что привнесло в китайский язык новые лексические элементы.

История русских заимствований из китайского языка начинается с XVII в. и продолжается до настоящего времени, в результате чего в русском языке появилось достаточно много слов, заимствованных из китайского языка. Например, из китайского языка была заимствована лексика, называющая некоторые виды растений, пищи, одежды, обуви, тканей, некоторых этнонимов и т.п. Одни были освоены русским языком. Среди них такие известные слова, как *книга*, *жемчуг*. Другие составляют особую группу слов, называемых экзотизмами — национальными названиями предметов быта, домашней утвари, одежды, обычаев, обрядов того или иного народа, той или иной страны: *джонка*, *фанза*, *кан* и т.п.

Заимствования недавнего времени не вызывают ни трудностей, ни вопросов. Например, слово 布尔什维克 (*bù'ěrshíwéikè*, «большевик») было заимствовано в начале XX в. в период активного взаимодействия между СССР и Китаем. Лексика, имеющая достаточно давнюю историю, в настоящее время не имеет полного описания, несмотря на то что в русской лексикографии этимологическое направление идёт семимильными шагами. Дело в том, что долгое время в изучение русско-китайских контактов не входило исследование истории китаизмов. В основном это было описание быта китайцев как на территории Китая, так и на территории Приморья, Приамурья, Забайкалья. А в словарях, которые прилагались к основным трудам, чаще всего имелось только указание на язык-донор. В настоящее время, когда этимологические исследования осуществляются не только в России, но и в Китае, восполнить недостающие сведения об истоках слов можно путём совмещения русских и китайских источников, решив таким образом проблему источниковедения.

Значимым для русской лексикографии является «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных [Черных 1999], впервые опубликованный в 1993 г., где разработка истории слов осуществлялась по памятникам письменности, хотя, по замечанию Э.Г. Шимчук, историческая часть в нём отличается фрагментарностью [Шимчук 2003, с. 161]. Историческими следует считать «Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.», «Словарь русского языка XI—XVII вв.», выпуски которых идут к завершению. Эти словари дают картину попадания слов в русский язык, что очень важно для установления истории слов.

Начало XXI в. также отмечено начавшейся публикацией этимологических словарей. Следует обратить внимание на «Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» А.Е. Аникина [Аникин 2000, 2003]. Ценность данного словаря заключается в том, что автором исследована лексика Сибири, на территории которой зафиксировано большое число китаизмов (*даба, далемба, китайка, дардын, канчаба, менчи, суленба, чанча, фанза, шёлк, чай байховый* и др.). А.Е. Аникиным начата работа над «Русским этимологическим словарём» [Аникин 2007—2024], который должен стать наиболее полным собранием истории слов, в том числе и заимствованных из китайского языка. Под редакцией Л.И. Шелеповой начата публикация «Историко-этимологического словаря говоров Алтая». В настоящее время имеется только семь выпусков [Историко-этимологический словарь 2007—2013]. На основе памятников письменности А.К. Шапошниковым опубликован «Этимологический словарь современного русского языка» в 2 томах [Шапошников 2010]. К сожалению, в данном словаре китайских заимствований почти нет, за исключением слов *жемчуг, женьшень*. Причина заключается в том, что автор-составитель положил в основу словника список из 5000 наиболее широко употребительных слов современного русского языка [Шапошников 2010, с. 4]. До сих пор авторитетным является «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, выдержавшего уже несколько изданий.

Не только лингвистические диахронические словари, но и энциклопедические могут быть источником сведений для этимологических исследований, так как в них часто имеется информация о происхождении слова или источнике заимствования. К таким словарям относятся «Большая советская энциклопедия» (БСЭ), «Большая российская энциклопедия» (БРЭ). И всё же до сих пор историко-этимологические исследования являются наиболее уязвимыми в лингвистике [Крючкова 2015, с. 53—54], так как остаются трудности в объяснении истории слов, заимствованных из китайского языка. Большой вклад в их изучение внёс И.Г. Добродомов [Добродомов 1971 и др.]. В настоящее время наблюдается активность в исследовании лексики, заимствованной из китайского языка в русский [Сенько 2019; Вэн Цзятун 2023; Цзюй Хайна 2019а, 2019б; Крючкова 2015]. И всё же ещё большой пласт китайской лексики остаётся вне поля зрения этимологов. По нашему мнению, в изучении китайских заимствований важно привлечь этимологические словари китайского языка. Нужно отметить, что в Китае этимология развивается очень быстро. Достаточно сказать,

что «Энциклопедический словарь китайского языка» — «中国百科全书词典», первый выпуск которого был осуществлён в 1994 г. (г. Пекин) и продолжается поныне, имеет уже более 20 выпусков. Они являются дополнением к этимологическим словарям русского языка. Ценным дополнительным источником информации об истории китайских слов является «古代汉语常用词典» — «Общепринятый словарь древних китайских языков», который является словарём общеупотребительных иероглифов древнекитайского языка. Впервые был опубликован в 1979 г. совместными усилиями Пекинского университета и Commercial Press. Это первый древнекитайский словарь, составленный с использованием современных лингвистических и лексикографических теорий и методов после основания Китайской Народной Республики, и он имеет важнейшее значение в истории китайских словарей [Общепринятый словарь древних китайских языков 1979, с. 4].

Таким образом, нами дан краткий обзор диахронических словарей, исторических и этимологических, на основе которых может быть описана история слов, заимствованных из китайского языка. Не следует сбрасывать со счетов энциклопедические словари, в которых также иногда даются этимологические справки. Их совмещение поможет составить достоверную историю заимствований, которые являются отражением торговых, политических, культурных связей Китая и России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. I—XVIII / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007—2024.
2. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
3. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск: Наука, 2003. 768 с.
4. Вэн Цзятун. История и современное состояние китайских заимствований в русском языке: лексика, фразеология, ономастика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2023. 278 с.
5. Добродомов И.Г. Книга // Русская речь. 1971. № 5. С. 83—91.
6. Историко-этимологический словарь говоров Алтая. Вып. 1—7. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007—2013 (публикация продолжается).

7. Крючкова Л.Л. Словарные материалы Г.С.Новикова-Даурского как источник для русской исторической лексикологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2015. 317 с.
8. Маак Р.К. Путешествие в долине реки Уссури. СПб.: Тип. В. Безобразова и компании, 1861. Т. 2. 348 с.
9. Максимов С.В. На востоке. Поездка на Амур (в 1860—1861 годах). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. СПб.: Тип. тов. «Общественная польза», 1864. 268 с.
10. Общепринятый словарь древних китайских языков. Пекин: Пекинский ун-т, Коммерческая пресса, 1979. (На кит. яз.)
11. Сенько Е.В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 59—64.
12. Словарь общего древнекитайского языка / гл. ред. Ван Ли. 5-е изд., переработ. Пекин: Коммерческая пресса, 2004. 1104 с. (На кит. яз.)
13. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 326 с.
14. Цзюй Хайна. Женьшень — корень жизни // Глобальный научный потенциал. 2019а. № 8. С. 99—101.
15. Цзюй Хайна. Женьшень — человек-корень (к истории происхождения слова *женьшень*) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2019б. № 10 (143). С. 210—214.
16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 3 т. Изд. 3-е. М.: Рукописные памятники, 1999.
17. Чжу Шаохуа, Лю Цзе. О словах китайского происхождения в русском языке // Вопросы филологических наук. 2005. № 3. С. 29—36.
18. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 398 с.
19. Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010.
20. Ши Ся. История «экстремистских» слов в русском и в китайском языке // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 16—22.
21. Шимчук Э.Г. Русская лексикография. М.: МГУ, 2003. 320 с.
22. Шренк Л. Об инородцах амурского края: в 2 т. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1883—1899.
23. Энциклопедический словарь китайского языка. Пекин: Изд-во Huaxia, 1998. 1756 с. (На кит. яз.)
24. Ян Си. Адаптация китаизмов в русском языке (на примере китаизмов *хунзэйбины* и *тайфун*) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. С. 194—196.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ МНОГОЯЗЫЧИЯ

УДК 81(07)

Батраева Ольга Матвеевна
Дальневосточный федеральный
университет
batraeva.om@dvfu.ru

МУЛЬТИФОРМАТНАЯ ПРАКТИКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МАГИСТРАНТОВ-ФИЛОЛОГОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Статья посвящена исследованию процесса формирования профессиональных навыков магистрантов-филологов в рамках проведения мультимедийной практики. Описаны основные этапы организации практики российских и иностранных магистрантов, представлен инструментальный мультимедийной практики.

Ключевые слова: мультимедийная практика, магистранты-филологи, профессиональные навыки, подготовка магистрантов, проектирование практики, педагогические условия

Batraeva O.M.
Far Eastern Federal University

Multi-Format Practice as a Means of Developing Professional Competencies of Master's Degree Students in Philology (From Work Experience)

The article is devoted to the study of the process of formation of professional skills of master's degree students-philologists within the framework of the organization of multi-format practice. The main stages of the organization of practice of Russian and foreign master's degree students are described.

Keywords: multi-format practice, master's degree students-philologists, professional skills, training of master's degree students, practice design, pedagogical conditions

Необходимо отметить, что исследованиями педагогической практики магистрантов занимались многие учёные. В частности, А.И. Чучалин изучал формирование компетенций выпускников, в том числе в контексте педагогической практики. В трудах Э.Н. Беломестновой и И.А. Сафьянникова исследованы современные технологии обучения в высшем профессиональном образовании, включая педагогическую практику. В задачи педагогической практики входят закрепление и углубление полученных теоретических знаний по общепрофессиональным и специальным дисциплинам, а также приобретение необходимых практических умений и навыков преподавания.

Педагогическая практика в магистратуре — вид деятельности, направленной на закрепление теоретических знаний, полученных студентами, приобретение и совершенствование практических навыков и компетенций в процессе будущей педагогической деятельности.

Современные тенденции профессиональной подготовки магистрантов, обучающихся по программе «Русский язык как иностранный», свидетельствуют о том, что выпускник вуза должен обладать не только глубокими знаниями по избранной специальности, но ещё и умениями инновационного характера, навыками научно-исследовательской деятельности.

Методика обучения русскому языку как иностранному направлена на практическое овладение языком в результате обильной речевой практики с использованием суггестивных методов на всех этапах занятий [Азимов, Щукин 1999, с. 12] и практик.

Основная идея профессиональной (педагогической) практики, которую должно обеспечить её содержание, заключается в формировании технологических умений, связанных с педагогической деятельностью, в том числе функций проектирования, конструирования и организации учебного процесса. Виды деятельности магистранта-филолога в процессе прохождения практики предполагают формирование и развитие стратегического мышления, видения ситуации, умения руководить группой людей. В период производственной (педагогической) практики обучающиеся в магистратуре должны получить представление о двух основных составляющих деятельности современного преподавателя, работающего в условиях поликультурной среды: преподавательской и методической.

Дальневосточный федеральный университет запустил в 2024 г. мультиформатную практику в рамках двух образовательных программ («Менеджмент» и «Управление бизнесом») в Школе экономики и менеджмента. Сегодня проект реализуется

в 27 образовательных программах университета. Он призван расширить формат практических занятий до акселерационных программ. Студенты могут решать различные профессиональные задачи, получать нужные навыки в партнёрстве с компаниями. Внедрение мультиформатной практики предполагает трансформацию образовательного процесса, необходимость учёта актуальных задач развития региона, запросов работодателей [Мультиформатная студенческая практика 2024].

Мультиформатная практика для магистрантов — это такая организация практики, когда учащиеся могут выбирать различные форматы её прохождения, чтобы наиболее эффективно освоить профессиональные навыки.

Необходимо отметить, что производственной (педагогической) практике предшествует изучение методики преподавания русского языка как иностранного. Мультиформатная практика состоит из группы инструментов по выбору. Студенты и магистранты могут выбирать себе направления (до 6 зачётных единиц).

По мнению Е.И. Пассова, в этой многовариантности потенциально заложены условия творчества [Пассов 2015, с. 73]. Решение этой задачи позволит магистрантам-филологам в будущем строить профессиональную карьеру.

Кроме того, руководитель производственной (педагогической) практики разрабатывает для каждого магистранта-филолога (после выбора инструментов) дорожную карту практики.

В мультимедийную практику включены мероприятия, которые формируют профессиональные компетенции магистрантов-филологов:

- профессиональные интенсивы;
- конкурсы профессионального мастерства;
- практика в профильных организациях;
- участие в деятельности студенческих общественных организаций;
- мероприятия на уровне Школы, ДВФУ, города, региона;
- профессиональные микроквалификации (защита проектов);
- командная работа;
- волонтерство;
- участие в работе некоммерческих организаций («Служение», «Добро.ru» и т.д.).

В рамках мультиформатной практики («профессиональные интенсивы») организуются мастер-классы по методике русского языка как иностранного, которые позволяют отрабатывать

профессиональные компетенции у магистрантов-филологов. Данный вид практики «вооружает» российских и иностранных магистрантов необходимым опытом профессионально-педагогической деятельности.

Совершенствуются компетенции, формируемые в результате прохождения педагогической практики:

- способность применять современные методики и технологии организации и реализации образовательного процесса на различных образовательных ступенях в образовательных учреждениях;
- готовность использовать современные технологии обучения русскому языку как иностранному;
- способность формировать образовательную среду и использовать свои способности в реализации задач инновационной образовательной политики;
- готовность использовать индивидуальные креативные способности для оригинального решения исследовательских задач;
- готовность организовывать командную работу для решения задач развития образовательного учреждения, реализации опытно-экспериментальной работы.

Дорожная карта производственной (педагогической) практики носит бинарный характер. Это значит, что практика включает российских и иностранных магистрантов в те виды деятельности, в процессе которых у них формируются различные виды педагогических умений:

- находить наиболее рациональные конструктивные, технологические, организационные и педагогические решения;
- хорошо ориентироваться в методиках и технологиях обучения и воспитания;
- ставить и решать принципиально новые вопросы.

Выбор формата практики (инструментов из дорожной карты) повышает мотивацию магистрантов-филологов к обучению и прохождению практики, так как они могут выбрать то, что им наиболее интересно.

На кафедре русского языка как иностранного Восточного института для российских и иностранных магистрантов были разработаны инструменты мультиформатной практики, включающие мероприятия кафедры РКИ, Восточного института, университета, города, края, всероссийские мероприятия.

Мультиформатная практика предполагает, что магистранты могут выбирать между традиционной производственной (педагогической) практикой, дистанционной работой, участием

в научных проектах, кейс-стади, грантах и другими форматами, адаптированными к современным условиям. Логика выбора инструментов — важнейшая составляющая практики. Выбирая различные направления педагогической деятельности, разрабатывая дорожную карту, магистрант самостоятельно определяет последовательность всех действий в рамках практики: выбирает 3—4 элемента, в рамках которых может реализовать себя.

Таблица 1

Схема дорожной карты производственной (педагогической) практики магистрантов кафедры РКИ

Элемент 1 (мероприятия кафедры русского языка как иностранного)	Элемент 2 (мероприятия Восточного института, ДВФУ)	Элемент 3 (мероприятия Владивостока, края)	Элемент 4 (всероссийские, международные мероприятия)
Мастер-классы по методике преподавания русского языка как иностранного (разработка и апробация методических заданий для иностранных студентов).	Осенняя/Весенняя школы Восточного института (проведение уроков для иностранных абитуриентов).	В рамках гранта губернатора Приморского края и АНО «Дар» работа с детьми-мигрантами в школах Владивостока (школы № 45, 72, 50, 27, 1).	Подготовка иностранных студентов к конкурсу «Победа в сердцах поколений».
Международный онлайн-фестиваль «Русское слово на Тихом океане» (подготовка иностранных студентов к конкурсу).	Стажировки магистрантов в Пекинском университете Центрального Китая (ПУЦК), в школе «Чжода».	Выездная встреча с учениками школы № 5 (знакомство с культурой Китая). Выступление иностранных магистрантов с презентациями о культуре Китая.	Подготовка иностранных магистрантов к курсу чтцов «Поликультурный Пушкин».
Международный образовательный проект «Русский язык с... леопардом!» (выездная экскурсия иностранных магистрантов, бакалавров, стажёров в Национальный парк «Земля леопарда»).	Проведение онлайн-уроков в Центре русского языка и культуры (ЦРЯК).	Участие в мероприятиях Приморской краевой детской библиотеки: «Волшебный рюкзак В.К. Арсеньева», «Великий Пушкин» (чтение стихотворений поэта на китайском, вьетнамском, корейском языках).	Подготовка иностранных бакалавров и магистрантов к конкурсу «Русская весна в Харбине».
	Работа с иностранными гражданами в Центре тестирования ДВФУ.		

В методике обучения иностранным языкам (в том числе РКИ) имеется ряд самостоятельных исследований, посвящённых поиску оптимальных путей развития языковых способностей [Гальскова 2000, с. 39]. Как показал опыт применения дорожной карты, практика магистрантов — это не только применение знаний, но и возможность развития навыков самовыражения. Практиканты впервые почувствовали ответственность за планирование, реализацию мероприятий. Считаем, что большую популярность приобретают нестандартные форматы, которые обогащают учебный процесс и вдохновляют магистрантов-филологов на творчество, поиск новых идей.

Производственная (педагогическая) практика российских и иностранных магистрантов направления подготовки «Филология» тесно связана с такими предметами, как психология, педагогика, русский язык как иностранный, страноведение и др. Магистранты на практике используют современную базовую методическую литературу, осуществляют соответствующий выбор пособий и других средств обучения.

Возможность выбора инструментов (элементов, форматов) практики — это способность российских и иностранных магистрантов решать профессиональные проблемы, задачи в условиях профессиональной деятельности. Это сумма знаний и умений, которая определяет результативность и эффективность труда, это комбинация личностных и профессиональных качеств.

Участие в различных видах практики формирует профессиональную компетенцию, являющуюся неотъемлемой составляющей профессионализма и педагогического мастерства, проводится работа по совершенствованию профессиональных компетенций:

- 1. Интеллектуально-педагогическая компетентность** — умение применять знания, совершенствовать навыки работы на разных образовательных и культурных площадках.
- 2. Коммуникативная компетентность** — значительное профессиональное качество, в том числе речевые навыки, умение взаимодействовать с окружающими людьми.
- 3. Информационная компетентность** — объём информации о себе, участниках мероприятий.
- 4. Рефлексивная компетентность** — умение управлять своим поведением, контролировать свои эмоции, способность к рефлексии и стрессоустойчивость.

5. Конструктивная компетентность — способность проектировать личность участника локаций, отбирать и компоновать учебно-воспитательный материал.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня существуют определённые условия, в которых каждый российский и иностранный магистрант в рамках организации мультимедийной практики может расти лично и профессионально: получать новые знания, совершенствовать умения, повышать личностную и профессиональную самооценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 472 с.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. М.: АРКТИ, ГЛОССА, 2000. 165 с.
3. Мультимедийная студенческая практика появилась в ДВФУ. 24.05.2024. URL: <https://uchitelskaiarossiya.ru/multiformatnaya-studencheskaya-praktika-royavilas-v-dvfu/> (дата обращения: 05.08.2025).
4. Пассов Е.И. Методика как наука. Краткая версия новой концепции. СПб.: Златоуст, 2015. 172 с.

Воронова Лилиана Вячеславовна

Дальневосточный федеральный

университет

voronova.lv@dvfu.ru

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ И ДЕТЕЙ
С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ
В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО:
ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА АНО «ДАР»
«НАУЧИМ ПО-РУССКИ»**

В статье представлен опыт реализации общественно значимого проекта «Научим по-русски» при поддержке гранта губернатора Приморского края по итогам краевого конкурса СО НКО-2024, направленного на решение проблем социокультурной адаптации и социально-гражданской интеграции мигрантов и детей с миграционной историей в принимающее сообщество Приморского края посредством изучения русского языка.

Ключевые слова: мигранты, дети/учащиеся с миграционной историей, социокультурная адаптация, русский язык как иностранный/неродной

Voronova L.V.

Far Eastern Federal University

**Russian as a Means of Sociocultural Adaptation
and Integration of Migrants and Children
with a Migration History into the Host Community:
From the Experience of the ANO DAR Project
“Let’s Teach You Russian”**

The article presents the experience of implementing the socially significant project “Teach in Russian” with the support of a grant from the Governor of Primorsky Krai following the results of the regional competition SO NKO-2024, aimed at solving the problems of socio-cultural adaptation and socio-civil integration of migrants and children with a migration history into the host community of Primorsky Krai through the study of the Russian language.

Keywords: migrants, children/students with a migration history, sociocultural adaptation, Russian as a foreign/non-native language

Сегодня особенно остро стоит проблема культурно-языковой адаптации мигрантов и детей с миграционной историей практически во всех регионах России. Вопрос о необходимости обучения взрослых мигрантов и их детей русскому языку и элементам русской/российской культуры становится актуальным. Не менее важным является и проблема совершенствования образовательного процесса, направленного на интеграцию мигрантов и их детей в социокоммуникативное пространство российских регионов. В связи с этим возникает необходимость проведения эффективных адаптационных мероприятий для социализации таких детей и взрослых в российском образовательном пространстве и иной языковой среде.

Так, 1 ноября 2024 г. началась реализация общественно значимого проекта «Научим по-русски» при поддержке гранта губернатора Приморского края по итогам краевого конкурса СО НКО-2024.

Идея проекта заключается в проведении мероприятий для иностранных граждан — мигрантов и детей мигрантов в рамках работы научно-методического центра по проблемам изучения, популяризации русского языка и укрепления межнационального согласия «ДАР», в котором русский язык позиционируется как национально-культурный феномен, средство социального, культурного взаимодействия и межнационального общения.

С 1 ноября 2024 г. по 17 апреля 2025 г. в рамках проекта было проведено 14 мероприятий: консультации по русскому языку как иностранному / русскому языку как неродному, страноведению России, основам законодательства РФ для детей с миграционной историей и их родителей; адаптационные занятия с учащимися с миграционной историей в школах г. Владивостока; лекции-беседы для иностранных рабочих, осуществляющих свою трудовую деятельность в Приморском крае, об основах коммуникативной безопасности на русском языке, о правилах речевого и поведенческого этикета, ценностных ориентирах и идеалах, принятых в российском обществе; функционирование просветительского контента на странице АНО «ДАР» ВКонтакте по популяризации русского языка и русской культуры «Я русский бы выучил только за то...». Кроме того, для учителей общеобразовательных учреждений Приморского края, обучающихся детей с миграционной историей, были прочитаны лекции о русском языке как ресурсе «мягкой силы» для социальной, культурной, образовательной адаптации мигрантов и детей с миграционной историей в российском обществе.

Реализацию мероприятий осуществляли преподаватели кафедры русского языка как иностранного — участники про-

екта «Научим по-русски», а также магистранты направления 45.04.01 Филология (магистерская программа «Русский язык как иностранный») Восточного института Дальневосточного федерального университета, для которых деятельность в проекте явилась возможностью приобретения педагогического опыта: получения необходимых знаний, формирования навыков и умений в организации образовательного процесса и проведении адаптационных мероприятий для учащихся с миграционной историей.

Дети мигрантов — это особенный контингент учащихся. Педагогическая работа с такой категорией детей должна быть направлена в первую очередь на эффективность и результативность их интеграции в новую иноязычную культуру, что, соответственно, потребовало от исполнителей проекта тщательной и качественной подготовки.

Главная задача для преподавателей-консультантов проекта «Научим по-русски» — помочь детям мигрантов освоить лексику, грамматику русского языка, сформировать у учащихся навыки и умения в видах речевой деятельности — чтении, письме, аудировании, говорении на разных уровнях владения русским языком; помочь адаптироваться к учебному процессу на неродном для них языке.

Перед тем как отправиться в общеобразовательные учреждения Владивостока для проведения консультаций детям мигрантов, магистрантами, будущими преподавателями русского языка как иностранного, под руководством опытного преподавателя были подготовлены учебные материалы.

Участниками проекта были разработаны игры для разных возрастных групп детей с учётом эффективных инструментов: визуального ряда, музыкальных фрагментов, звукоподражания, развития мелкой моторики, направленные на формирование готовности иностранных учащихся к преодолению трудностей в коммуникативных и иных формах взаимодействия в различных бытовых, учебных и социокультурных ситуациях; подготовлены задания на пополнение и систематизацию активного и потенциального словаря, освоение словообразовательных механизмов русского языка, упражнения на развитие порождения и восприятия устной и письменной речи. Необходимо отметить, что социокультурное обогащение учащихся с миграционной историей может быть достигнуто при организации целенаправленного их знакомства с историей, культурой страны изучаемого языка. Именно поэтому иностранным учащимся были предложены в интерактивной

форме мультимедийные творческие задания по теме праздников, знаменательных дат и событий.

Для погружения детей в русскую языковую и образовательную среду с учётом уровня знаний, психологических особенностей и закономерностей этнокультурной адаптации магистранты использовали зрительный и слуховой наглядный материал. Дети с миграционной историей с удовольствием отвечали на вопросы, рассказывали о себе, семье, читали и пересказывали небольшие тексты. Иностранным учащимся также были предложены небольшие тесты по русскому языку. После их выполнения магистранты консультировали учащихся по правилам русского языка и трудным случаям грамматики.

За шесть месяцев реализации проекта «Научим по-русски» в консультациях приняли участие 215 школьников г. Владивостока из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Вьетнама и Китая.

Проект «Научим по-русски» помог также иностранным рабочим узнать Россию. В апреле для иностранцев, задействованных в выполнении работ по строительству Находкинского завода минеральных удобрений, была проведена лекция-беседа по страноведению России. В ходе мероприятия участники познакомились с важными историческими событиями России, с культурными нормами и социальными традициями, ценностными ориентирами и идеалами, принятыми в российском обществе.

Все проводимые мероприятия в рамках проекта направлены на содействие языковой и социокультурной адаптации иностранных работников и укрепление межкультурного взаимопонимания. И участие мигрантов и их детей в них, считаем, будет способствовать:

- с одной стороны, преодолению мигрантами своей этнокультурной изоляции, лучшему пониманию ими общества, в котором они живут; возможности социального продвижения посредством образования и высокой трудоспособности, что, в свою очередь, сформирует у мигрантов корректное отношение к российским реалиям и местному населению;
- с другой стороны, желанию адаптироваться в социуме страны проживания, которое подтверждает, что мигрант ставит гражданскую идентичность выше своей этнической идентичности; повышению культурного уровня трудовых мигрантов, улучшению их имиджа в глазах российского общества, что, бесспорно, приведёт к установлению межэтнического и межконфессионального согласия.

В то же время хорошее владение русским языком, знание и понимание элементов русской/российской культуры позволит мигрантам получать полную и достоверную информацию из русскоязычных источников для более объективного анализа происходящих в мире событий.

Реализация проекта продолжается. 24 октября 2025 г. пройдёт круглый стол в рамках III Международной научно-практической конференции «Слово и культура без границ: аксиологический аспект» по актуальным проблемам русистики в современном меняющемся мире и инновационным технологиям в преподавании русского языка как иностранного/неродного, на котором также будут рассмотрены вопросы по созданию условий для обучения русскому языку детей с миграционной историей, не владеющих или слабо владеющих русским языком, в том числе не прошедших обязательного тестирования, до их зачисления в общеобразовательные организации, а также по адаптации таких детей в российском обществе.

Корчевская Галина Петровна
Дальневосточный федеральный
университет
chevskaya2015@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА ПЕСНИ
С. ЧИГРАКОВА «ЕДУ, ЕДУ»)

Статья посвящена исследованию потенциала лингвокультурологического анализа художественного песенного текста как способа формирования лингвокультурной компетенции изучающих русский язык как иностранный. Рассматривается содержание термина «лингвокультурная компетенция», концепта *путь/дорога* в русской национальной картине мира и в песенном тексте.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический анализ, концепт *путь/дорога*

Korchevskaia G.P.
Far Eastern Federal University

**Linguocultural Analysis as a Means of Developing
Linguocultural Competence (Based on the Lyrics
of S. Chigrakov's Song "I'm going, I'm going")**

The article is devoted to the study of the potential of linguocultural analysis of artistic song text as a way of forming linguocultural competence of those studying Russian as a foreign language. The content of the term "linguocultural competence", the concept *path/road* in the Russian national picture of the world and in a specific song text are considered.

Keywords: linguocultural studies, linguocultural analysis, concept *path/road*

В настоящее время, в период активных межкультурных контактов, перед преподавателями иностранных языков и методистами стоит необходимость формирования у учащихся лингвокультурной компетенции (далее ЛКК). Сущностные основы данной компетенции обусловлены лингвокультурологическим

подходом к обучению, который предполагает при изучении иностранного языка развитие навыков межкультурного общения. Теоретическая база данного подхода — лингвокультурология, и данный подход «в обучении русскому языку как иностранному является одним из условий овладения лексикой, опосредующей межкультурное общение» [Алефиренко 2020, с. 105]. Также отметим, что наряду с лингвокультурологическим подходом в методике преподавания иностранных языков и РКИ актуальным является компетентностный подход, при котором среди прочих компетенций формируется ЛКК, необходимая для подготовки специалиста к профессиональной деятельности в мультикультурной среде, развития его способности производить межкультурное взаимодействие, преодолевать языковые и культурные барьеры.

Обращаем внимание, что термин «лингвокультурная компетенция» находится в процессе формирования, его содержание выводится из анализа составляющих (лингвистическая, социально-культурная, культурная компетенции), встречается термин «лингвокультурологическая компетенция» [см.: Бирюкова 2016]. ЛКК рассматривается «как владение базовыми характеристиками, включающими и отражающими знания, и владение ценностными познаниями языка и культуры, которые отражают ментальность, духовность и национальную специфику данного общества» [Халупо 2012, с. 125]: ЛКК — это «необходимые базовые лингвокультурные знания, актуализированные человеком в процессе его жизнедеятельности и отражающие ценностные представления, нормы, правила, действующие в данной культуре и языке... это знание и умение применять базовые лингвокультурные единицы, отражающие языковую культуру общества» [Там же].

Формирование ЛКК можно и нужно производить с помощью художественного текста, в котором выявляются единицы, несущие культурную информацию. Данной цели служит лингвокультурологический анализ, предметом которого является предмет лингвокультурологии: единицы языка, приобретшие «символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре», обобщающие «результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (пословицах и поговорках)» [Маслова 2001, с. 35]. На основе этого формируется совокупность единиц с культурно-значимой спецификой: безэквивалентная

лексика и лакуны; мифологизированные единицы языка: архетипы и мифологемы; эталоны, стереотипы, символы; паремии; фразеологизмы, метафоры; речевое поведение; речевой этикет; ключевые концепты культуры; прецедентные феномены [см.: Ворошкевич, Казанникова 2016, с. 5]. Лингвокультурологический анализ соединяет «метод филологического анализа, включающий в себя приём жанровой интерпретации языковых средств и приём интерпретации идейного содержания текста... метод концептуального анализа, направленный на реконструкцию фрагмента языковой картины мира... сопоставительный метод ... сознательное овладение знаниями о национальной культуре страны изучаемого языка с опорой на соответствующие знания о родной культуре» [Игошина 2003, с. 6]. С опорой на данные исследования В.В. Ворошкевич и Д.П. Казанниковой составлена схема лингвокультурологического анализа текста, согласно которой следует: 1) рассмотреть уровни текста: а) надтекстовый уровень — выявление ключевых контекстов («добро», «зло», «дом», «душа», «родина»); б) текстовый уровень — выявление предметов лингвокультурологии, несущих культуроведческую информацию (см. единицы лингвокультурологического анализа) и их анализ с точки зрения лингвокультурологии; 2) проанализировать ценностную картину мира, создаваемую в тексте; 3) сравнить ценностную картину мира, создаваемую в тексте, и ценностную картину мира родной культуры (если текст создан в рамках другой культуры) [см.: Ворошкевич, Казанникова 2016, с. 33].

В рамках спецкурса по лингвокультурологии (для иностранных студентов) нами была предпринята попытка лингвокультурологического анализа текста песни С. Чигракова «Еду, еду» (группа «Чиж и Со», альбом «Нечего Терять»). Данный текст был выбран неслучайно: рок-группа «Чиж и компания», «Чиж & Со» была создана в начале 90-х гг. и остаётся популярной благодаря проникновенным текстам и запоминающимся мелодиям. Одним из хитов группы является песня «Еду, еду». Текст представляется перспективным для лингвострановедческого анализа, поскольку в нём реализован ключевой для русской национальной картины мира, для русской ментальности концепт дороги.

Концепт *путь/дорога* относится к универсалиям мировой культуры, архетипом коллективного сознания, который воплощён в 2 из 4 универсальных сюжетов мировой литературы, отмеченных Х. Борхесом («Возвращение домой» и «Поиск»). В мифопоэтическом представлении пространства основными его элементами являются центр и путь [Топоров 1983, с. 229]. В силу специфики исторического развития русского народа

(осваивание новых территорий, продвижение от исторического центра и раздвижение границ государства) понятия *пути* и *дороги* стали неотъемлемой частью фольклора, литературы и русской культуры в целом. На формирование этого неоднородного и многогранного концепта повлияли особенности развития русского национального языка, см., например, мнение В.В. Колесова: «Русская поэтическая формула „путь-дорога“ возникла в то время, когда на основе слияния форм разговорного русского и церковнославянского языков происходило совмещение близкочуждых слов, и лексемой *дорога* пояснялось высокое слово *путь*» [Колесов 2017, с.1202]. По наблюдению О.А. Черепановой, образ пути/дороги усиленно используется в современном поэтическом творчестве, в песнях «образ дороги с её неустроенностью, хаосом, конфликтностью — один из самых популярных» [Черепанова 1999, с. 29].

В научных исследованиях концепт дороги обычно рассматривается как парный — как путь/дорога с выходом в метафизическое, философское пространство: «К числу базовых относится, конечно, когнитивная метафора движения... любые проявления человека, его жизнедеятельность, сама жизнь метафорически осмысляются как путь / дорога, например: выбрать [свой] путь / дорогу — встать на путь — пойти [своим] путём / [своей] дорогой...» [Красных 2008, с. 152].

Отмечается соположенность и некоторая противопоставленность пути и дороги: «Динамика жизненных событий выражается метафорой дороги, а статика, целостность и стабильность цели и нравственных принципов — метафорой пути» [Арутюнова 1999, с.11]. На основе приведённых исследований нами составлен учебный текст-комментарий «Концепт *путь/дорога*», который предлагается учащимся для самостоятельного изучения перед занятием по тексту «Еду, еду».

Для начала учащимся предлагается прослушать песню и прочитать текст. Затем с помощью наводящих вопросов происходит коллективная работа по реконструкции лирического сюжета, образа лирического героя и хронотопа. В итоге группа приходит к следующему заключению: лирический сюжет в данном тексте — это жизнь лирического героя как бесконечное путешествие; повествование от 1 лица, лирический герой по косвенным признакам — музыкант, сочинитель песен (*позади километры оборванных струн, сочинить ещё куплет*), у него есть обычные человеческие связи и отношения — *друзья, мама*, он бывает влюблён, однако всё это представлено в виде перечисления, как краткие остановки на пути; дорога — его *modus vivendi*, цель же движения, направление неясны и лишь

слегка очерчены (*Я к тебе приду когда-нибудь*). Лексико-грамматический анализ позволяет выявить, что в тексте представлен хронотоп дороги — и здесь мы переходим к структурированию, особенностям представления и анализу содержания одноимённого концепта. Как правило, учащиеся не затрудняются с определением, где и как существует герой. Однако при лексическом анализе выясняется, что собственно прямых номинаций — всего 2: *дай... на дорогу, шар воздушный мне подскажет путь* (здесь учащимся предлагается сравнить лексемы *путь* и *дорога* и выявить их контекстуальное значение). Далее учащиеся с помощью преподавателя, индивидуально или в группах, составляют тематическое поле, лексическую основу концепта — для повышения интереса к работе мы предлагаем сделать это в виде ментальной карты. Выделяются лексические группы «пространство» (с подгруппами «измерение/размеры», «ориентация», «объекты пространства»), «лица», «действия», «транспорт». Далее предлагается выделить и объяснить реалии, конкретизирующие образ пространства (например, *тесное купе, лобовое стекло*) и лирического героя (например, *друзья, мама, сиделки, мимолётный роман, чемодан, струны*), выявить выразительные средства текста и единицы, совмещающие несколько значений (*струны*, иносказание *на твоих золотых*), подумать, что обозначают индивидуально-авторские образы *миражи неопознанных лун, шар воздушный, глобус в небесах*. Особое внимание уделяется глагольным формам, отмечаются и интерпретируются как художественные средства повтор, грамматическая форма, стилистическая окраска: например, о чём говорит повтор *еду, еду, еду, еду я*? К кому обращается герой, кто его скрытый адресат (*я к тебе приду когда-нибудь*)? Далее предлагается реконструировать ценностную картину мира лирического героя — его цель (или отсутствие цели), жизненные установки (здесь необходимо коснуться образа дома и семьи, данных фрагментарно и имплицитно). Заключительные задания: сравнить концепт *путь/дорога* в индивидуально-авторском представлении и в общенациональном (с которым учащиеся знакомятся по тексту-комментарию или по фрагментам научных работ, предложенным преподавателем).

В результате лингвокультурологического анализа учащиеся формируют навыки многоаспектного анализа художественного и научного текста, углубляют представления о русской языковой картине мира, русской ментальности, о национальных ценностях — духовных и материальных, учатся производить сравнение значимых концептов русской и мировой культуры и овладевают ЛКК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2020. 288 с.
2. Арутюнова Н.Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна: Изд-во Международного ун-та природы общества и человека «Дубна», 1999. С. 3—17.
3. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-kompetentsiya-soderzhanie-i-teoreticheskie-osnovy/viewer> (дата обращения: 15.04.2025).
4. Ворошкевич Д.В., Казанникова Д.П. Пособие по лингвокультурологическому анализу текста. М.: МПГУ, 2016. 79 с.
5. Игошина О.А. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста при обучении русскому языку немецкоязычных студентов: автореф. ... канд. пед. наук. СПб., 2003. 20 с.
6. Колесов В.В. Путь-дорога // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 5. С. 1200—1213.
7. Красных В.В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Филология как средоточие знаний о мире: сб. науч. тр. М.; Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. С. 140—155.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
9. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227—284.
10. Халупо О.И. Базовые единицы лингвокультурной компетенции носителя языка // Язык и культура. 2012. № 2. С. 123—131.
11. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. Вып. 7. С. 29—34.

Сироткина Татьяна Александровна
Сургутский государственный
педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

ДИКТАНТЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ МАТЕРИАЛЕ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНОФОНОВ

В статье на материале диктантов, включённых в учебное пособие «Мой край, моя Югра» рассматривается тематика текстов, предлагаемых обучающимся, делается вывод о том, что диктанты на региональном материале являются не только средством языковой адаптации, но и средством социокультурной адаптации обучающихся-инофонов. С помощью данных текстов они узнают об истории и современности края, в который они приехали, о местных традициях, актуальных профессиях, его природе и культуре.

Ключевые слова: инофоны, языковая адаптация, социокультурная адаптация, учебное пособие, русский язык как неродной

Sirotkina T.A.
Surgut State Pedagogical University

Dictations on Regional Material as a Means of Linguistic and Socio-Cultural Adaptation of Children-Foreigners

The article, based on the dictations included in the textbook “My Land, My Yugra”, examines the subject matter of the texts offered to students and concludes that dictations based on regional material are not only a means of language adaptation, but also a means of socio-cultural adaptation for foreign language students. With the help of these texts, they learn about the history and modernity of the region they have come to, about local traditions, relevant professions, its nature and culture.

Keywords: foreign language students, language adaptation, socio-cultural adaptation, textbook, Russian as a foreign language

По определению методистов, «диктант — это одно из наиболее употребительных письменных грамматико-орфографических аналитико-синтетических упражнений, которые состоят из воспроизведения услышанного, то есть текст или

отдельные его элементы воспринимаются как на слух (слуховые диктанты), так и зрительно, в отличие от списывания, фиксируемого по памяти (зрительные диктанты). Запись диктантов сопровождается различными дополнительными орфографическими и грамматическими заданиями» [Львов 2005, с. 48].

Наряду с тем, что диктант является средством развития языковых компетенций обучающихся, он служит незаменимым средством социокультурной адаптации детей-инофонов, недавно приехавших в определённый регион на постоянное место жительства. На примере диктантов, включённых нами в учебное пособие «Мой край, моя Югра»* рассмотрим, какие темы актуальны для выбора подобных диктантов и какие дополнительные задания могут выполнить обучающиеся после диктанта.

1. Тема «Природа». Один из диктантов, который предлагается обучающимся по этой теме, называется «Снег». В его тексте много понятий, связанных со снегом: *вьюга, метель, позёмка, пороша, иней*. Все они, безусловно, нуждаются в комментарии учителя, поскольку представители южных культур могли не сталкиваться раньше с этими явлениями. Написав диктант, обучающиеся-инофоны работают с фразеологизмами на данную тему: *как снег на голову, зимой и снега не выпросишь*. Другой диктант — «Северная земля» — рассказывает о суровом климате Югры. Написав его, школьники обсуждают с учителем семантику термина «вечная мерзлота».

2. Тема «Животные». Диктант про медведя повествует о том, какие поверья связаны с этим животным у русских и ханты. После написания этого диктанта школьники вместе с учителем говорят о семантике фразеологизмов, связанных медведем: *медведь на ухо наступил, делить шкуру неубитого медведя*.

3. Тема «Великая Отечественная война». Текст диктанта на эту тему составлен по рассказу местной писательницы Марии Кузьминичны Вагатовой, представительницы военного поколения, которая вспоминает о том, как трудно было детям войны, как они помогали взрослым пережить это непростое время. После написания текста диктанта обучающиеся работают с семантикой фразеологизмов на эту тему: *боевое крещение, принимать в штыки*.

4. Тема «Наш Сургут». В тексте диктанта «Наш Сургут», основой которого стало эссе студентки Сургутского педуниверситета,

* Мой край, моя Югра: учебное пособие по русскому языку как неродному / авт.-сост.: Т.А. Сироткина, О.В. Руднева. Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2024. 88 с.

говорится о многонациональном составе жителей города, местной природе, традициях жителей. Фразеологизмы, которые взяты для работы на данном занятии, связаны с одним из основных концептов русской культуры — «Дом»: *чувствовать себя как дома, дома и стены помогают*. Другой текст на эту тему — «Старый Сургут», основанный на рассказах местной жительницы Людмилы Кайдаловой, которая вспоминает о своём сургутском детстве. Ещё один диктант — «Сургутские улицы». Он рассказывает детям о том, почему так названы те или иные сургутские улицы, обращает внимание на то, что многие из них являются «именными», живыми хранителями памяти о тех выдающихся людях, которые внесли достойный вклад в развитие нашего города: геологов, нефтяников, строителей, энергетиков. Есть улицы Показаньева и Захарова, Мелик-Карамова и Каролинского, Кукуевицкого и генерала Иванова и т.д.

5. Тема «Профессии». В диктанте «Важная профессия», составленном по материалам местных СМИ, рассказывается о профессии нефтяника. Перед написанием данного диктанта школьники вместе с учителем объясняют значение слов, которые встретятся в тексте: *вышка, буровая, скважина*. В другом диктанте на эту тему, «Знаменитый нефтяник», рассказывается о Григории Михайловиче Кукуевицком, известном нефтянике ХМАО-Югры, именем которого названа одна из сургутских улиц.

6. Тема «Местные музыкальные инструменты». Для региона ХМАО-Югры такими инструментами являются, например, томра или хантыйская скрипка «нын-юх», диктанты о которых мы предлагаем обучающимся. Помимо грамматических заданий к предложенным текстам, обучающимся даётся задание определить значение связанных с темой музыки фразеологизмов *тянуть волынку, бить во все колокола, играть первую скрипку, плясать под его дудку*.

Таким образом, диктанты на региональном материале являются не только средством языковой адаптации, но и средством социокультурной адаптации обучающихся-инофонов. С помощью данных текстов они узнают об истории и современности края, в который они приехали, о местных традициях, актуальных профессиях, его природе и культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львов М.Р. Методика обучения русскому языку. М.: Просвещение, 2005. 98 с.